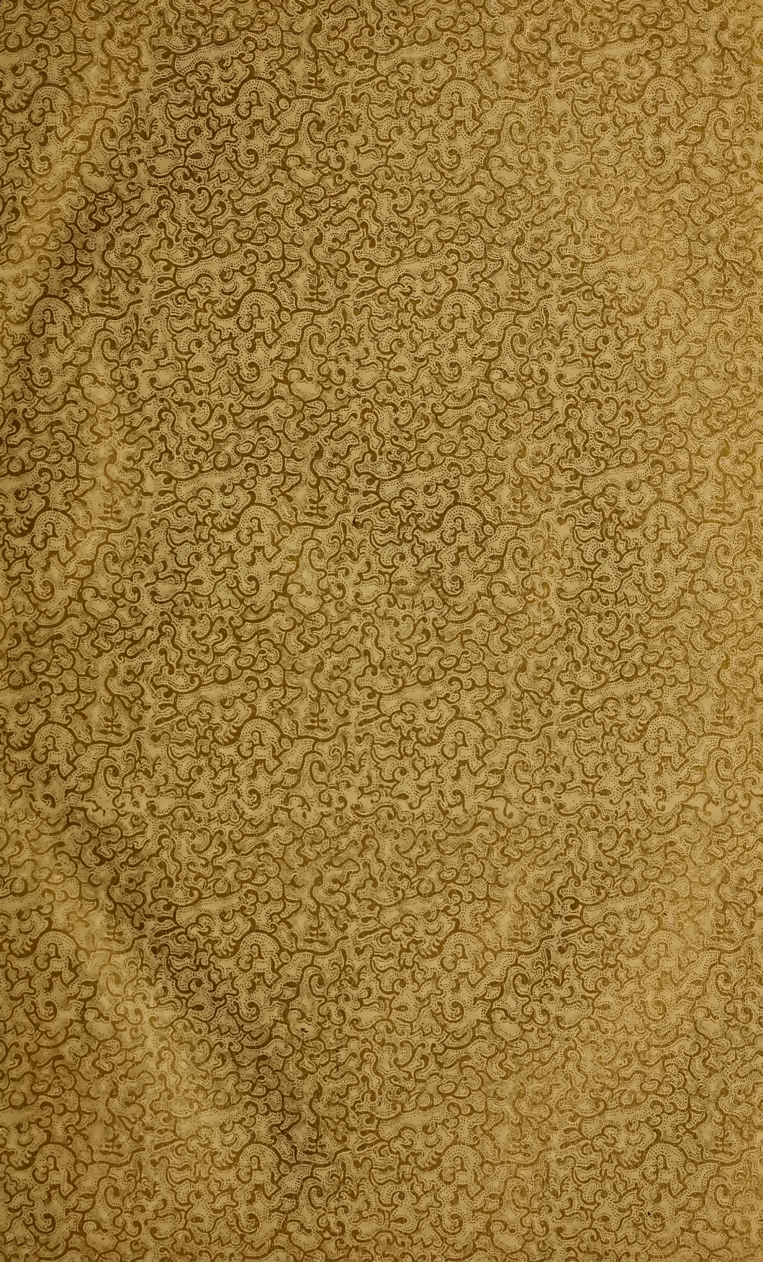

ГРАЖДАНСКІЙ БРАКЪ

КОМЕДІЯ ВЪ 5-ти ДѢЙСТВІЯХЪ

Н. И. ЧЕРНЯВСКАГО.

(Изданіе полное, безъ сокращеній).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. П. Червякова. Семеновскій полкъ Можайская ул., д. № 47.

1867.

Chernîavskiĭ, N I

ГРАЖДАНСКІЙ БРАКЪ

КОМЕДІЯ ВЪ 5-ти ДѢЙСТВІЯХЪ

Н. И. ЧЕРНЯВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1867.

Типографія А. П. Червякова. Семеновскій полкъ
Можайская ул., домъ № 47.

ГРАЖДАНСКІЙ БРАКЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

—

Павелъ Николаевичъ Стахѣевъ, помѣщикъ.

Любовь Павловна, дочь его.

Кузьма Ивановичъ Новоникольскій, студентъ изъ семинаристовъ, домашній учитель Стахѣева.

Вася, сынъ Стахѣева, мальчикъ 8-ми лѣтъ.

Валеріанъ Петровичъ Новосельскій, молодой чиновникъ изъ Петербурга.

Владиміръ Александровичъ Новосельскій, его дядя.

Клеопатра Петровна Дахъ-Реденъ, баронесса, эмансипированная женщина.

Иванъ Николаевичъ Импольскій, свѣтскій пріятель Новосельскаго.

Шарлота Карловна Шварцъ, темная личность, занимающаяся рекомендаціею молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей.

Василій Васильевичъ Прибытковъ, докторъ, пріятель Новоникольскаго.

Демьянъ, старикъ, лакей Новосельскаго.

Алексѣй, лакей изъ молодыхъ, его же.

Наташа, горничная Стахѣевыхъ.

Марья Петровна, бѣдная дѣвушка, живущая у мадамъ Шварцъ.

Михей, староста Стахѣева.

Лакей у мадамъ Шварцъ.

Больной **мужикъ**.

Дѣйствіе 1-е происходитъ въ деревнѣ, одной изъ приволжскихъ губерній, а остальныя въ Петербургѣ. Между первымъ, вторымъ, третьимъ и четвертымъ дѣйствіями проходитъ по нѣсколько мѣсяцевъ, а между четвертымъ и пятымъ—три года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Сцена представляетъ садъ помѣщичьей усадьбы, сбѣгающій къ рѣкѣ; на лѣво—терраса господскаго дома; около террасы, на площадкѣ, разставлены: столы, скамейки и стулья. За однимъ изъ столовъ, на которомъ приготовленъ чай и завтракъ, сидятъ: **Павелъ Николаевичъ** и **Любовь Павловна Стахѣевы.** День жаркій).

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Павелъ Николаевичъ (*переставая читать газету*).

А нашихъ охотниковъ, что то не видать!...чтобы это значило? Вѣрно, Кузьма Ивановичъ провелъ нашего петербургскаго гостя на Федюхино болото. Ну, ничего,—пускай немножко поразомнется, а то вѣдь это ни на что не похоже! Живетъ въ деревнѣ, а деревни не видитъ,—все возится съ книжками...И тебя-то, я думаю, Любинька, зачиталъ совсѣмъ? Ты, вѣдь кажется, это лѣто, ни разу и за грибами не ходила, а?

Любовь Павловна *(разсматривая, вышитый ею воротничекъ),*

Какъ не ходила? Ахъ папа, какой ты сталъ безпамятный! А вчера-то, чьи грибы вы изволили кушать за завтракомъ? что вспомнилъ? (*примѣряя воротничекъ*). Посмотри папа,—хорошо? не правда ли какой миленькій узоръ?

Павелъ Николаевичъ *(засматриваясь на дочь).*

На тебѣ все хорошо—моя красавица!

Любовь Павловна *(ласкаясь къ отцу).*

Ты, кажется, на старости лѣтъ сталъ говорить комплименты? я очень рада, а то ты всѣ эти дни, такой папа хмурый, такой хмурый, что я просто чуть не плакала, да признаться таки сегодня утромъ и поплакала немножко. Вѣрно, что нибудь опять съ крестьянами, или можетъ быть нездоровится? Да? угадала?

Павелъ Николаевичъ.

Нѣтъ, моя милая отгадчица, не угадала...Здоровье мое слава Богу, и раны уже давненько не безпокоятъ, и по имѣнію всё идетъ ладно; но, съ нѣкоторыхъ поръ, меня безпокоишь ты, мой другъ Любинька.

Любовь Павловна.

Я, папа? что же я такое сдѣлала?

Павелъ Николаевичъ.

Ничего, но за послѣднее время ты страшно перемѣнилась, такъ что даже я—близорукій старикъ не могъ не замѣтить этой перемѣны: ты стала разсѣянна, безпрестанно о чемъ то задумываешся, какъ будто чего-то ждешъ, измѣнила всѣ свои привычки... Напримѣръ: прежде какъ ты любила музыку? Бывало ждешъ не дождешься, когда тебѣ почта привезетъ новыя ноты изъ Петербурга;—а теперь я ужъ и не помню, когда у насъ отпирался рояль. Да, я вижу, что кругомъ меня происходитъ что-то не ладное; но мы, отцы, плохіе повѣренные сердечныхъ тайнъ своихъ дочерей. Эхъ! кабы была жива твоя покойная мать, та бы съ разу развязала этотъ гордіевъ узелъ.

Любовь Павловна.

Что же это, папа? кажется упрекъ въ скрытности? Я не заслужила его...Да и такой-ли ты отецъ, чтобы отъ тебя скрывать что нибудь?

Павелъ Николаевичъ.

Ну, вотъ видищъ, не успѣлъ я рта разинуть, какъ ужъ и обидѣлъ тебя, а все почему? Потому, что привыкъ рубить съ плеча, точно карре приступомъ берешъ, а между тѣмъ, какъ есть вещи, которыхъ нужно касаться особенно осторожно, особенно деликатно. Ну, прости меня!

Любовь Павловна.

Голубчикъ папа, онъ-же и проситъ прощенья за то, что любитъ меня!—Ну спрашивай, спрашивай обо всемъ, что тебя тревожитъ? Ну, спрашивай же?...

Павелъ Николаевичъ *(растягивая слова)*.

Вотъ видишъ Люба....—какъ бы это ловчѣе начать? Ну, да начнемъ просто. Ты уже въ такомъ возрастѣ, когда для дѣвушки мало однихъ ласкъ отца, когда дѣлается тѣсно въ родимомъ гдѣздѣ, хочется вылетѣть на волю, испробовать силы; въ это время стоитъ только появиться, около, какому нибудь молодому человѣку, мало-мальски выдѣляющемуся изъ толпы, и молодое чувство вспыхиваетъ....любимый предметъ дѣлается какимъ-то идеаломъ, недостатки его не замѣчаются, всѣ разсчеты въ сторону; а между тѣмъ, Люба, эти холодные разсчеты необходимы въ жизни.... сѣдые волосы убѣдили меня, какъ они необходимы! Иногда, годами не выкупишъ того, что сдѣлаешъ въ минуту увлеченія! У тебя, Люба, честная, открытая, рѣшительная натура, а этихъ-то хорошихъ качествъ я и боюсь теперь. Матери у тебя нѣтъ, опереться не на кого, посовѣтоваться не съ кѣмъ; передъ ней, я знаю, ты заплакала бы и разсказала всѣ свои волненія и дѣвическія мечты; но отецъ, какъ бы онъ не былъ нѣженъ, никуда не годится въ подобныхъ вещахъ...Да, никуда не годится!....*(быстро вскидывая глаза на дочь)*. Люба! ты любишъ Валеріана Петровича?

Любовь Павловна. *(сперва молчитъ, потомъ оставляетъ шитье, складываетъ руки и говоритъ спокойно, глядя отцу въ глаза).*

Да, папа, ты не ошибся, я люблю его....

Павелъ Николаевичъ.

И онъ знаетъ про твою любовь?

Любовь Павловна.

Знаетъ, папа; онъ также любитъ меня *(немного помолчавъ)*. Скажи, тебя огорчаетъ это?

Павелъ Николаевичъ.

Не огорчаетъ, а пугаетъ, Люба...

Любовь Павловна.

Ты, можетъ быть, не любишъ, папа, Валеріана Петровича за то, что онъ часто споритъ съ тобою?

Павелъ Николаевичъ.

О, нѣтъ! напротивъ, я люблю этотъ задоръ молодости, я и самъ былъ когда-то такой же; да и спорю-то я съ Валеріаномъ Петровичемъ, по большей части для того, чтобы убить время.....что-жъ? у него, кажется, хорошія, честныя убѣжденія, и я охотно вѣрю, что изъ него выйдетъ со временемъ дѣльный человѣкъ....конечно, теперь еще молодо—зелено, но задатки есть.... есть....

Любовь Павловна *(увлекаясь)*.

Ахъ, папа; если-бъ ты зналъ, какъ онъ добръ и честенъ, какъ онъ любитъ меня! Вѣдь я ему почти всѣмъ обязана! Что наше институтское воспитаніе? Выпустили на божій свѣтъ, точно слѣпую, ходила я, какъ въ потемкахъ, и онъ, папа, освѣтилъ эти потемки. Сь тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ и заговорилъ со мною серьезно, безъ тѣхъ пошлыхъ комплиментовъ, которыми осыпали меня наши провинціальные кавалеры, я точно выросла, я живу совсѣмъ другою жизнью *(бросаясь на шею къ отцу)*. Папа! голубчикъ папа! полюби его, онъ стоитъ этаго!

Павелъ Николаевичъ *(разстроганный, цѣлуя Любиньку)*.

Умный ты мой, добрый, честный, ребенокъ! Ты, кажется, знаешъ своего отца и его характеръ знаешъ, что онъ гораздо легче любитъ людей, чѣмъ ненавидитъ ихъ. Старикъ ужъ я, а все хочется вѣрить, что на свѣтѣ больше хорошаго, чѣмъ дурнаго.... какъ-то легче живется съ этою мыслью..... какъ же мнѣ не полюбить человѣка котораго ты любишъ? какъ сына роднаго полюбилъ бы я его, но Любинька, въ томъ-то и дѣло, придется-ли мнѣ видѣть въ немъ сына? Это-то меня и грызетъ. Валеріанъ Петровичъ, говорятъ, очень богатъ; онъ принадлежитъ къ знатной фамиліи и, вѣроятно, родня его прочитъ ему въ Петербургѣ какую нибудь блестящую партію; ну, а мы съ тобой старосвѣтскіе помѣщики...... Онъ въ нашей глуши залетная

птица..... Залетѣлъ случайно, и улетитъ также случайно.... Придетъ въ одно прекрасное утро, да и скажетъ: прощайте—молъ, Павелъ Николаевичъ! Прощайте Любовь Павловна! благодарю васъ за хлѣбъ, за соль, завтра я въ Петербургъ ѣду—да и былъ таковъ! что тогда то будетъ Люба?

Любовь Павловна (*твердо*).

Нѣтъ! этаго никогда не будетъ, этаго не можетъ быть, ты не знаешъ Валеріана! Ты-бы послушалъ, съ какимъ презрѣніемъ онъ говоритъ объ этихъ бездушныхъ куклахъ, называемыхъ свѣтскими барышнями. Что касается до родни, то родня не можетъ имѣть на него никакого вліянія.... Валерій, человѣкъ самостоятельный, и не позволитъ играть съ собою какъ съ мячикомъ; при томъ же, вѣдь, у него нѣтъ ни отца, ни матери; остались какіе-то старые дяди да тетки, съ которыми онъ почти никогда не видится.

Павелъ Николаевичъ (*весельѧ и потирая руки*).

Такъ ты говоришъ, что онъ не очень-то любитъ велико—свѣтскихъ барынь? Ну эта черта хорошая, это значитъ у него еще не испорченная натура, молодецъ Валеріанъ Петровичь! Хотѣлъ бы я, признаться, посмотрѣть на него въ ихъ кругу, то-то, я думаю потѣха. Вѣдь у него языкъ собака! Ну а чтоже, высказывалъ онъ когда нибудь тебѣ, Люба, какую-бы онъ желалъ имѣть жену? Прежде всего конечно хорошую хозяйку,

чтобъ въ домѣ была тишь да гладь, да божья благодать. Да! жена хозяйка, это великая вещь!

Любовь Павловна (*улыбаясь*).

Нѣтъ, голубчикъ папа, ты не много не угадалъ. У Валерія другой идеалъ жены. Онъ говоритъ, что мы— женщины, не для того только созданы, чтобъ присматривать на кухнѣ, да штопать мужнино бѣлье; онъ говоритъ, что мы точно также, какъ и мущины способны къ разумной дѣятельности, и что каждый мужъ, если только онъ любитъ и уважаетъ свою жену, обязанъ стараться дать ей такую дѣятельность.

Павелъ Николаевичъ.

Ну, я что-то плохо понимаю это. Мудрена нынче стала молодежъ; впрочемъ говорятъ люди все становятся умнѣе,—можетъ быть правда и на вашей сторонѣ; а по моему, у женщины, которая сама за всѣмъ слѣдитъ въ домѣ, сама воспитываетъ дѣтей, хлопотъ полонъ ротъ, такъ что для другой-то дѣятельности врядъ-ли время отыщешъ. Ну а скажи Люба, не замѣтила-ли ты, въ разговорахъ съ Валеріаномъ Петровичемъ, какое онъ придаетъ значеніе богатству? Можетъ быть отъ невѣсты онъ потребуетъ такого-же состоянія, какое имѣетъ самъ?

Любовь Павловна.

Онъ, папа, не придаетъ богатству ровно никакого значенія; онъ говоритъ что сила не въ деньгихъ, а въ

трудѣ, и что въ наше время, кому Богъ далъ здоровую голову, да здоровыя руки, въ Россіи не умретъ съ голоду!

Павелъ Николаевичъ (*весело*).

Прекрасный преблагородный молодой человѣкъ онъ послѣ этаго! Значитъ, я, старый профанъ, только напрасно безпокоился... Тфу! точно гора съ плечь свалилась!.... Вотъ что значитъ объясниться по душѣ, и всѣ недоразумѣнія покончены! А то я вѣдь всѣ эти ночи спать не могъ! Ворочаешься до утра съ боку на бокъ, да все думаешъ а выдумать-то ничего не можешъ..... Повѣришъ, трубки не въ состояніи былъ выкурить, какъ слѣдуетъ, горечь какая-то во рту, да и кончено.... Вечеромъ вчера управляющій пришелъ—приказанія получать, такъ я ему такой дичи наговорилъ, что онъ вѣрно подумалъ, что я на старости лѣтъ пить началъ...

Любовь Павловна.

Ахъ, голубчикъ папаша, и это все я надѣлала такихъ тревогъ!

Павелъ Николаевичъ.

Нельзя было, Люба, не тревожиться. Думаю, онъ баринъ большой, а мы люди маленькіе, по пословицѣ, кошкѣ игрушка, а мышкѣ слезы....... Уѣдетъ и былъ таковъ, а тутъ изволь по немъ сохнуть да убиваться... Ну, теперь-то я и успокоился, теперь я понялъ, что онъ за человѣкъ. Славная нынче стала молодежъ, слав-

ная! Намъ, старикамъ только любоваться на нее. Да и то сказать, вотъ графъ Бѣльскій, нашей-же губерніи помѣщикъ, женился на гувернанткѣ, на бѣдной дѣвушкѣ; а вѣдь какъ счастливо, всѣ завидуютъ....... Вотъ и мы, дастъ Богъ справимъ свадьбу; я вѣдь только сплю и вижу, чтобъ тебя при жизни пристроить, Люба..... Иной разъ ляжешъ спать, а самъ начнешъ представлять, какъ все это будетъ. Найдется, думаю, смирный, хорошій человѣкъ, выдамъ я за него мою Любу за мужъ, пускай совьютъ себѣ гнѣздышко..... Поселятся тутъ-же у меня въ домѣ, я ужъ и лѣсу припасъ, чтобъ къ веснѣ новый флигель вытянуть..... Сдамъ на руки молодому зятю хозяйство,—мнѣ ужъ пора на покой, а самъ буду съ внучатами возиться. Да такъ иной разъ Люба, замечтаешся такія это начнешъ картины рисовать, что и не увидишъ, какъ и свѣтъ забрезжетъ. (*За садомъ слышны выстрѣлы*). Ну вотъ и наши охотники подходятъ, вѣрно ружья разряжаютъ. Позаботься-ка Люба о завтракѣ, да надо велѣть подогрѣть самоваръ.

ЯВЛЕНІЕ II-е.

(Тѣже и **Вася**—сынъ **Стахѣева**).

Вася (*вбѣгая запыхавшись*).

Кузьма Ивановичъ и Валеріанъ Петровичъ идутъ, я ихъ съ горки видѣлъ. Папка! а папка! посмотри какого я жука нашелъ, да посмотри же! Я его отдамъ

Кузьмѣ Ивановичу, пускай онъ его на булавку въ коробку посадитъ. Люба? налей мнѣ чаю со сливками, да крендельковъ дай! *(Карабкается на стулъ)*. Дашъ?

Любовь Павловна.

Подожди, имѣй терпѣніе, сейчасъ будемъ и чай пить и завтракать. Посмотрите лучше Василій Павловичъ на кого вы похожи? сегодня только что надѣлъ чистую рубашку, а уже вся въ грязи.

Вася (*капризничаетъ.*)

Я не хочу ждать, дай сейчасъ чаю?....

Павелъ Николаевичъ.

Дай ему чаю, Люба; мальчикъ бѣгалъ все утро,— проголодался.

Любовь Павловна (*наливая чай*).

Ну ужъ ты, папа, извѣстный баловникъ! На, пей, да не облейся.

Вася (*выпивая залпомъ чай, забираетъ нѣсколько кусковъ булки и убѣгаетъ въ садъ,*)

Необлился.

ЯВЛЕНІЕ III-е.

(Тѣже кромѣ **Васи**, и **Кузьма Ивановичъ Новоникольскій** съ **Валеріаномъ Петровичемъ Новосельскимъ**).

Павелъ Николаевичъ.

Добро пожаловать дорогіе гости, какъ разъ къ завтраку.

Любовь Павловна (*обращаясь къ Валеріану Петровичу, сходящему съ террасы.*)

Какъ вы сюда попали? мы васъ ждали съ той стороны,—изъ сада мы слышали ваши выстрѣлы, но къ сожалѣнію не могли отсалютовать вамъ.

Новосельскій (*раскланиваясь*).

Болота ваши также не гостепріимны, какъ гостепріимны, ихъ милые владѣтели. Лавируя по кочкамъ, я рѣшительно повыворачивалъ себѣ ноги, и, до того перепачкался, что не рѣшился прямо явиться къ столу, а долженъ былъ на скорую руку переодѣться.

Павелъ Николаевичъ (*смѣясь*).

А! наша болота не петербургскія гостинныя, Валеріанъ Петровичъ, и за нашими бекасами ухаживать далеко не такъ безопасно, какъ за петербургскими барышнями.

Новосельскій.

Опасно-ли ухаживать за петербургскими барышнями, я не знаю,—не испыталъ, но бекасы ваши, дѣйствительно нѣчто въ родѣ сказочныхъ, неприступныхъ красавицъ; впрочемъ Кузьма Ивановичъ, какъ-то ухитрился убить пару.

Новоникольскій.

Ничего тутъ нѣтъ хитраго, а просто вы стрѣлять не умѣете: — трухтанъ-то вѣдь на стволѣ сидѣлъ.

Павелъ Николаевичъ.

Ну, господа, милости просимъ къ столу; вы, я думаю, проголодались страшно. Люба! не забывай же и обязанности хозяйки.

Новосельскій.

Да, дѣйствительно, я голоденъ какъ собака. Маціонъ славный! На это Федюхино болото посылать бы всѣхъ, страдающихъ гемороемъ!

Любовь Павловна.

Кузьма Ивановичъ! и вы тоже! кажется, свой человѣкъ?

Новоникольскій (*прожовывая кусокъ мяса*).

Обо мнѣ не безпокойтесь, я уже распоряжаюсь; а чтоже это не видать Васи?

Любовь Павловна.

Онъ побѣжалъ ловить жуковъ, для увеличенія вашей зоологической коллекціи. (*Всѣ усаживаются къ столу и начнаютъ завтракать*).

Новосельскій (*обращаясь къ Кузьмѣ Ивановичу*).

Угодно вамъ теперь кончить нашъ споръ? Въ лицѣ Любовь Павловны, я, заранѣе, надѣюсь имѣть защитницу.

Любовь Павловна. (*наливая чай*).

Берегитесь! вы выбираете плохаго адвоката!

Новоникольскій.

Признаюсь, простите за откровенность, а меня такъ всѣ эти споры крайне мало интересуютъ. Въ сущности то они ни что иное, какъ переливаніе изъ пустаго въ порожнее, толченіе воды въ ступѣ....

Новосельскій (*обиженно*).

Однакожъ, у васъ очень оригинальный взглядъ на значеніе спора! А по моему, такъ споръ, какъ и всякій обмѣнъ мыслей, вещь не лишняя (*съ ироніей*)... конечно при условіи, если спорящіе не идіоты.

Новоникольскій.

Да, оно теоретически-то пожалуй такъ, да дѣло въ томъ, что въ нашемъ препинаніи не было никакого обмѣна мыслей. То, что вы мнѣ говорите, я уже не разъ слышалъ и читалъ въ разныхъ хорошихъ книжкахъ; то, что я вамъ говорю, вы можетъ быть тоже не разъ слышали или читали; ну, и выходитъ, что мы просто другъ друга потѣшаемъ. Или вдругъ вы начнете говорить общими мѣстами, а я начну поддакивать. Вы скажете, что народъ нашъ необразованъ, что ему нужно развитіе, и я скажу: да, народъ нашъ необразованъ, не дурно было бы его развить... Потомъ, вы начнете толковать о рабскомъ положеніи женщинъ, о необходимости женскаго труда; ну, и я не премину тот-

часъ же согласиться, что женскій трудъ, молъ, штука хорошая, и потолковавши такимъ образомъ всласть, разойдемся мы очень довольные другъ другомъ. Подвинется ли отъ подобныхъ разговоровъ народное образованіе или женскій трудъ? Нисколько. А почему? Потому что говорили мы пустыя фразы, ни на волосъ не подвигающія дѣла...

Любовь Павловна (*перебивая его*).

Нѣтъ, нѣтъ вы не правы! тысячу разъ не правы!... По вашему разсуждать, такъ и говорить ни о чемъ нельзя, а между тѣмъ я сама на себѣ испытала, какъ развиваетъ разговоръ, съ умнымъ и свѣжимъ человѣкомъ.

Новосельскій (*кивая ей головой*).

Благодарю васъ. Вы отлично поняли мою мысль. Намъ нужны честныя фразы, потому что онѣ ведутъ за собою дѣло и пробиваютъ ту плотную кору застоя и рутины, которою сплошь покрыто наше общество.

Новоникольскій (*вставая*).

Гм.! плотная кора застоя и рутины!... красиво сказано! (*раскланивается*). Позвольте проститься!

Павелъ Николаевичъ.

Куда же вы? Что не сидится съ нами?

Новоникольскій.

Да надо еще въ деревню сходить....Тамъ одинъ

мужикъ руку сломалъ, нужно гипсовую повязку наложить.

Любовь Павловна.

Ахъ, бѣдный! какъ онъ, я думаю, страдаетъ!

Новоникольскій (*мрачно*).

Пьянъ былъ, ну и попалъ подъ телѣгу...Самъ виноватъ... прощайте! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

(Тѣже, кромѣ Новоникольскаго).

Павелъ Николаевичъ.

Чудакъ, а отличный, скажу вамъ, парень!

Новосельскій.

Я съ вами немножко не согласенъ. Мнѣ кажется, что этотъ господинъ очень много думаетъ о себѣ, и, вообще, считаетъ себя за какого-то непризнаннаго генія....изъ семинаристовъ....

Павелъ Николаевичъ.

Нѣтъ, Валеріанъ Петровичъ. Онъ, дѣйствительно, угловатъ и рѣзокъ, ну и гордъ, какъ всѣ люди, сами пробившіе себѣ дорогу; но пустой фанаберіи я въ немъ не замѣчалъ. Кстати, вы знаете его исторію?

Новосельскій.

Нѣтъ, не знакомъ съ нею.

Любовь Павловна (*все это время чистившая ягоды, встаетъ собираясь уходить*).

Оставляю васъ бесѣдовать, а я пойду распоряжусь обѣдомъ; говорятъ: соловьевъ баснями не кормятъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V-е.

(Тѣже, кромѣ **Любовь Павловны**).

Павелъ Николаевичъ.

Его исторія, доложу вамъ, преинтересная. Онъ, изволите видѣть, сынъ бѣднаго, отставнаго дьячка. Отъ насъ, до прихода ихняго, всего верстъ шестьдесятъ будетъ....Ну-съ, воспитывался онъ, какъ и подобаетъ дьячковскому сыну, въ семинаріи, гдѣ его пороли, по его разсказамъ, какъ сидорову козу. Не понравилась ему эта березовая наука, и онъ распорядился такъ, что его, отодравши, на прощанье, чуть не до полусмерти, изъ семинаріи выгнали-съ. Вотъ и задумалъ поступить онъ въ университетъ....какъ тутъ быть?...Денегъ ни гроша, отъ отца помощи не жди, старикъ-то и самъ еле-еле съ хлѣба на квасъ перебивается, при томъ и семейство огромное. Ну-съ, пріискалъ онъ себѣ какую-то работу въ судѣ, переписку

что-ли, да съ гимназистами познакомился, книжками отъ нихъ началъ заимствоваться....Днемъ-то въ судѣ пишетъ, а ночь занимается, такъ что спать приходилось часа три въ сутки, да и на счетъ пищи не взыщите! все больше хлѣбъ да вода; онъ и самъ теперь смѣется,—акридами, говоритъ, да дикимъ медомъ питался....Какъ бы тамъ ни было, а постъ свой онъ выдержалъ и въ университетъ поступилъ....Кажись выбился на дорогу, такъ нѣтъ, не тутъ-то было! Старикъ отецъ расходился...Выросъ ты, пишетъ онъ ему, одёръ, а помощи я отъ тебя не вижу...Мнѣ ужъ теперь не подъ силу и запашку сдѣлать, а работника нанять не на что; чѣмъ баклуши-то бить, пріѣзжай ка ты лучше домой, а не то денегъ присылай. Вотъ-съ, сударь вы мой, началъ онъ деньги промышлять, уроки давать. Теперь все семейство содержитъ; еще недавно сорокъ рублей имъ на корову послалъ....Смѣется....оброкъ, говоритъ, плачу за право образованія. Да и потѣха же у него иногда выходитъ съ этими уроками! Пригласилъ его, знаете, предсѣдатель гражданской палаты....Ну, какъ бы то ни было, тузъ, аристократъ! У этого предсѣдателя, двѣ дочки барышни, дуры,—доложу вамъ, писанныя! Вотъ-съ и пришелъ онъ къ нимъ на первый урокъ. Сертучишко, конечно, истертый, сапоги,—ротъ разѣваютъ; барышни-то усѣлись, напротивъ, да и начали все подъ столъ заглядывать... смѣшно имъ, видите, стало, что у человѣка дыры на сапогахъ....Кузьма Ивановичъ замѣтилъ это, да нисколько не сконфузившись, и обращается къ нимъ.

Что, говоритъ, барышни, смѣшно вамъ, что человѣкъ безъ сапогъ ходитъ? Это, говоритъ, отъ того, что у меня отецъ-то былъ дьячекъ, а у васъ предсѣдатель, ну а на дьячковскомъ-то мѣстѣ, воровать не такъ сподручно, какъ на предсѣдательскомъ....Всталъ, взялъ шапку, да и ушелъ.

Новосельскій.

Ха, ха, ха! Однакожъ вашъ разсказъ, меня окончательно примиряетъ съ нимъ, и я былъ бы очень радъ помочь ему при устройствѣ карьеры....У меня въ Петербургѣ, довольно хорошія связи....

Павелъ Николаевичъ.

Нѣтъ, Валеріанъ Петровичъ, онъ на эту удочку не пойдетъ....привыкъ, знаете, ломить на проломъ.

Новосельскій.

Да, конечно, я и самъ не особенный поклонникъ протекціонной системы, но все-таки есть случаи, гдѣ она необходима. Онъ, кажется, идетъ по медицинскому факультету?

Павелъ Николаевичъ.

Да-съ, посвятилъ себя медицинѣ, въ нынѣшнемъ году курсъ кончаетъ. Надо будетъ разстаться, а жаль; Вася его очень любитъ.

Новосельскій.

Да вы и всѣ, кажется, къ нему привыкли!

Павелъ Николаевичъ.

Кромѣ Любы, та никакъ съ нимъ не можетъ сойтись.

Новосельскій.

Вотъ какъ! это странно. Жить съ Любовь Павловной, подъ одной крышей и не привязаться къ ней, признаюсь, мудрено.

Павелъ Николаевичъ.

Ну вотъ подите же! Да, впрочемъ, онъ, относительно женщинъ совершенный дикарь. Повѣрите-ли, когда къ намъ пріѣзжаютъ гости, его въ гостиную не выманишъ, а ужъ если и выйдетъ, такъ съежится какъ ежъ и заберется куда нибудь въ уголъ. У насъ тутъ, по сосѣдству есть помѣщица одна, этакая уѣздная Жоржъ-Зандъ....съ мужемъ не живетъ, трещитъ противъ брака, куритъ сигары, винцо потягиваетъ не хуже любаго кавалерійскаго ротмистра, верхомъ ѣздитъ какъ мужчина, такъ что крестьяне только дивуются, носитъ стриженые волосы и, въ заключеніе бенефиса, мужскія штаны. Препотѣшная барыня!...Надо вамъ сказать, что Кузьма Ивановичъ ее ненавидитъ какъ черта и, вдругъ, представьте себѣ, этотъ чертъ въ юбкѣ вздумалъ за нимъ приволокнуться! Вотъ вы посмотрѣли бы, какъ онъ отъ нее отгрызался!

Новосельскій.

Воображаю!... На столкновеніи такихъ противопо-

ложныхъ характеровъ, можетъ построиться цѣлый водевиль....

Павелъ Николаевичъ.

Да, батенька, водевиль, такой водевиль, что въ театрѣ рѣдко увидишъ! Ужъ и Люба похохотала въ ту пору, а вѣдь она у меня не большая охотница смѣяться.

Новосельскій.

Да, сколько я замѣтилъ, у Любовь Павловны серьезный, сосредоточенный характеръ.

Павелъ Николаевичъ.

Добрый-съ характеръ! по наслѣдству отъ матери перешло....Мнѣ, можетъ быть, какъ отцу, и не слѣдовало бы это говорить, да не могу удержаться. Вѣдь вотъ теперь крестьяне, если хотятъ что выпросить, идутъ къ ней. Пойдемъ—молъ ребята къ барышнѣ; барышня все наше дѣло справитъ. Шельма народъ тоже! Понравился имъ выгонъ по ту сторону рѣки, ну и что-жъ? вѣдь выпросила у меня....отдай, говоритъ, выгонъ, да и баста. Я ей и говорю: Любушка! вѣдь ты свое добро, матушка, раздаешъ! Ничего, говоритъ, посмотри какіе они бѣдные.

Новосельскій.

Какая благородная черта! Да, если обстоятельства сложатся благопріятно и ей придется идти въ жизни рука объ руку съ человѣкомъ, который не сдавитъ ея

развитія, не остановитъ роста,—изъ нее выйдетъ чудная женщина! (*задумчиво*) и счастливъ будетъ тотъ, кого она выберетъ своимъ спутникомъ...

Павелъ Николаевичъ (*волнуясь*).

Вы изволили сказать: счастливъ будетъ... Покорно васъ благодарю Валеріанъ Петровичъ, что вы съумѣли оцѣнить мою Любу!...Отцу это очень пріятно, тѣмъ болѣе, что вы человѣкъ умный, образованный.... Вы какъ только начали ѣздить къ намъ, я и говорю Любѣ: посмотри, Люба, какой умный, образованный человѣкъ Валеріанъ Петровичъ!

Новосельскій (*слегка кланяясь*).

Благодарю васъ за лестное мнѣніе, повѣрьте, что я съумѣю оцѣнить его.

Павелъ Николаевичъ.

Нѣтъ, что же? я говорю, какъ думаю, а вотъ я вамъ разскажу, какой характеръ у моей Любы...Я, знаете, человѣкъ раненый, нездоровый...вотъ подъ осень, какъ пойдутъ дожди, каждая косточка въ тебѣ заноетъ, такъ что, кажется, ни на что-бы не глядѣлъ, все не по тебѣ, все злитъ; ну и случается, что въ такомъ несчастномъ настроеніи духа, прикрикнешъ на нее иной разъ, и самъ не знаешъ за что....Никогда она слова въ отвѣтъ не скажетъ....Пойдетъ, сядетъ себѣ въ уголокъ, шить начнетъ или читать и сидитъ такая скучная, точно голубка перепуганная, а не заплачетъ,

чтобъ не огорчить меня. Послѣ и самому мнѣ стыдно станетъ, такъ стыдно, что хоть сквозь землю провалиться! Ходишъ, ходишъ около нее, а какъ подойдти— не знаешъ...—Что-же?—вѣдь она же первая и приласкается, какъ будто ничего не бывало....

Новосельскій.

Удивляюсь одному, какимъ образомъ ее не испортило институтское воспитаніе? Вѣдь надо знать, что такое наши институты и какія феи изъ нихъ выходятъ? Вчужѣ ужасъ беретъ!

Павелъ Николаевичъ.

Хорошее хорошимъ, Валеріанъ Петровичъ, и останется. Она у меня и въ институтѣ, первою по наукамъ шла. На выпускномъ-то экзаменѣ, на актѣ, я вѣдь у нихъ, стыдно признаться, какъ старая баба разрюмился....

Новосельскій (*улыбаясь*).

Что же васъ такъ разстрогало?

Павелъ Николаевичъ.

Что растрогало и самъ не знаю....Пріѣзжаю я, знаете, къ нимъ, ну вхожу, разумѣется, въ зало.... хорошо-съ...зала громадная съ колонами, народу около меня видимо не видимо, генералитетъ, барыни разряженныя....послѣ я узналъ, что это все родители и родственники выпускныхъ, а впереди-то тоятъ и

сами выпускныя, и Любушка моя между ними стоитъ... Вотъ отслужили молебенъ....я до самаго конца на колѣняхъ стоялъ....молюсь, а у самаго сердце такъ бьется, такъ бьется, какъ оно никогда не билось.... на непріятельскую батарею лѣзъ и то спокойнѣе былъ!.. Наконецъ, начали читать кто какъ изъ нихъ вышелъ, т. е. какъ по наукамъ успѣлъ (*голосъ его начинаетъ дрожать*), слышу, мою-то Любу первую и прочли, да такъ громко, внятно: «первая по выпуску Любовь Стахѣева? Гляжу я нее», а она стоитъ потупившись, покраснѣла вся, точно стыдно ей, что она лучше всѣхъ; гляжу, а у самаго ноги дрожатъ, горло точно сдавилъ кто, а слезы такъ и капаютъ....Вызвала ее начальница, поцѣловала, поздравила, шифръ ей приколола; подбѣжала ко мнѣ Любушка, обнимаетъ меня, а я стою какъ дуракъ, ужъ насилу опомнился, и ее то я думаю, передъ публикой въ конфузъ ввелъ!...

ЯВЛЕНІЕ VI-е

(Тѣже и **Любовь Павловна**).

Любовь Павловна (*сбѣгая съ террасы*).

Ну, вотъ и я готова, отдѣлалась..... Голубчикъ папаша! къ тебѣ тамъ крестьяне пришли. Толковали они мнѣ, что-то на счетъ сѣнокоса, да я, признаться ничего не поняла. Ступай папа, успокой ихъ, ты съ ними умѣешь ладить....

Павелъ Николаевичъ (*вставая и показывая на шею*).

Охъ ужъ мнѣ это лаженье, вотъ гдѣ сидитъ! Опять канючить пришли, а что я имъ дамъ? И такъ ужъ почти все роздалъ...... Дѣлать нечего, надо пойдти, да и ко сну меня что то клонитъ..... Валеріанъ Петровичъ, вы ужъ меня простите старика, если я вздремлю немного,—до обѣда, я думаю, еще далеко.

Любовь Павловна.

Да, папа, часа два добрыхъ—успѣешъ выспаться....

Новосельскій.

Помилуйте, Павелъ Николаевичъ, какія въ деревнѣ церемоніи? Вы меня бы только стѣснили ими.

Павелъ Николаевичъ.

Ну такъ я побреду. (*Беретъ со стола газету, очки и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII-е.

(Тѣже, кромѣ **Павла Николаевича**).

Любовь Павловна (*смотритъ въ слѣдъ отцу, потомъ когда онъ скрывается за дверью, быстро оборачивается и идетъ на встрѣчу Новосельскому*).

Наконецъ-то..... какъ измучилась я Валерій! (*обнимаетъ его, садится рядомъ съ нимъ на скамейку и кла-*

детъ ему голову на плечо.) Я часто думаю: отчего я должна скрываться передъ людьми? Отчего я не смѣю при нихъ обнять тебя, поцѣловать? Иной разъ, когда ты говоришъ, такъ-бы и кинулась на шею,—не смѣю! Какъ это несносно!.... Что тутъ преступнаго, что я люблю тебя?

Новосельскій (*заглядывая ей въ лицо*).

Скоро, скоро, другъ мой, ты не будешъ имѣть нужды скрываться,—обстоятельства измѣнятся....

Любовь Павловна (*слабо*),

Ты говоришъ скоро?... давай Богъ!.... *(закрывая лицо и вздрагивая)*. Хорошо мнѣ лежать здѣсь..... милый ты мой,—милый!...

Новосельскій (*цѣлуя ее*).

Люба, ты получила вчера мою записку? Вечеромъ, я положилъ ее на окно твоей комнаты....

Любовь Павловна.

Нѣтъ, голубчикъ, не получала....

Новосельскій.

Досадно.... Въ этомъ письмѣ я говорилъ объ очень важномъ для насъ дѣлѣ.

Любовь Павловна.

Послѣ поговоримъ о дѣлѣ, Валерій.... Со мной что-то странное дѣлается..... дышать тяжело.... хочется плакать...

Новосельскій (*сжимая ея руки*).

Плакать, Люба? О чемъ же намъ плакать съ тобою?

Любовь Павловна.

Сама не знаю... какая я глупая нынче стала! Я часто нынче плачу.... такъ.... безъ всякой причины,... только это хорошія слезы.... легко мнѣ послѣ нихъ....

Новосельскій.

У тебя нервы разстроены......

Любовь Павловна.

Нѣтъ, не нервы, милый!—не умѣю я только растолковать, что это такое! Добрѣе я, что ли стала, какъ полюбила тебя—не знаю, только иногда мнѣ какъ будто жаль васъ всѣхъ: и отца жаль, и тебя, и Наташу, и крестьянъ, всѣхъ, всѣхъ!..

Новосельскій.

Какой же ты еще ребенокъ! Что же ты въ насъ находищъ достойнаго жалости?

Любовь Павловна (*подымая голову, съ упрекомъ*).

Вотъ видишъ, Валерій, ты смѣешься, думаешъ, что я какая-то сумашедшая, а я хотѣла, чтобы ты растолковалъ мнѣ, что во мнѣ происходитъ. Я вѣдь все еще брожу какъ въ сумеркахъ, а мнѣ хочется чтобъ вокругъ меня свѣтло было, знать все хочется..... Мнѣ кажется

иной разъ, что всѣ мы живемъ не такъ, какъ надо, а какъ жить иначе—я не знаю..... Вѣдь я все привыкла повѣрять тебѣ Валерій, потому, что ты мой свѣтъ, а ты вотъ смѣешься, не хочешъ растолковать мнѣ....

Новосельскій (*съ увлеченіемъ*).

Какъ же тебѣ не грѣшно Люба? Развѣ я, когда нибудь смѣялся надъ тобой? Развѣ можно смѣяться надъ тѣмъ, кого любишъ?

Любовь Павловна.

Безтолковая я.... ничего не могу объяснить, какъ слѣдуетъ, точно словъ у меня нѣтъ....

Новосельскій.

Нѣтъ, нѣтъ, Люба, говори мнѣ все, я хочу знать твою внутреннюю жизнь, пойми, что мнѣ нужно знать ее....

Любовь Павловна (*опять кладя ему голову на плечо, задумчиво*),

Вчера ночью, я ушла въ садъ не спалось что то..... далеко прошла, къ самой рѣкѣ.... аллеи такія темныя, глубокія.... сперва мнѣ страшно стало, даже дышать трудно было, а потомъ такъ хорошо, такъ легко сдѣлалось!... Кругомъ тихо.... ни одинъ листъ не шевелится, надъ рѣкою туманъ плыветъ, точно тѣни ходятъ..... Сѣла я на берегу, и долго сидѣла, и что-то чудное со мною сдѣлалось тамъ, внутри меня, какъ будто

все затихло, присмирѣло.... И знаешь? въ ту минуту, я не одного тебя любила, а все, что только окружало меня, всю землю любила..... какъ будто и вода и деревья, и каждая травка, были мои родные, близкіе.... Мнѣ хотѣлось молиться, и никогда еще, Валерій, я такъ не молилась, какъ тамъ, въ эту ночь, у рѣки....

Новосельскій.

О комъ-же ты молилась, Люба?

Любовь Павловна (*разсѣянно, какъ бы думая о чемъ-то другомъ*).

О комъ? обо всѣхъ, и не объ однихъ людяхъ молилась я, Валерій, не одни люди мнѣ были дороги въ эту минуту, а все было дорого, и вода, и трава, и птицы.... всѣмъ я желала счастья.....

Новосельскій (*смотря на нее удивленными глазами*).

Травѣ-то желала счастья? Ну, признаюсь, я этаго желанія не понимаю!..

Любовь Павловна (*уныло*).

Не монимаешъ, Валерій? а я думала, что хоть ты поймешъ меня.... Другимъ мнѣ было бы тяжело и стыдно даже разсказать про это, другіе, я знаю только бы посмѣялись надо мною, а тебя я не стыжусь, потому что люблю тебя...

Новосельскій.

И не стыдись, Люба! Откровенность — это первое условіе всякой привязанности. Мнѣ кажется, я непонялъ тебя, и ни къ цвѣтамъ, ни къ деревьямъ ревновать не стану. Кто любитъ—тотъ счастливъ, а кто счастливъ, тотъ хочетъ чтобы и всѣ кругомъ его были счастливы.

Любовь Павловна (*весело*).

Ну, вотъ видишъ какой ты умный! Я и сама объ этомъ думала, даже помнится читала гдѣ-то, чуть ли не вмѣстѣ съ тобою, а теперь, какъ ты сказалъ, я ужъ не сомнѣваюсь больше! О какомъ же дѣлѣ, ты говоришъ Валерій? Я теперь вспомнила....

Новосельскій (*затрудняясь и сморщивая лобъ*).

Объ очень важномъ дѣлѣ... Очень важномъ, для насъ съ тобою.

Любовь Павловна,

Ну разскажи же мнѣ это важное дѣло?

Новосельскій (*очевидно затрудняясь*).

Сегоднишній день долженъ рѣшить все. Сегодня мнѣ придется испытать на дѣлѣ, насколько я дорогъ тебѣ....

Любовь Павловна (*смѣясь*).

Скажи пожалуйста какіе страхи! Не меня ли ты хочешъ запугать испытаніями? Ну испытывай, испытывай! Посмотрю я, что ты придумалъ такое!.....

Новосельскій.

Нѣтъ, Люба, ты перестанешъ шутить, когда узнаешъ въ чемъ дѣло...

Любовь Павловна.

Да полно-же пугать меня, Валерій! Хочешъ, чтобъ я расплакалась? Говорятъ, вы, мущины, любите это?

Новосельскій.

Напротивъ, дай Богъ, чтобъ дѣло обошлось безъ слезъ. Впрочемъ, я на тебя надѣюсь; ты умна, ты поймешъ меня..... На дняхъ я получилъ письмо, которое требуетъ моего немедленнаго отъѣзда въ Петербургъ; объ этомъ-то я и писалъ тебѣ вчера, потому что послѣдніе два дня мы почти не сходились. Сегодня я поспѣшилъ выѣхать..... вещи мои уложены, лошади готовы. Я распорядился такъ быстро, думая, что ты получила мое письмо, и рѣшилась..... меня обманула твоя сегодняшняя веселость....

Любовь Павловна (*вскакивая въ испугѣ*).

Сегодня..... уѣзжаешъ..... ты.... Валерій?! Ну, скажи же, что ты шутишъ! Пожалѣй меня!... (*сквозь слезы*) Посмотри, у меня ноги подкашиваются..... Да?... вѣдь ты пошутилъ, не правда-ли??....

Новосельскій (*серьезно*).

Нѣтъ, подобными вещами не шутятъ..... но успокойся, мой милый, дорогой другъ; ты не дала мнѣ кончить.—Кто же сказалъ тебѣ, что я хочу уѣхать

одинъ,... бросить тебя? Мы должны ѣхать вмѣстѣ!.... Тамъ въ Петербургѣ, а не здѣсь, въ деревенской глуши, твое настоящее мѣсто, тамъ только для тебя найдется та дѣятельность, которую, ты, спишъ и видишъ во снѣ; тамъ передъ тобою развернется широкая дорога разумнаго труда! Отъ тебя теперь, Люба, зависитъ вся твоя будущность, все твое счастіе!....

Любовь Павловна.

Но, я не понимаю тебя, Валерій!.... Отецъ мой ничего не знаетъ, ты не говорилъ ему.... какъ же это все будетъ, растолкуй мнѣ?

Новосельскій

Да, я ничего не говорилъ твоему отцу потому, что говорить ему объ этомъ былъ-бы напрасный трудъ...... онъ не понялъ-бы меня, онъ человѣкъ иныхъ убѣжденій, иного поколѣнія.... Тебѣ нужно рѣшиться ѣхать со мною безъ его согласія......

Любовь Павловна (*испуганная*).

Безъ его согласія?.... бѣжать?..... отъ отца??... Опомнись Валерій! Да и къ чему мнѣ скрываться? Не дальше какъ сегодня, я ему сказала прямо, въ глаза, что люблю тебя...

Новосельскій (*какъ бы обдумывая каждое слово*).

Пускай онъ знаетъ про нашу любовь, но, я тоже знаю, что онъ, по своимъ понятіямъ потребуетъ отъ меня того, что я не могу дать, не переставъ уважать

себя, какъ бы тебя не любилъ..... (*помолчавъ*). Ты, Люба, не можешъ мнѣ бросить въ глаза упрека,—что я обманывалъ тебя..... Помнишъ-ли, почти при самомъ началѣ нашего знакомства, я высказалъ тебѣ свои убѣжденія о бракѣ?.. Я говорилъ тогда, что я вѣрю только въ свободный союзъ мущины съ женщиною, союзъ—основанный на взаимномъ уваженіи и довѣріи...... Я не хочу, въ моемъ личномъ дѣлѣ, давать какія-бы то ни было обязательства обществу!...... И кто можетъ поручиться, что эти обязательства выполнимы? Иногда, съ годами, когда ближе узнаешъ ту, которую когда-то, казалось, любилъ, видишъ, что эта любовь была ничто иное какъ ошибка....для любви нѣтъ содержанія и она потухаетъ....Что надо сдѣлать въ такомъ случаѣ?...разойтись....Но какъ разойтись, когда надѣты цѣпи?...Тяни лямку до конца, мучь другъ друга, плати и тогда, когда уже нечѣмъ платить, по выданному векселю... Ты теперь любишъ меня... но, кто знаетъ?—быть можетъ тамъ, въ другой, болѣе широкой сферѣ, ты встрѣтишься съ человѣкомъ, передъ которымъ поблѣднѣетъ мой образъ....При свободныхъ отношеніяхъ, я не лягу бревномъ на твоей дорогѣ, а отойду въ сторону, и ты не будешъ проклинать меня, что я заѣлъ твою жизнь!..Однимъ словомъ, я признаю только гражданскій бракъ.

Любовь Павловна (*все время слушавшая его приподнимается, хватаясь руками за голову*).

Нѣтъ...силъ ужъ моихъ больше, нѣтъ!...съ ума я

сойду, Валерій!...Господи! что же это такое?...говоришъ ты—точно хоронишъ меня, точно въ землю закапываешъ!...Вѣдь пойми ты....я все тебѣ отдала!... (*плача*). Любовницей твоей сдѣлалась, потому что вѣрила тебѣ, знала, что любовь моя не кончится, покуда жива я!...Мнѣ все равно....будь я одна, я бы на край свѣта пошла за тобой....какъ собака за хозяиномъ.... что мнѣ?—пускай бы говорили что хотѣли, только бы около тебя быть!...Можетъ быть ты и правъ, я еще не знаю жизни, ничего не знаю, но вѣдь пойми же ты, у меня отецъ есть, и какой отецъ?...который не надышется мною!...Какъ же я убѣгу отъ него?...А если это убьетъ его?...

Новосельскій (*перебивая ее*).

Другъ мой! у тебя слишкомъ экзальтированная натура. О какомъ убійствѣ ты говоришъ?..На практикѣ, эти вещи разыгрываются совсѣмъ иначе....Старикъ, сперва просто, посердится, но потомъ, когда увидитъ, что ты счастлива, повѣрь, онъ примирится съ нами. Если, какъ ты говоришъ, онъ спитъ и грезитъ о твоемъ счастіи, онъ долженъ будетъ удовлетворится, увидѣвши, что его грезы исполнились. Онъ добръ и не глупъ, онъ, со временемъ, разсудитъ, что въ твоемъ поступкѣ не было ничего дурнаго, что онъ преступенъ только съ точки зрѣнія прописной морали. Нравственныя правила создаются и измѣняются людьми. У всякаго поколѣнія есть свои вѣрованія, и неужели мы должны ломать ихъ потому только, что они имѣютъ несчастіе ненравиться нашимъ отцамъ?

Любовь Павловна.

Нѣтъ, я не умѣю еще спорить съ тобою, но только я слышу въ словахъ твоихъ, какъ будто, какую-то ложь, мнѣ даже кажется, что ты самъ плохо вѣришъ, а только стараешься успокоить меня....И зачѣмъ ты сталъ говорить о томъ, что мы можемъ разстаться, что я полюблю другаго? Развѣ это можетъ быть? Отчего же такія черныя мысли не западаютъ въ мою голову? Отчего же я довѣрчиво смотрю въ будущее?...

Новосельскій.

Да развѣ я говорилъ тебѣ, что мы растанемся непремѣнно,—разлюбимъ другъ друга? Ты не такъ поняла мою мысль. Я и самъ вѣрю, что съ годами наша любовь еще болѣе окрѣпнетъ, но я высказалъ тебѣ только тѣ общія причины, которыя заставляютъ меня непризнавать инаго брака, кромѣ гражданскаго. Пойми же, милая моя, какъ это просто: если мнѣ вѣрятъ, если меня считаютъ за человѣка честнаго, мнѣ даютъ деньги безъ росписки, и вотъ, я говорю тебѣ: если ты любишъ меня, значитъ уважаешъ, потому что безъ уваженія любовь не мыслима, а если уважаешъ, такъ и вѣришъ мнѣ; вѣрь-же и люби, не требуя съ меня росписокъ, потому что подобныя требованія, по моему, оскорбительны для развитаго человѣка!...

Любовь Павловна.

Мнѣ-ли ты это говоришъ? Какой еще вѣры ты требуешъ отъ меня? Беззавѣтно я полюбила тебя, сама не

остановилась-бы ни передъ какими жертвами, но ты требуешъ, чтобъ я принесла тебѣ въ жертву отца!... Нѣтъ, у меня на это не хватитъ духу....Я боюсь за него....я не могу съ тобою ѣхать Валерій!...Лучше поѣзжай ты одинъ....Что дѣлать! тяжело мнѣ будетъ; я знаю, что съ твоимъ отъѣздомъ свѣтъ мой потухнетъ, ночь для меня настанетъ, но я какъ нибудь переживу эту ночь, буду ждать тебя....Потомъ ты пріѣдешъ....

Новосельскій (*съ досадою, перебивая ее*).

Потомъ я пріѣду, и что же будетъ потомъ? У отца твоего, конечно, останутся тѣ же убѣжденія, у меня тѣ же; узелъ будетъ такъ же запутанъ, какъ и теперь....

Любовь Павловна (*въ отчаяніи*).

Боже мой! что же мнѣ дѣлать? (*помолчавъ, стыдливо*). Валерій! отъ чего ты не хочешъ на мнѣ....жениться? (*быстро*) Я не для себя прошу этаго, а для отца,—понимаешъ-ли, для отца?...Зачѣмъ намъ мучить его....оскорблять?

Новосельскій.

Жениться?...я и теперь считаю тебя своею женою; но, такъ жениться, какъ твой отецъ потребуетъ, я не могу. И отъ чего же, мнѣ наконецъ больно это, ты непремѣнно тянешъ на его сторону, а не на мою? защищаешъ его убѣжденія, а не мои? Пора намъ перестать

говорить одни слова.... Поступи я по твоему, ты бы сама, невольно, незамѣтно для себя, перестала уважать меня, потому что поняла-бы, что у меня слово идетъ въ разрѣзъ съ дѣломъ.

Любовь Павловна (*качая головой*).

Да, я знаю, ты все какъ-то умѣешъ доказать... говорить начнешъ, точно у тебя всѣ слова напередъ приготовлены, какъ будто урокъ какой отвѣчаешъ....

Новосельскій.

Что же, Люба, рѣшайся!... Передъ тобой вольная широкая дорога.... Сколько разъ мы вмѣстѣ съ тобой мечтали объ этой дорогѣ... а теперь.... (*съ упрекомъ*), когда я тебя подвелъ къ ней, ты испугалась, струсила!....

Любовь Павловна.

Не могу я, не могу я, милый! Ты такъ уменъ, устрой это какъ нибудь иначе!....

Новосельскій. (*пожимая плечами*).

Устрой какъ нибудь иначе—легко сказать! И кто въ васъ, въ женщинахъ, развиваетъ эту несчастную страсть къ самопожертвованію? Задастся нелѣпою мыслію, что она должна быть вѣчной сидѣлкой, напугаетъ себя какими-то призраками, и ради этихъ призраковъ, отказывается отъ своихъ законныхъ правъ на жизнь,—отъ своихъ законныхъ радостей, готова за-

душить себя!...И что такое эта нѣжная, родительская любовь, если хорошенько разобрать ее? Самый узкій эгоизмъ! *(съ горечью)*. Сиди около насъ, милая дочка, цѣлуй наши морщины, корми насъ, ухаживай за нами, и вѣрь, что эта больничная, сидѣлочная жизнь—твое истинное назначеніе!...

Любовь Павловна.

Охъ, не говори такъ!...Зачѣмъ ты оскорбляешъ его? Чѣмъ онъ виноватъ? Что онъ тебѣ сдѣлалъ? Ты не понимаешъ отца моего....Если бы ты понималъ его, у тебя не повернулся бы языкъ обвинять его въ эгоизмѣ!...

Новосельскій.

Въ такомъ случаѣ, о чемъ мы споримъ,—я тоже не понимаю *(съ горечью, насмѣшливо)*. Въ томъ-то и бѣда, что всѣ мы хорошіе воины, во время мира! На словахъ, мы готовы на всякую борьбу, а когда приходится бороться, такъ мы опускаемъ руки и начинаемъ ныть....Боже мой, какъ я ошибся! Я смѣло взвѣшивалъ себя на одни вѣсы съ твоимъ отцомъ, и думалъ, что истинная любовь перетянетъ....а вышло не такъ, перетянула рутина!...И изъ за этой перержавѣвшей, выдохшейся рутины—прочь всѣ планы объ устройствѣ жизни! Отца жаль,—а любимаго человѣка не жаль.... и себя не жаль.... И такъ, нужно разстаться....*(Подходитъ къ ней, беретъ ее за руку, она машинально повинуется)*. Прощайте, Любовь Павловна! *(наклоняется*

и начинаетъ цѣловать ея руки, она смотритъ на него какъ будто не понимая, что вокругъ нея происходитъ) Прощайте! *(взволнованный)*. Если, когда нибудь, время раскроетъ вамъ глаза и докажетъ, что я былъ правъ, напишите мнѣ—я пріѣду.... Вѣрьте, что ваше мѣсто въ моемъ сердцѣ не займетъ другая женщина!... Да и гдѣ у насъ женщины? Барышни у насъ а не женщины!... *(тихо)* Прощайте!... *(Нѣсколько разъ цѣлуетъ ея руки, потомъ подходитъ къ столу, беретъ фуражку, и тихо, понуривъ голову, идетъ по сценѣ, въ садъ)*.

Любовь Павловна *(смотритъ сперва ему вслѣдъ, потомъ быстро бросается, и вся дрожа, схватываетъ его за плечо)*.

Погоди!... Куда ты?... Зачѣмъ?... погоди же, остановись!... *(не помня себя)*. Ты думаешь, что я такъ отпущу тебя?... Нѣтъ!... Я поволокусь за тобою... подъ колеса брошусь....

Новосельскій *(беря ее за руку)*.

О, Люба, Люба! За что ты мучишъ себя и меня, зачѣмъ эта пытка!... Неужели же я желаю погубить твоего отца! Зачѣмъ ты пугаешъ себя несбыточными предположеніями!... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, ты пріѣхала бы къ отцу, примирилась бы съ нимъ и все бы пошло по старому....

Любовь Павловна.

Да, дай Богъ!... Но все равно... пускай будетъ, что

будетъ...Теперь только поняла я, что жить безъ тебя не могу....Когда ты сталъ уходить, я почувствовала, что умираю...въ глазахъ потемнѣло....сердце, какъ будто оборвалось....Сила, какая-то тянетъ меня за тобою, ворочаться ужъ поздно!...я согласна...бѣжимъ ... но только скорѣй, а то я слягу...я едва держусь на ногахъ....

Новосельскій (*бросается къ ней и обнимаетъ ее*).

О, повѣрь, я съумѣю оцѣнить твою жертву!...Клянусь тебѣ, что мы будемъ счастливы!..Ѣдемъ сейчасъ же, надо пользоваться минутой, покуда рѣшимость не ослабѣла!...Я тебя буду ждать здѣсь же...ничего не бери съ собой!...сбираться нѣкогда....все можно купить послѣ....

Любовь Павловна (*проводя рукой по лбу*).

Да, я только пойду одѣться и скажу Наташѣ....ей можно сказать...она предана мнѣ....жди меня здѣсь.... (*Оборачивается и слегка шатаясь, уходитъ въ комнаты*).

(*Новосельскій подходитъ къ столу, садится, вынимаетъ бумажникъ, беретъ изъ него листъ бумаги и карандашъ, и начинаетъ что-то быстро писать. Кончая записку, онъ складываетъ ее и кладетъ на столъ, затѣмъ оборачивается и видитъ, идущаго изъ сада, Новоникольскаго*).

ЯВЛЕНІЕ VIII-е.

Новоникольскій и Новосельскій.

Новоникольскій (*подходитъ къ Новосельскому, вертя въ рукахъ фуражку, глядитъ внизъ и немного помолчавъ, говоритъ*).

А я пришелъ поговорить съ вами.

Новосельскій (*съ худо скрываемой досадой*).

Вотъ странно! такъ недавно еще вы мнѣ доказывали, что наши разговоры ни къ чему не ведутъ!... Впрочемъ, очень пріятно.

Новоникольскій (*нахмурясь*).

Не знаю, пріятно ли для васъ будетъ,—это до меня не касается, а что касается до разговоровъ, такъ разговоры бываютъ различные: есть разговоры пустые,—это тѣ, которые вы вели со мною, и есть разговоры дѣловые,—это тѣ, которые я поведу съ вами.

Новосельскій (*закусывая губы*).

Однако-жъ, нельзя-ли васъ попросить пріискивать выраженія поделикатнѣе..... вѣдь мы не въ конюшнѣ разговариваемъ....

Новоникольскій.

Не взыщите.... какъ умѣю-съ, блестящаго воспитанія не получилъ, гувернантокъ не было.... Дѣло-то въ

томъ, что когда вы начали ѣздить сюда, вы мнѣ не понравились сразу.

Новосельскій (*вспыльчиво*).

Скажите, кто нуждается въ вашей откровенности?! (*удерживаясь и насильственно смѣясь*). Впрочемъ, продолжайте! Я и позабылъ, что имѣю дѣло съ оригиналомъ! Это интересно.... Позвольте, я сяду......

Новоникольскій,

Кто нуждается въ моей откровенности, это вы скоро узнаете; продолжать я буду, а будете ли вы слушать меня, сидя или стоя,—мнѣ все равно, по мнѣ, хоть лягте.

Новосельскій (*усаживается и закуриваетъ папиросу*).

Я сяду.... этакъ полагаю будетъ удобнѣе.... Кто знаетъ? быть можетъ, меня ожидаетъ цѣлый спичь.... (*насмѣшливо*). Вѣдь вы, когда то, готовились быть проповѣдникомъ,—за краснорѣчіемъ, вѣроятно, дѣло не станетъ......

Новоникольскій (*не обращая на его слова никакого вниманія*).

Что это, думалъ я, глядя на васъ, за человѣкъ? Когда говоритъ онъ, такъ и кажется, что каждое слово перочиннымъ ножичкомъ обстругиваетъ, и только и дѣла—что говоритъ, и дѣлать—ничего не дѣлаетъ....

Новосельскій (*насмѣшливо*).

Скажите! Я не зналъ, что имѣю позади себя такого усерднаго соглядатая!... Вы бы поѣхали въ Петербургъ, тамъ съ этою блестящею способоостью нынче не трудно карьеру составить.

Новоникольскій (*поднимая голову, серьезно*),

Вы напрасно меня стараетесь оскорбить и этимъ помѣшать кончить то, зачѣмъ я пришелъ сюда. Лягаетесь, точно малый ребенокъ, которому бѣгать не даютъ!

Новосельскій (*заносчиво*).

Послушайте, г-нъ Новоникольскій! То, что вы не имѣли гувернантокъ, не даетъ еще вамъ права говорить пошлости! Послѣдній разъ я буду имѣть честь просить васъ, потщательнѣе выбирать ваши выраженія! (*гордо*) Я принадлежу къ тому обществу, въ которомъ принято объясняться другъ съ другомъ прилично......

Новоникольскій.

Это похвально..... еще было бы похвальнѣе, если бы въ вашемъ великосвѣтскомъ обществѣ принято было и поступать прилично. А я, все таки, буду продолжать.... Потомъ, я замѣтилъ, что фразы ваши, очень обыкновенныя для того, кто слѣдилъ за нашею журналистикою за послѣдніе годы, сильно подѣйствовали на чуткую натуру Любовь Павловны; она полюбила васъ, а она

такая дѣвушка, что любить въ половину не умѣетъ...... (*не много помолчавъ*). Вы, кажется, ей тоже оказываете свое расположеніе.... (*понуривъ голову*) Сперва мнѣ это очень тяжело было, потому что..... ну да что же скрываться?...я и самъ люблю ее...... какъ я люблю, разсказывать не стоитъ.... (*Съ грустью*). Мнѣ не то горько было, что не меня он лаюбитъ, а то, что я боялся за нее.... на васъ-то я плохо надѣюсь!....

Новосельскій (*привставая*).

А, теперь я понимаю! Вы во мнѣ видите соперника!.... Ну что-жъ?

Новоникольскій (*съ досадой махнувъ рукою*).

Эхъ, ничего вы не понимаете! Ревновать я что ли буду? Кто мнѣ далъ на это право? Мнѣ бы только Любовь Павловна была счастлива!.... (*тихо, понуривъ голову*). Конечно, думалось и мнѣ: выбивайся ты Кузьма на дорогу, человѣкомъ будешъ, тогда, можетъ быть, и тебя полюбятъ..... Ну, да не судьба должно быть,—значитъ и толковать нечего.... Не все еще отнято, не одною любовью къ женщинѣ жизнь-то мѣряется.... какъ нибудь и одинъ поплетусь..... Думалъ я сперва къ ней пойдти и раскрыть ей глаза, да потомъ разсудилъ, что это и глупо и гадко выйдетъ,—глупо потому, что, говорятъ, будто всѣ влюбленные слѣпы, а гадко потому, что и ошибиться я могъ. А что, шевелилось внутри меня:—если ты Кузьма да ошибаешся? Ты вѣдь его за что, главное, не любишъ? За то, что онъ человѣкъ

другой породы, — бѣлоручка — свѣтскій человѣкъ. — А кто тебя вооружилъ противъ свѣтскихъ людей? Вѣдь ты со всѣмъ не знаешъ ихъ, не жилъ съ ними? Знакомъ ты съ ними по книжкамъ, книжки и вооружили тебя противъ нихъ. Можетъ быть и между ними не все же фразеры бездушные? Можетъ быть и онъ любитъ искренно? Что-же ты то поперегъ то горла становишся? Пойду я думаю, лучше не къ ней, а къ нему и постараюсь вызнать, что онъ за человѣкъ, какія онъ цѣли преслѣдуетъ!..

Новосельскій (*удивленно пожимаетъ плечами*).

Интересно знать, какимъ образомъ вы придумали это испытаніе?

Новоникольскій.

А вотъ-съ какимъ образомъ. Если вы дѣйствительно любите Любовь Павловну и намѣрены на ней жениться, такъ васъ не остановитъ то, что я вамъ сейчасъ скажу, а если вы только отъ скуки вздумали разыграть въ нашей деревенской глуши романъ, чтобы потомъ посмѣяться надъ нимъ, въ кружкѣ своихъ петербургскихъ пріятелей, такъ вы, можетъ быть, послѣ моихъ словъ, отвильнете въ сторону....

Новосельскій (*горячась и ударяя на каждомъ словѣ*).

Ну-съ, а этаго вы не сообразили, велемудрый мужъ, что есть люди, которые способны любить подѣйствительнѣе васъ, но которые къ вѣнцу не пойдутъ, потому

что не признаютъ вашего брака, понимаете-ли? не признаютъ?..

Новоникольскій (*хладнокровно*).

Такихъ людей нѣтъ; но—быть по вашему -допустимъ, что они есть. Что же признаютъ эти мудреные люди?

Новосельскій.

Свободный союзъ, т. е. то, что принято называть гражданскимъ бракомъ.....

Новоникольскій (*смотря на него пристально*).

Гмъ! такъ вотъ мы нынче въ какую дудку играемъ!... Да что же это наконецъ: серьезно говоримъ мы, или дурацкую комедію ломаемъ? (*пожимаетъ плечами*). Вамъ, вѣдь, вѣроятно, извѣстно не хуже меня, что гражданскій бракъ можетъ существовать только тамъ, гдѣ онъ признанъ обществомъ, и гдѣ это признаніе формулировано правительствомъ, выражено положительнымъ закономъ. Вы дали неправильное названіе предмету. То, про что вы говорите, у насъ называютъ свальнымъ бракомъ, или побочною связью; на подобную связь, наше общество привыкло смотрѣть, какъ на развратъ, я предоставляю теперь рѣшить вамъ: предложитъ ли человѣкъ, дѣйствительно любящій, дѣвушкѣ такую связь?

Новосельскій.

А почему же бы и нѣтъ?....

Новоникольскій.

Если у этаго человѣка голова набита не одними трескучими фразами, а сердце еще не окончательно превратилось въ комокъ грязи, его остановитъ бездна причинъ! Я вамъ укажу только на нѣкоторыя.

Новосельскій (*насмѣшливо*).

Сдѣлайте милость, премного обяжете!..

Новоникольскій.

Извольте, обяжу. Во первыхъ, дѣти получаютъ титулъ незаконнорожденныхъ,—это очень важно, важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, участь ихъ не обезпечена.....

Новосельскій.

Удивительно важно,—будутъ-ли мои дѣти называться Петровыми или Ивановыми!

Новоникольскій.

Будутъ ли ваши дѣти называться Петровыми, или Ивановыми—это дѣйствительно не важно, но важно то, будутъ-ли ихъ оскорблять на каждомъ шагу насмѣшками и презрѣніемъ, съ самаго ранняго дѣтства, будутъ-ли они получать, всю свою жизнь, незаслуженные пинки отъ общества—вотъ что важно съ! Теперь пойдемъ дальше. Всякій свободный союзъ, какъ вы изволили красиво выразиться, можетъ быть только между равносильными сторонами; кажется, это не затруд-

ниться понять всякій порядочный школьникъ... А развѣ у насъ равны мущина и женщина?.. Будь женщина самостоятельна, ну еще дѣло другое, она въ такомъ случаѣ, обезпечивала-бы себя сама, но у насъ, какъ и вездѣ, впрочемъ, она безсильна, она идетъ въ жизни цѣпляясь за мущину, ей отведено мѣсто только въ семействѣ, и вотъ, чтобы упрочить за нею это мѣсто, чтобы уравновѣсить ея слабость съ мужской силою, ей взялись покровительствовать: церковь и общество. Вы, хотите разрушить это покровительство? Хорошо, посмотримъ чтобы изъ этого вышло.... У большинства изъ насъ, вслѣдствіе полученнаго воспитанія и соціальнаго положенія женщинъ, взглядъ на нихъ самый грязный, эротическій. На первомъ планѣ стоитъ наружность, внѣшнія качества. Мы выбираемъ ихъ, какъ на биржѣ выбираютъ апельсины и яблоки. Укажите мнѣ хоть одинъ примѣръ, гдѣ бы мущина былъ влюбленъ въ некрасивую женщину, даже, если бы эта женщина обладала умомъ Платона и добродѣтелью Аристида! Такія примѣры рѣдки, потому что, (*съ горькой насмѣшкой*) къ величайшему стыду нашему, намъ все еще женщины нужнѣе ночью, чемъ днемъ. Но внѣшнія качества измѣняются быстро, параллельно имъ измѣняются и наши легкія наклонности. Духовный бракъ служитъ противоядіемъ этой легкости. Онъ говоритъ мущинѣ: смотри! ты сбираешся въ дальній путь, чтобы не забыть чего! Послѣ уже будетъ поздно. Все взвѣсь, оцѣни, изучи ту, которую ты выбираешъ своею спутницею, и тогда уже дерзай! Гражданскій бракъ,

современному мущинѣ, будетъ нашептывать совершенно противное. Не забывай, скажетъ онъ, что ты совершенно свободенъ. Когда у твоей любовницы щеки начнутъ блѣднѣть, а глаза тухнуть, ты можешъ подойдти къ ней, расшаркаться и сказать: «милая моя! теперь я только вижу, что ошибся.... мы несошлись характерами... намъ нужно разстаться.... Простимся же и пойдемъ каждый своею дорогою». Затѣмъ всталъ, встряхнулся и пошелъ, какъ ни въ чемъ небывало; но, куда же—спрашивается—пойдетъ женщина?.. Общество ее гонитъ, закрывая передъ нею всѣ дороги труда; остается жить, торгуя собою, но вѣдь и эта жалкая торговля не всегда возможна, потому что красота—товаръ, падающій съ годами въ цѣнѣ.... (*улыбаясь*) Какъ видите, либеральнѣйшій Валеріанъ Петровичъ, и я умѣю быть краснорѣчивымъ, когда это нужно; а мнѣ нужно теперь, или чтобы вы полюбили Любовь Павловну серьезно, или отказались отъ нее. (*Задумчиво*). Первое-то, конечно, было бы лучше, ей бы страдать не пришлось....

Новосельскій (*смотритъ ему въ глаза*).

Первое было-бы лучше? Но вѣдь вы ее сами любите? Зачѣмъ же эта мистификація?..

Новоникольскій.

Эхъ, какъ мы не понимаемъ другъ друга!... Точно на двухъ различныхъ языкахъ разговариваемъ... Впрочемъ, позвольте васъ поймать на словѣ: вы выходите изъ роли.—

Новосельскій.

Это еще что такое? Что то новое!...

Новоникольскій.

А вотъ что: Вѣдь у всѣхъ у васъ, господа, доводы въ защиту гражданскаго брака одинаковы; въ числѣ этихъ доводовъ есть, я помню, и такой: ты, молъ, уговариваете вы женщину, когда хотите сбить ее, какъ говорятъ наши мужики, на пустую, можешъ встрѣтить, современемъ, человѣка достойнѣе меня, и я не буду тебѣ помѣхой!... Какъ то недавно, я читалъ кажись въ Отечественныхъ Запискахъ, не припомню теперь, разсказъ на эту тему, такъ тамъ герой очень даже эффектно это выразилъ: я, говоритъ, не лягу бревномъ на твоей дорогѣ, и ты не будешъ упрекать меня, что я заѣлъ твою жизнь!... Чрезвычайно картинно!...

Новосельскій. (*вскакивая, разсерженный*).

Однако, что же это такое? За вами открывается новая способность—подслушивать?

Новоникольскій (*смотря на него удивленный и, по видимому, ничего не понимая*).

Нѣтъ, я не имѣю этой скверной способности....подслушивать. (*Помолчавъ, смѣется*). А, теперь я догадываюсь! Вѣроятно, въ разговорахъ съ Любовь Павловной:... (*насмѣшливо*) развивая ее....вы употребили

эту фразу? Ну кто-жъ виноватъ, что вы ваше краснорѣчіе берете на прокатъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ! Вотъ, что говорится, попалъ въ цѣль не цѣлясь! Но позвольте мнѣ кончить: самое главное,—почему любящій человѣкъ не предложитъ дѣвушкѣ гражданскаго брака, это потому, что онъ не захочетъ ставить ее, относительно общества, въ фальшивое, натянутое положеніе, не захочетъ подвергать ее, на каждомъ шагу, хоть и булавочнымъ, но тѣмъ не менѣе, очень чувствительнымъ ударамъ....Кто любитъ-съ, тотъ не бьетъ!...

Новосельскій (*вставая и нетерпѣливо искоса поглядывая на террасу*).

Однакожъ, нельзя-ли васъ попросить кончить? (*зѣвая*) Оно хорошо бы было, еслибы не такъ длинно.... Притомъ, я и цѣли не вижу вашего краснорѣчія. Если вы хотите разубѣдить меня, такъ я долженъ замѣтить, что вами напрасно только тратится ваша блестящая ораторская способность.... (*насмѣшливо*), я, однакоже, отдаю ей полную справедливость и искренно сожалѣю, что вы промѣняли ризу проповѣдника на университетскій мундиръ. Попъ изъ васъ лихой бы вышелъ, но между студентами вы какой-то антиподъ: Судя по вашимъ убѣжденіямъ о бракѣ и остальныя... политическія должны быть хороши!...

Новоникольскій (*подходя къ нему ближе*).

У меня есть одно убѣжденіе—завѣтное, и имъ я мѣ-

ряю жизнь и людей. Если я вижу, что человѣкъ трудится, что онъ самъ, понимаете ли самъ, заработываетъ каждый кусокъ хлѣба, который съѣдаетъ,—я уважаю такого человѣка; за него я пойду въ огонь и воду, онъ можетъ опереться на меня, какъ на гранитную стѣну!... Но я ненавижу либеральныхъ фразеровъ, грошовый либерализмъ которыхъ только и способенъ на то, чтобы пить шампанское или водку, смотря по средствамъ, въ честь уничтоженія крѣпостнаго права, на деньги выжатыя съ тѣхъ же несчастныхъ крестьянъ, да выдумывать, въ пьяномъ видѣ, разныя радикальныя перестройки, да гражданскіе браки!...(*сверкая глазами*) Я ненавижу ихъ!...Россіи не они нужны, а нужны труженики, работники, потому что мы пропадаемъ отъ лѣни и тунеядства, каждый старается отвильнуть отъ дѣла и жить на чужой счетъ, потому что отъ этихъ либеральныхъ фразъ,—нищіе мы скоро будемъ, если каждый недоучившійся оселъ не перестанетъ рѣшать міровыя задачи, да не встанетъ у своего станка, да не начнетъ работать!!..

Новосельскій (*прищуривая глаза и растягивая каждое слово*).

Ну да, и я одинъ изъ этихъ ненавидимыхъ вами либеральныхъ фразеровъ? Не такъ-ли? Вамъ угодно со мною драться? (*ѣдко*). Признаюсь, хотя мнѣ и не совсѣмъ лестно ставить на карту свою жизнь вмѣстѣ съ вашею, но что-жъ?...я готовъ!..Кто знаетъ?—быть можетъ, вамъ и удастся истребить одинъ экземпляръ, изъ ненавидимой вами породы...

Новоникольскій.

Да, между нашими жизнями есть огромная разница,— вы не ошиблись....Ваша жизнь была дорога до сихъ поръ—другимъ, крестьянамъ вашимъ, ну, а моя—мнѣ. Такихъ тонкостей, какъ ваши дуэли, я не понимаю.... Но если, когда нибудь, Стахѣева скажетъ мнѣ, указывая на васъ: «Кузьма Ивановичъ! этотъ человѣкъ погубилъ меня!» такъ Кузьма Ивановичъ придетъ къ вамъ, да безъ всякой дуэли и задавитъ васъ вотъ этими самыми голыми руками!... (*Осматривая руки*). Ничего-съ, руки у меня здоровыя....рабочія...не одни шары на билльярдѣ привыкли катать...За симъ желаю вамъ счастія!... (*Поворачивается и быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX-е.

Новосельскій и Любовь Павловна.

Новосельскій (*смотритъ ошеломленный въ слѣдъ Новоникольскому*).

Дрянь! оборвышъ!!.. мальчишка!!.. Оскорбилъ и удралъ, подлый трусъ!!..

Любовь Павловна (*спускается съ террасы и садится въ изнеможеніи на скамью, на ней надѣто пальто и большой головной платокъ*).

Спитъ... спитъ, какъ святой....ничего не знаетъ.... не знаетъ, что сегодня придется сѣсть обѣдать безъ своей Любы....Господи! подкрѣпи меня...

Новосельскій (*замѣчая Любу, подбѣгаетъ къ ней*).

Ради Бога скорѣй!...Тамъ по саду шляется этотъ проклятый семинаристъ!

Любовь Павловна (*поднимаясь*).

Дай мнѣ руку....у меня подгибаются ноги....(*Новосельскій беретъ ее за руку и собирается вести; въ рукахъ его фуражка, но въ это время, запыхавтись, вбѣгаетъ Наташа*).

ЯВЛЕНІЕ X-е.

(**Тѣже и Наташа**).

Наташа (*съ узломъ въ рукахъ*).

А я, бырышня, вотъ тутъ кое-что посбирала.... платье ваше барежевое цвѣточками, ситцевыхъ два капота отложила....изъ бѣлья тоже, въ дорогѣ-то гдѣ достать?

Новосельскій (*съ досадою вырывая узелъ, бросаетъ его за кустъ*).

Очень нужно!...Ради Бога ѣдемъ!...

Любовь Павловна.

Сейчасъ....(*обнимаетъ Наташу*) Наташа! ты уже ходи за нимъ, голубушка, ты знаешъ его характеръ, чтобы все было такъ, какъ при мнѣ.... Я скоро пріѣду и тебя возьму....

Наташа (*плача*).

Прощайте барышня! Пріѣзжайте скорѣе, мы ждать будемъ, а ужъ на счетъ папаши не сомнѣвайтесь.... все сдѣлаю.... Прощайте Валеріанъ Петровичъ! ужъ вы поберегите нашу барышню....

Новосельскій (*даетъ ей деньги*).

Хорошо, хорошо... Вотъ тебѣ за труды. (*Обращаясь къ Любовь Павловнѣ*). Идемъ же, мой другъ, каждая минута дорога!... (*Беретъ Любовь Павловну за руку и быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Наташа (одна).

Наташа (*смотритъ, покуда они не скрываются за угломъ*).

Не видать ужъ.... Самая эта несчастная, какъ посмотрю я, наша сестра! Вотъ у насъ Прасковья, дворовая дѣвушка была, полюбила она солдата, какъ тутъ солдаты то постоемъ у насъ стояли, такъ и ушла за полкомъ отъ отца.... отъ матери ушла.... Ужъ и билъ же онъ ее, разсказывали!... Все значитъ отогнать хотѣлъ,... а не могъ отогнать, поке, совсѣмъ не заколотилъ.... (*задумывается*). Добро! узелъ-то убрать надо, вечеромъ пронесу....

ЯВЛЕНІЕ XII-е.

Наташа и Староста Стахѣева.

Староста (*выходитъ оттуда, куда ушли Любовь Павловна и Новосельскій*).

Здравствуй Наталья! Что, не видала барина?

Наташа.

За чѣмъ тебѣ барина?

Староста.

Извѣстно за чѣмъ?—на счетъ дѣловъ... Да вотъ и баринъ... (*кланяешся входящему Павлу Николаевичу, около котораго прыгаетъ Вася*).

ЯВЛЕНІЕ XIII-е.

Наташа, Староста, Павелъ Николаевичъ и Вася.

Павелъ Николаевичъ.

Ну вотъ шалунъ, не далъ и спать папкѣ...

Вася.

А тебѣ помнишъ, докторъ не велѣлъ днемъ спать, а ты вотъ все не слушаешься... все не слушаешься!

Павелъ Николаевичъ.

Здравствуй Михѣй! Здравствуй Наташа! А гдѣ же наши: Люба и Валеріанъ Петровичъ?

Наташа (*въ смущеніи*).

Не знаю-съ. Я и сама сейчасъ пришла.... думала барышня здѣсь....

Староста (*переминаясь*).

Да я сейчасъ барышню въ саду видѣлъ, и этотъ съ нею, что изъ Петербурга то пріѣхалъ; они въ экипажъ садились. Лошади такія важнѣющія... я еще признаться, посмотрѣлъ на лошадей-то, лѣвая пристяжная—кобыла такая важнѣющая, переднія ноги забиты только.... надо полагать задомъ сильно забираетъ...

Павелъ Николаевичъ (*удивляясь*).

Куда же это они поѣхали?...

Староста.

Я и самъ подумалъ; куда бы эвто наша барышня поѣхала?

Павелъ Николаевичъ.

Странно!..

Вася (*подбѣгая къ отцу и подавая записку со стола*).

Папка! вотъ письмо къ тебѣ. Дай я прочту! Посмотри, какъ я читаю?

Павелъ Николаевичъ.

Ну читай, пузырь, читай, я безъ очковъ то плохо вижу.

Вася (*читаетъ письмо*).

«Вы, конечно, на первыхъ порахъ, строго осудите

мой поступокъ, но, узнавъ ближе мои убѣжденія, поймете, что иначе я поступить не могъ. Я увожу Вашу дочь...» *(при этихъ словахъ испуганно оглядывается на отца, и видитъ, что Павелъ Николаевичъ хочетъ что то сказать но не можетъ; хочетъ поднять руку,— безсильная рука опускается, какъ плеть. Всѣ признаки паралича. Вася бросается къ отцу).* Папа! голубчикъ папа! что съ тобою? Посмотри, Вася плачетъ! Папа! что же ты ничего не говоришъ?.. *(Плачетъ и испуганно хватается за отца).*

Староста *(вбѣгая изъ глубины сцены).*

Наталья! не видишъ развѣ,—ударъ съ бариномъ! Кровь бросить надо!... Бѣги за Кузьмой Ивановичемъ, у него всякій струментъ есть.... Эка причта какая!!...

(Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Сцена представляетъ богато убранный кабинетъ Новосельскаго. Мягкая мебель; на каминѣ бронза и фарфоръ, по стѣнамъ картины. Двери по обѣимъ сторонамъ и прямо. Утро. При поднятіи занавѣса, развалясь въ креслахъ и куря сигару, сидитъ лакей Новосельскаго **Алексѣй**; изъ дверей направо со сцены, входитъ другой его лакей старикъ **Демьянъ**).

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Демьянъ (*останавливаясь, сердито*).

Ты что же это барскія-то цыгарки сосешь? (*Алексѣй разваливается и выпускаетъ дымъ тонкою струею*). Да что ты, въ самомъ дѣлѣ Алешка, въ креслахъ-то, какъ песъ какой развалился?

Алексѣй (*передразнивая*).

Алешка! Алешка! точно у васъ другаго-то и слова нѣтъ... Меня этакъ и Валеріанъ Петровичъ не называетъ, а тутъ на?—выискался какой!

Демьянъ.

Ахъ ты хамъ этакій! еще огрызается!

Алексѣй.

Хамъ! Небось въ васъ пять золотниковъ дворянской крови пущено... Вотъ вы всякаго человѣка тычете, а отчего?—оттого что въ васъ необразованность больше дѣйствуетъ....

Демьянъ.

А ты образованный! Поди-ка на кухнѣ-то, тарелки языкомъ лизавши, всѣ науки произошелъ!.. ученый!

Алексѣй.

Нѣтъ, не на кухнѣ тарелки лизавши, а когда я, значитъ, съ своими господами за границу ѣздилъ, и занялся тамъ на счетъ этихъ всѣхъ порядковъ...

Демьянъ.

Да какіе же тамъ порядки? Поди-ка ртомъ сморкаются, что-ли?...

Алексѣй.

Вы зубы-то не скальте, и такъ ужъ у васъ господа ихъ повыбивали.... А тамъ, въ народѣ, сѣрости такой нѣтъ, — вотъ что! Вы вотъ здѣсь людямъ тычете, а тамъ, если и собаку хотятъ плеткой вытянуть, такъ не кликнутъ какъ нибудь, а все какъ-бы пообразованнѣе, собачка молъ, подите сюда!

Демьянъ.

Это псу-то? Ахъ ты шутъ гороховый! И смѣхъ съ тобой и горе Алешка! Мало тебя палками дули, право мало!

Алексѣй.

Ну, ужъ это вы въ уголъ поставьте!

Демьянъ

Что въ уголъ поставьте?

Алексѣй.

Да палки-то...

Демьянъ.

Что же такъ?

Алексѣй.

Да такъ-съ, потому въ уголочкѣ имъ и мѣсто настоящее.... Вотъ теперь за границей, какъ господа слугъ понимаютъ? Баринъ, значитъ, отобѣдалъ, слуга сейчасъ садится, а баринъ за стулъ становится.... салфетку на руку.... все какъ быть слѣдуетъ.

Демьянъ (*разсердясь*).

Тфу ты, мелево поганое! Такъ бы и наплевалъ въ глотку.... И въ кого ты это врать вышелъ, Алешка? Ну гдѣ-жъ это видано, чтобъ бары стали лакеямъ прислуживать?

Алексѣй.

Гдѣ видано? Во Франціи.

Демьянъ.

Это что-же такое Францыя?

Алексѣй.

Извѣстно что,—городъ такой. Да вотъ и Валеріанъ Петровичъ, какъ меня понимаетъ? Я, говоритъ, Алексѣй завсегда образованность вашу чувствовать могу и понимаю я васъ больше за секретаря, а не за лакея....

Демьянъ.

Ну врешъ, врешъ!!

Алексѣй.

Нѣтъ, не вру, съ этаго мѣста не сойти!

Демьянъ.

Да Валеріанъ Петровичъ такой же шальной сталъ, какъ и ты. Шутка-ли, теперь въ домѣ каку срамоту завелъ! Любовницу за законную жену выдаетъ! Потаскуху безпаспортную!

Алексѣй.

Ну, это вы такихъ словъ не выражайте, это вы не можете!

Демьянъ (*горячась*).

Завсегда могу! Старшій-то дворникъ который разъ приходитъ? Что же, говоритъ, вашу мадамъ не прописываете? А что ее на капустномъ листкѣ что-ли прописать? Только полтинничками и отдѣлываетесь.... знаю я все!...

Алексѣй.

Конечно, какъ теперь имъ очень, значитъ, прискорбно было покидать своихъ родителевъ, и были они въ растройствѣ чувствъ, не понимали, можетъ, самою себя, и поѣхали ничего не захватимши....

Демьянъ.

А почему же, если бы она была-то путная дочка, ей отъ своихъ родителевъ бѣжать?

Алексѣй (*смотря въ потолокъ и вытягивая ноги*).

А потому, что вы этихъ дѣловъ понимать не можете...

Демьянъ (*огрызаясь*).

Понимать я не могу? Вишъ ты, молокососишка! На губахъ матерное молоко не обсохло, а какія слова находитъ! Постой, я вотъ скажу Валеріану-то-Петровичу, какъ ты барскія цыгарки сосешъ! Мелочь-то утромъ была на столѣ, гдѣ она? То-то! видно съ образованности руки у васъ длинны стали.... за границей выучились....

Алексѣй.

А у меня-то языка нѣтъ, коли вы такія низости предполагаете? Я, вотъ тоже скажу, какія вы пакости-то про Любовь Павловну произносите! Вы можете ихъ произносить? Хвостъ-то подожмете!

Демьянъ (*смягчаясь*).

Мнѣ нечего хвоста поджимать.... Я, можетъ, за Валеріанъ-то Петровичемъ ходилъ, когда онъ еще въ рубашенкахъ бѣгалъ.... Мнѣ, покойный генералъ, папинька ихній, можетъ, неоднократно препоручалъ: смотри, говоритъ, за Валеріаномъ Петровичемъ! Такъ мнѣ очённо это горько теперь!...

Алексѣй.

А горько, такъ вы бы сахаромъ закусили!...

Демьянъ.

Сахаромъ закусили? Это ты барскую ликеру, со своими любовницами, сахаромъ-то закусывай!...

Алексѣй.

И закусимъ!

Демьянъ.

Ну, и закусывай!

Алексѣй.

И закусимъ!

Демьянъ, (*машетъ рукой*).

Отступиться лучше! Прежде господа-то, какъ свою честь соблюдали? Вотъ у покойнаго генерала, тоже было не безъ этого..: не безъ грѣха, и барыня генеральша знала, и онъ тоже, можетъ, за нею зналъ, такъ все же, по крайности, передъ людьми себя не роняли... метреску къ законной женѣ не приравняютъ,

небойсь!.. У насъ случай такой вышелъ: метреска была, Машей звали, изъ нашихъ же дворовыхъ, въ особомъ флигелѣ и жила, и такъ это ее генералъ любилъ, такъ любилъ, что кажись ноги бы ей мылъ, да эту воду пилъ... Только погоди...Вдругъ, возъимѣй она въ себѣ гордость необнакнавенную, да въ церкви-то, у обѣдни, и подойди къ кресту, значитъ, первая... Барыня къ генералу.... Такъ и такъ, молъ, я тебѣ любовь имѣть не мѣшаю, а отъ своихъ дворовыхъ дѣвокъ обиды принимать не согласна! Генералъ-то только усами покрутилъ, хоть бы слово сказалъ, да и пошелъ во флигелечекъ... Ты что же это—говоритъ—выдумала? Ей-бы дурѣ смириться, да къ ручкѣ припасть, а она въ капризъ... Что-жъ, говоритъ, у меня отъ васъ тоже дѣти есть.... все равно, что и у ней... Нѣтъ, говоритъ, шалишъ!.. не въ тѣ ворота Марья ѣдешъ! Тѣ, говоритъ, дѣти будутъ мое имя носить, а твои сѣно косить! Ну и дѣйствительно, поучилъ онъ ее въ ту пору... постегалъ... Послѣ, какъ умерла, генералъ-то дней пять изъ комнаты не выходилъ... тосковалъ значитъ... Похоронили въ усадьбѣ... Памятникъ одинъ чего стоилъ... страсть!.. И какъ это тепло настанетъ, такъ онъ и почнетъ на могилу ходить...Закуритъ трубку послѣ обѣда, и пойдетъ, и ужъ въ ту пору не лѣзь къ нему—чубукомъ отвозитъ, такъ и дворовые знали. Значитъ, прежніе-то господа карактеръ въ себѣ имѣли, а нынче-то весь народъ ослабъ: напустился, этто на водку, да съ женскимъ поломъ началъ ужъ очинно баловаться, ну, и ослабъ....

—

ЯВЛЕНІЕ II-е.

(Тѣже, **Любовь Павловна** и **Новосельскій**

Новосельскій (*выходя первый, изъ дверей на лѣво, въ богатомъ халатѣ*),

Это что за засѣданіе?... Звонишъ, не дозвонишься, а они тутъ изволятъ бесѣдовать! Раутъ устроили! (*Обращаясь къ Алексѣю*) Ты что дѣлаешъ?

Алексѣй (*при входѣ господъ, быстро вскакиваетъ и прячетъ за обшлагъ окурокъ сигары*).

Кое-что на столѣ прибиралъ-съ, потому полагалъ....

Новосельскій (*перебивая*).

Фу, ты чертъ возьми! Полагай ты, пожалуйста, какъ можно меньше, и дѣлай какѣ можно больше! Право, тебѣ съ твоимъ характеромъ, лекціи бы трансцендентальной философіи читать, а не въ лакеяхъ служить... Ступай на свое мѣсто!

(*Алексѣй сконфуженно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III-е.

(**Тѣже, кромѣ Алексѣя.**

Любовь Павловна (*садясь на диванъ рядомъ съ Новосельскимъ*).

Ну, полно, Валерій, посмотри, какъ онъ бѣдный сконфузился! За что ты его?

Новосельскій.

Да, сконфузятся эти люди, таковскіе! Ненавижу я эту лакейскую породу! Это какой-то изворовавшійся типъ, созданный, блаженной памяти крѣпостнымъ правомъ. Всякому поденьщику готовъ руку подать, а ихъ ненавижу! (*Обращаясь къ Демьяну*). А ты зачѣмъ здѣсь?

Демьянъ (*вжась*).

Я вотъ тоже говорю: ты, говорю, зачѣмъ Алексѣй сидишъ здѣсь, баринъ придетъ, браниться будетъ....

Новосельскій.

Ну, можешъ идти!

Демьянъ.

Тоже вотъ на счетъ опять цыгарокъ: ты, говорю, что же цыгарки-то сосешъ?...

Новосельскій (*горячась и перебивая*).

Можешъ идти!...

Демьянъ (*въ торопяхъ*).

Могу-съ!... (*Уходитъ но возвращается*). Ничего не прикажете?

Новосельскій.

Нѣтъ, съ этимъ народомъ надо, Люба, твое терпѣніе имѣть! Уйдешъ ты?

Демьянъ (*уходя*).

Ушелъ-съ....

*

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

(Тѣже, кромѣ Демьяна).

Новосельскій.

Ну, не осиновый-ли это чурбанъ въ образѣ человѣка?...

Любовь Павловна.

А я люблю его, онъ добрый старикъ; да и къ тебѣ онъ такъ привязанъ....

Новосельскій.

Онъ ко мнѣ такъ привязанъ, что я, изъ за его привязанности, разъ чуть въ постель неслегъ.

Любовь Павловна (*смѣясь*).

Это какимъ образомъ?

Новосельскій.

А очень простымъ. Я велю себѣ слегка нагрѣвать бѣлье, и Алексѣй знаетъ это потому, что одѣваетъ меня. Онъ же постоянно съ Алексѣемъ грызется, зачѣмъ не ему даютъ это дѣлать. Разъ, какъ-то, ему и пришлось одѣвать меня, вотъ онъ и захотѣлъ отличиться, да вмѣсто того, чтобъ нагрѣть рубашку, вынесъ ее на морозъ и потомъ надѣлъ на меня. Что, я ему говорю, съ ума ты сошелъ? Никакъ нѣтъ-съ, говоритъ, такъ покойный генералъ завсегда приказывали, когда вы еще маленькій были.

Любовь Павловна. (*смѣясь*).

Бѣдный старикъ! А знаешъ Валерій? (*кладетъ ему руку на плечо и смотритъ въ глаза*). я хочу жаловаться...

Новосельскій. (*цѣлуя ее*).

На кого же?

Любовь Павловна.

На тебя, мой милый!

Новосельскій (*смѣясь*).

Заранѣе принимаю безъ апелляціонно то наказаніе, которое мы вмѣстѣ присудимъ. Въ чемъ же состоитъ мое преступленіе?

Любовь Павловна (*потупляя глаза*).

Въ томъ, что ты не исполняешъ своего слова, а только балуешъ меня... цѣлуешъ...

Новосельскій.

А тебѣ наскучили мои поцѣлуи?

Любовь Павловна.

Наскучили мои поцѣлуи! (*обнимаетъ его*). Не наскучатъ они мнѣ никогда, но вѣдь нельзя же только цѣловаться, Валерій! Ты обѣщалъ мнѣ пріискать дѣло, меня томитъ бездѣйствіе.... не хочу я сидѣть бѣлоручкой!...

Новосельскій.

Читай... къ твоимъ услугамъ цѣлая библіотека, куча журналовъ и газетъ. Слѣди за всѣми современными событіями. Хочешь — я выпишу еще?

Любовь Павловна (*опуская руки*).

Нѣтъ, довольно и этихъ.... я читаю много, но вѣдь это я дѣлаю для себя.... да Валерій?

Новосельскій.

Конечно, мой другъ, для себя, всѣ мы работаемъ для себя....

Любовь Павловна.

Работаемъ, ты сказалъ, а развѣ чтеніе работа? Чтеніе—наслажденіе.... Развѣ мы работаемъ только для себя, а не для другихъ?

Новосельскій.

Ну да, конечно... въ обществѣ происходитъ взаимный обмѣнъ услугъ...

Любовь Павловна. (*уныло*).

Ну вотъ, видишь, мнѣ-то услуживаютъ люди, и кормятъ, и поятъ, и одѣваютъ, и они же для меня пишутъ, а я ничего для нихъ не дѣлаю.... Другой разъ, какъ я подумаю объ этомъ, стыдно, тяжело станетъ... Любовь Павловна, пожалуйте кофе пить! Любовь Павловна, одѣвайтесь! Все въ долгъ, все на готовое....

(*тихо, беря его за ухо*). Вотъ и ты, Валерій, мало занимаешься.... все нѣжничаешъ....

Новосельскій. (*смѣясь*).

Э! да какъ ты меня въ руки забираешъ! Хочешъ, въ уголъ встану?

Любовь Павловна.

На дняхъ, ко мнѣ дѣвушка пришла, окна въ моей комнатѣ мыла, такая живая, веселая, работаетъ, а съ самой только потъ льется... Я начала говорить съ нею, она отвѣчаетъ, а какъ кончила мытье, собралась уходить, я ей и говорю: поговоримъ еще! а она говоритъ: некогда матушка-барышня, наше дѣло такое... рабочее!.. Точно посмѣялась надо мною....

Новосельскій.

И ты нашла же съ кѣмъ говорить! Что можетъ быть общаго?

Любовь Павловна (*удивленно*).

Отчего же не говорить? Посмотри-ка, какая она умная! Говоритъ такъ просто, ясно, и жизнь какъ понимаетъ, конечно, свою жизнь...

Новосельскій.

Погоди. Я, на первый разъ, для тебя придумалъ, кажется, дѣятельность.... Мы выберемъ нѣсколько бѣдныхъ семействъ, и ты будешъ возиться съ ними, помогать имъ, однимъ словомъ, являться ангеломъ хранителемъ.... это въ твоемъ характерѣ...

Любовь Павловна. (*робко*).

А деньги гдѣ?

Новосельскій.

Деньги?—деньги я дамъ.

Любовь Павловна. (*съ досадой*),

Опять ты дашь! опять на готовое!...

Новосельскій.

А развѣ я не твой?

Любовь Павловна.

Ты вотъ этакъ всегда вывернешся! И вотъ еще что, Валерій, меня страшно безпокоитъ отецъ.... Сколько я писала писемъ, всю душу, кажется, выплакала въ этихъ письмахъ, а отъ него ни одного отвѣта.... (*въ смущеніи*). Я ужъ въ послѣднемъ письмѣ, прости меня Валерій, обманула его.... первый разъ обманула.... написала.... что побѣгъ мой былъ придуманъ тобою, какъ испытаніе.... На это письмо я получила отвѣтъ, но не отъ отца, а отъ Кузьмы Ивановича... Хочешъ прочту? Оно у меня въ карманѣ.

Новосельскій.

Да. Но прежде всего объясни мнѣ, какимъ родомъ твои письма къ отцу, попадаютъ въ руки къ Кузьмѣ Ивановичу. Если допустить, что вмѣстѣ со своею учительскою обязанностію, онъ исправляетъ и должность домашняго секретаря, хотя, кажется, у твоего отца

нѣтъ никакой особенной переписки, то все таки странно. Отвѣты, на подобныя письма, никому не поручаются.

Любовь Павловна.

Мой отецъ привыкъ смотрѣть на Кузьму Ивановича, какъ на роднаго, Валерій, да къ тому же, онъ въ настоящее время боленъ, самъ не можетъ писать.... Такъ хочешъ ты, чтобъ я прочла?

Новосельскій.

Я не могу хотѣть этаго, т. е. не могу требовать, но если ты считаешь нужнымъ повѣрить мнѣ это письмо, такъ я ужъ приготовился слушать. (*Вытягивая ноги и складывая на груди руки*). Съ ораторскою способностію г. Новоникольскаго я знакомъ, съ литературною—нѣтъ еще.

Любовь Павловна (*вынимаетъ изъ кармана письмо и читаетъ*).

«Послѣднее письмо ваше, несказанно обрадовало вашего отца, но къ сожалѣнію, въ настоящую минуту, онъ не можетъ самъ высказать своей радости. Легкая простуда уложила его, на нѣсколько дней, въ постель, и мнѣ онъ довѣрилъ передать вамъ то, что, при другихъ обстоятельствахъ, передалъ бы самъ. Поправившись, онъ собирается съѣздить въ Петербургъ, чтобы лично полюбоваться вашимъ семейнымъ счастіемъ....»

Новосельскій.

Ну, вотъ видишъ, Люба, ты не много неосторожно

поступила, написавъ ему, что я обвѣнчался съ тобою. Онъ еще, пожалуй, пріѣдетъ, да законныхъ доказательствъ потребуетъ. Вѣдь эти старики—народъ пунктуальный.

Любовь Павловна.

О нѣтъ, Валерій! Никогда! Онъ такъ деликатенъ....

Новосельскій (*чистя ногти*).

И вотъ еще чего я непонимаю: какимъ образомъ онъ могъ повѣрить твоей свадьбѣ, зная, что ты уѣхала безъ всякихъ бумагъ? И я-то тогда какой непростительный промахъ сдѣлалъ, что не предупредилъ тебя.

Любовь Павловна.

А за чѣмъ мнѣ бумаги? Вотъ и Кузьма Ивановичъ пишетъ, что безъ бумагъ обвѣнчаться нельзя....

Новосельскій.

Гдѣ же это онъ пишетъ?

Любовь Павловна.

Вотъ здѣсь же.... (*читаетъ*). «Приписку эту я дѣлаю у себя въ комнатѣ, готовясь отправить письмо. Я не совсѣмъ-то вѣрю вашей свадьбѣ и думаю: не написали-ли вы это только для того, чтобы успокоить старика? Вы, кажется, уѣхали не захвативъ съ собою вашихъ институтскихъ бумагъ, а безъ нихъ вѣнчаться нельзя. Впрочемъ, я положительно этаго не знаю, такъ какъ отца вашего не спрашивалъ. Если же сомнѣніе

мое несправедливо, то я крѣпко—крѣпко жму руку вашего мужа и охотно прошу прощенья, за нѣкогда высказанное мною.... (*Останавливается*). Вотъ и этаго я опять не понимаю... За что онъ у тебя проситъ прощенья?

Новосельскій.

Сперва кончи приписку, потомъ разскажу.

Любовь Павловна (*продолжая читать*).

«Если же я не ошибся, то постараюсь отыскать ваши бумаги и вышлю ихъ вамъ въ Петербургъ. Онѣ вамъ нужны, тѣмъ болѣе, что вы не имѣете, въ своихъ рукахъ, отъ отца отдѣльнаго вида на жительство». Ну, растолкуй же мнѣ, что все это значитъ?

Новосельскій.

Что-жъ?—онъ правду пишетъ. Отъ каждаго живущаго въ Петербургѣ требуется паспортъ, нужно чтобъ знала полиція.

Любовь Павловна (*наивно*).

А зачѣмъ я полиціи? Что ты лжешь-то! Подсмѣиваешься надо мной! Развѣ я что сдѣлала?

Новосельскій (*хохоча*).

Ахъ ты институтка моя наивная! Незнаешъ, что на свѣтѣ существуютъ паспорты! Еслибъ ты знала, какъ ты мила въ это время! (*Беретъ ея руки, цѣлуетъ ихъ и играетъ ими*).

Любовь Павловна *(съ удивленіемъ и упрекомъ).*

Мило тебѣ говоришъ ты, что я ничего не знаю! Да что же ты это дѣлаешъ голубчикъ? Я понимать перестаю тебя!.. Ради Бога, умоляю, раскрой ты мнѣ глаза, научи меня! Вѣдь ты не знаешъ, какъ тяжело жить съ закрытыми глазами! Вѣдь жалѣешъ-же ты слѣпаго, зачѣмъ онъ солнца не видитъ, а я та же слѣпая, еще хуже, во сто разъ хуже, я всей жизни не вижу.... Ты вотъ сунешъ мнѣ въ руки номеръ газеты, начну я читать, а понимать,—ничего не понимаю.... Зачѣмъ эти депутаты горячатся? кто изъ нихъ правду говоритъ? а вѣдь я чувствую же, что они даромъ спорить не станутъ, вѣдь они должны быть всѣ очень умны.... ихъ народъ выбралъ....

Новосельскій *(гладя бакенбарды).*

Ну, это потому, что до сихъ поръ, вы, женщины, чуждались политики.

Любовь Павловна.

А я ничего не хочу чуждаться (*обнимаетъ его одной рукой и смотритъ ему въ глаза*). Будешъ ты учить меня?

Новосельскій.

Буду.

Любовь Павловна.

Дай честное слово.

Новосельскій.

Изволь даю.

Любовь Павловна.

Ну, хорошо. Вотъ теперь я спокойна. Я знаешь, какъ буду дѣлать? Я буду читать, а какъ чего не пойму, все буду крестики ставить.... а ты придешъ послѣ и разскажешъ—хорошо?

Новосельскій.

Хорошо.

Любовь Павловна.

Ну, вотъ скажи же теперь, за что у тебя Кузьма Ивановичъ прощенья проситъ?

Новосельскій.

Передъ отъѣздомъ онъ наговорилъ мнѣ дерзостей.

Любовь Павловна.

Дерзостей... за что?

Новосельскій.

Да вѣдь онъ самъ влюбленъ въ тебя.

Любовь Павловна (*смѣясь*).

Влюбленъ? Вотъ выдумалъ! Да ты знаешъ, если, бывало, папа насъ оставитъ вдвоемъ, такъ онъ сейчасъ за фуражку, и уйдетъ. Я у него брала, одно время, уроки практической медицины, ну и перевязки училась дѣлать, по избамъ съ нимъ ходила, помогала ему,

такъ ты-бы посмотрѣлъ, какъ онъ кричалъ на меня, если я бинтъ не скоро сверну, или воду теплѣе чемъ нужно подамъ, такъ прикрикнетъ, что незнаешъ куда, кинуться!

Новосельскій.

Бѣдная ты моя! И это ты раны перевязывала! И не страшно тебѣ было?

Любовь Павловна.

Ахъ, какъ не страшно голубчикъ! Другой разъ, въ глазахъ мутится, и жалко, и плакать хочется, а онъ стоитъ злой такой, даже лицо какъ то почернѣетъ... сопитъ да копошится... И вѣдь какъ странно, Валерій? Никогда онъ мужикамъ ни одного ласковаго слова не сказалъ, толковать съ ними, вотъ какъ ты толковалъ, тоже не любилъ, а вѣдь они въ немъ души не слышали. (*Помолчавъ*). Такъ мы завтра же, Валерій, и начнемъ учиться?

Новосельскій.

Хорошо, хоть завтра.

Любовь Павловна.

Ты не думай, что я непонятлива,.. я скоро пойму. Я сама иной разъ думаю, долго думаю о чемъ нибудь и добьюсь. Вотъ я недавно думала: отчего люди бываютъ злые? Родятся-ли такими, пли послѣ дѣлаются?

Новосельскій (*улыбаясь*).

Ну, и до чего-жъ ты додумалась?

Любовь Павловна (*конфузливо*).

Послѣ ужъ дѣлаются... да, Валерій?

Новосельскій.

Браво! Этотъ вопросъ точно также рѣшаетъ и современная физіологія. Кстати, говорятъ, скоро выйдутъ «рефлексы головнаго мозга» Сѣченова. Тамъ положительно отрицаются прирожденныя качества человѣка.

Любовь Павловна (*съ наивною грустью*).

Такъ ужъ это рѣшено! А я думала...

Новосельскій (*смѣсь*).

А ты думала, что Америку открыла?

Любовь Павловна.

Вотъ видишъ, какъ надо учиться! Сколько силъ-то сбережешъ! Вѣдь я измучилась, думая надъ этимъ... (*смѣясь*) да ужъ собака помогла...

Новосельскій.

Собака помогла?

Любовь Павловна.

Да. Гляжу на дворъ, собака лежитъ и грѣется на солнцѣ, и морда такая добрая, такая ласковая, а пришли мальчишки, да начали злить ее, такъ она и окрысилась, и шерсть на ней поднялась... Потомъ я думала, какъ это сдѣлать, чтобъ люди не злили другъ друга, и

много, много придумала. (*Скрывая лицо свое у него на груди*). Да теперь не скажу... разсказать не съумѣю... ты смѣяться будешъ...

Новосельскій. (*улыбаясь*).

Ну, вотъ если ты этотъ вопросъ рѣшишъ, такъ дѣйствительно Америку откроешъ и мы тебѣ заживо памятникъ поставимъ. Объ немъ написано столько, что и въ эту комнату не влѣзетъ...

ЯВЛЕНІЕ V-е.

Тѣже и Демьянъ.

Демьянъ (*въ попыхахъ, скороговоркою*)

Пріѣхали-съ... ей Богу-съ пріѣхали!.. при мнѣ и изъ кареты-съ вылезали, а я изъ мелочной лавочки-то только вышелъ, да иду-съ... капусту Аксиньѣ несъ... а они изъ кареты-съ и вылезаютъ...

Новосельскій.

Пріѣхали! Кто пріѣхалъ? Скажешъ-ли ты толкомъ, пустая голова?

Демьянъ.

Да они-съ. Дядюшка... братецъ покойнаго генерала... Владиміръ Александровичъ... Я только что изъ лавочки, а они...

Новосельскій.

Вотъ неожиданный сюрпризъ! Американскій дядя, какъ мы его называли! Съ нимъ тебѣ, Люба, нельзя будетъ не познакомиться, онъ, вѣроятно, у насъ остановится. Ты ступай, пріодѣнься немного, а послѣ придешь, передъ обѣдомъ.

Любовь Павловна.

Ахъ Валерій! какъ бы мнѣ не хотѣлось!..

Новосельскій.

Нельзя, другъ мой. Да онъ тебѣ, навѣрно, понравится. Онъ очень уменъ, хотя любитъ софизмы и рѣзокъ до цинизма. Когда-то, свѣтскія дамы чуть не падали въ обморокъ отъ его откровенностей. Ступай же! (*Любовь Павловна уходитъ налѣво, и только что успѣваетъ притворить дверь, какъ за дверью прямо слышенъ голосъ: «Сюда?»*).

ЯВЛЕНІЕ VI-е.

Тѣже, кромѣ Любовь Павловны, и Владиміръ Александровичъ Новосельскій.

Новосельскій (*идя быстро къ дядѣ и обнимая его*).

Здраствуйте! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Что, видно сердце потянуло на родину?

Владиміръ Александровичъ *(слегка освобождаясь отъ объятій, холодно).*

Здравствуй!... Не сердце потянуло, а дѣла потянули... *(Обращаясь къ Демьяну).* А, ты старый песъ еще живъ? Ну, здравствуй!...

Демьянъ *(осклабляясь).*

Богъ грѣхамъ терпитъ-съ... *(бросаясь къ нему).* Позвольте ужъ къ ручкѣ!..

Владиміръ Александровичъ.

Да вѣдь ты нынче не крѣпостной; зачѣмъ же къ ручкѣ?

Демьянъ.

Нѣтъ ужъ позвольте-съ!... *(быстро ловитъ его руку и цѣлуетъ).* Это вотъ Алешка у насъ, а я ужъ по старому... *(отходитъ къ дверямъ, мнется на мѣстѣ, потомъ пролезаетъ въ нихъ, оставляя ихъ полуоткрытыми. Новосельскіе, дядя и племянникъ, усаживаются.*

Новосельскій *(потирая руки).*

Притворяйтесь, притворяйтесь, а все таки я увѣренъ, что вѣсти доходившія до васъ по газетамъ о Россіи, дѣйствовали какъ магнитъ. Да, въ славное время вы пріѣхали!

Владиміръ Александровичъ *(потирая подбородокъ.)*

Я пріѣхахъ въ Октябрѣ, когда у васъ тутъ и дождь, и слякоть, и всякая мерзость. — Про какое-же славное время ты говоришъ?

Новосельскій (*смѣясь*).

Ну, какъ будто вы не понимаете меня! Я говорю о томъ, что дѣлается не на дворѣ, а въ обществѣ.

Владиміръ Александровичъ.

Да... въ обществѣ у васъ интересныя дѣла дѣлаются, нечего сказать!...

Новосельскій.

А propos. Вы говорите, что пріѣхали въ Октябрѣ, а теперь Декабрь, какъ же мы не видались съ вами?.

Владиміръ Александровичъ.

Очень просто. Я былъ въ Одессѣ, потомъ въ Москвѣ, а вчера къ вамъ въ Петербургъ пожаловалъ.

Новосельскій.

Да теперь то вы откуда пріѣхали?

Владиміръ Александровичъ.

Теперь?—изъ цирюльной—стричься заѣзжалъ.

Новосельскій (*смѣясь*),

Все тотъ же! Я хотѣлъ спросить васъ, гдѣ вы за границей то жили въ послѣднее время?

Владиміръ Александровичъ.

Ну, такъ ты такъ бы и спрашивалъ. Жилъ въ Америкѣ, въ Нью-Іоркѣ.

*

Новосельскій.

Это кажется ваше любимое мѣстопребываніе?

Владиміръ Александровичъ.

Дураковъ меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Новосельскій.

А и тамъ есть?

Владиміръ Александровичъ.

Какъ же-съ, имѣются.

Новосельскій.

Ну, а признайтесь откровенно, какое мы на васъ произвели впѣчатлѣніе, когда вы потерлись между нами?

Владиміръ Александровичъ.

Я всегда откровененъ. Впечатлѣніе очень похожее на то, какое я испытывалъ, осматривая въ Нью-Іоркѣ домъ сумасшедшихъ, когда ко мнѣ, въ общей залѣ, начали подходить различные изобрѣтатели, пересказывая свои проекты. Тамъ вѣдь все больше свихиваются на механикѣ, какъ у васъ на фронтовой службѣ.

Новосельскій.

Ха, ха, ха! вотъ признаюсь лестная параллель! Разодолжили!!!

Владиміръ Александровичъ.

А я чѣмъ виноватъ? Какъ же? ты только послушай

съ чѣмъ ко мнѣ то подходили въ вашихъ залахъ и что говорили! *(Пересчитывая по пальцамъ, развалясь въ креслѣ).* Первое, — подходили дворяне, доказывавшіе необходимость уничтоженія сословныхъ прерогативовъ, какъ они красиво выражались; второе—ученые, отрицающіе науку; третье — офицеры, отрицающіе войну и необходимость арміи; четвертое — чиновники, отрицающіе пользу администраціи; пятое — судьи, отрицающіе право суда; шестое — свѣтскія женщины, не умѣющія палецъ о палецъ ударить, и хлопочущія, на словахъ конечно, о правѣ на трудъ... Ну что-же это, я спрашиваю тебя, не домъ сумасшедшихъ, а?

Новосельскій.

Нисколько. Это значитъ, что въ обществѣ идетъ ломка понятій, выработываются новыя начала.

Владиміръ Александровичъ.

Да какія же къ черту начала, когда все, безъ начала и безъ конца, отрицается? И какой же дуракъ повѣритъ искренности этого отрицанія? Вѣдь всѣ эти, и чиновники, и ученые, и судьи, и офицеры, отрицающіе пользу администраціи, науки, суда, арміи, т. е. отрицающіе сами себя, только и молятъ Бога, чтобы не остаться за штатомъ! Вѣдь я очень хорошо понимаю также, что всѣ эти барыни, толкующія, съ закатываніемъ глазъ, о прелестяхъ женскаго труда, первыя же попадаютъ въ обморокъ, если ихъ заставить работать! Нѣтъ, это у васъ какая-то чесотка, проклятая болѣзнь,

не мозга, а языка! И что за шутовскій маскарадъ? прогрессисты.... радикалы.... умѣренные либералы.... крайніе либералы.... точно въ парламентѣ правая и лѣвая стороны.... И откуда это все у васъ, въ два дня, выросло! Ну какъ же, если я вчера просто оселъ былъ, и умѣлъ только стекла бить по трактирамъ, сегодня вдругъ встаю.... положимъ хоть радикаломъ? Вѣдь это все равно, что я соберу крестьянскихъ мальчишекъ, да понавѣшаю на нихъ ярлыки,—ты, молъ, Петька будь либераломъ, а ты Ванька консерваторомъ!?... Тебѣ-то, при раздачѣ, какой ярлыкъ попался?

Новосельскій.

Ну, послушайте, ужъ это слишкомъ рѣзко! Нѣсколько лѣтъ, не два дня....

Владиміръ Александровичъ.

Рѣзко!.. А это не рѣзко, что вы допрыгались до того, что у васъ есть двѣнадцатилѣтніе атеисты? Я спрашиваю: какимъ образомъ мальчикъ, не читавшій, конечно, ни одного серьезнаго атеистическаго сочиненія, ни бельмеса не понимающій въ богословскихъ вопросахъ, могъ сдѣлаться атеистомъ? И главное, что противно: всѣ стараются какъ будто одурачить другъ друга, а меня въ особенности, на томъ основаніи, что какъ же, человѣкъ, молъ, прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ, въ либеральнѣйшемъ, по ихъ мнѣнію, государствѣ, гдѣ бы они, при своей лѣни и распущенности, волкомъ взвыли, такъ нельзя же передъ нимъ отсталыми пока-

заться. Встрѣчаю какъ-то, на Тверскомъ, Караева; болванъ такой, какихъ свѣтъ не создавалъ и обжора. Мы его, однажды, увѣрили, что чрезъ Каспійское море мостъ строится. Знаю я очень хорошо, чте онъ пробирается въ трактиръ, чтобъ тамъ обожраться, по обыкновенію, и засѣсть въ кресла сопѣть отъ одышки; спрашиваю: куда вы идете? Пробираюсь, говоритъ, слушать лекціи объ удобреніи почвы.... Нельзя, говоритъ, знаете—раціональное хозяйство... и все такое... Тфу, чортъ! Караевъ слушающій лекціи и заботящійся о раціональномъ хозяйствѣ! Прежде бывало, если видишъ, что чиновникъ беретъ взятку и спросишъ: что вы это дѣлаете? Онъ такъ вамъ и отвѣтитъ: слѣпы, молъ, что-ли, не видите развѣ что взятку беру? Ну, а теперь попробуйте спросить его, такъ онъ, пожалуй, начнетъ увѣрять, что это онъ объ освобожденіи Сѣверо-Американскихъ негровъ хлопочетъ.... Изоврались вы всѣ!...

Новосельскій (*хохоча*).

Слушаешъ васъ, ни въ чемъ не соглашаешься съ вами, а между тѣмъ весело слушать!

Владиміръ Александровичъ.

Удивительно весело! Вотъ это тоже другая ваша поганая болѣзнь—ругать самихъ себя. Хоть бы ругались-то дома, да сору изъ избы не выносили, а то черезъ своихъ милыхъ журналистовъ, передъ всей Европой ныть принялись: посмотрите на насъ, какъ, молъ, мы изворовались! Обличительная литература, какъ же!

(*махнувъ рукой*). Ну, однакожъ мнѣ это надоѣло.... какъ идутъ твои дѣла по службѣ? Я думалъ застать тебя, по крайней мѣрѣ, начальникомъ отдѣленія... камеръ-юнкеромъ...

Новосельскій.

Ни того, ни другаго, нѣтъ еще. (*Улыбаясь*) Нынче, вѣдь, труднѣе прокладывать себѣ дорогу. За то мнѣ далось другое счастіе...

Владиміръ Александровичъ.

Какое же? На биржѣ выигралъ? На акціяхъ разжился? Ну, впрочемъ, на вашихъ акціяхъ трудно разжиться! Ими удобнѣе всего сигары раскуривать. Какое же счастіе?

Новосельскій.

Семейное; я женатъ.

Владиміръ Александровичъ.

Вотъ тебѣ и разъ! На комъ же?

Новосельскій.

На дочери одного помѣщика... Стахѣева.

Владиміръ Александровичъ.

Стахѣева? Не слыхалъ. Сколько же у твоего тестя душъ... т. е. десятинъ земли?

Новосельскій. (*улыбаясь*).

А, право, хорошенько не знаю.

Владиміръ Александровичъ.

Да, что ты съ ума сошелъ Валеріанъ?

Новосельскій.

Десятинъ триста, я думаю.

Владиміръ Александровичъ.

Триста! Да пожалуй и дочерей тоже триста?

Новосельскій.

Нѣтъ, дочь одна.

Владиміръ Александровичъ.

Ну, и отъ этого не легче! Поздравляю, убилъ бобра! И сколько я разъ говорилъ тебѣ, когда ты еще школьникомъ быль, что женитьба требуетъ самой глубокой обдуманности. Проиграешься въ карты—отыграться можно; напьешься—можно проспаться; ну, а ужъ женишься—не разженишься!...

Новосельскій.

Нынче эта пословица не вѣрна, устарѣла!

Владиміръ Александровичъ.

Всегда была, есть и будетъ вѣрна.

Новосельскій.

Нѣтъ! Я бы, напримѣръ, могъ разжениться. Я женатъ гражданскимъ бракомъ.

Владимiръ Александровичъ. (*вскрикивая*).

Ну, только этого не доставало! Да нѣтъ, впрочемъ, ты очевидно дурачишъ меня! Я бы объ этомъ читалъ въ газетахъ, наконецъ слышалъ бы въ обществѣ.... Можетъ быть облегченъ разводъ, ну это дѣло другое; но гражданскiй бракъ....Нѣтъ, я не думаю, чтобъ на это рѣшилось наше правительство...

Новосельскiй.

Да кто-же вамъ говоритъ о правительствѣ?

Владимiръ Александровичъ. (*озадаченный*).

Да какъ же безъ правительства? Какой же оселъ-нотарiусъ вамъ согласился писать условiе и какую, спрашивается, оно можетъ имѣть силу?

Новосельскiй.

Никакого нотарiуса, никакого условiя не нужно.

Владимiръ Александровичъ.

Тфу, чортъ! Такъ что же нужно по твоему?

Новосельскiй.

Взаимная любовь и больше ничего. Мы сошлись и живемъ.

Владимiръ Александровичъ (*смотритъ на него нѣкоторое время и потомъ начинаетъ гомерически хохотать*).

Ха, ха, ха! ха, ха, ха!..

Новосельскій (*въ свою очередь озадаченный*).

Да чему вы смѣетесь?

Владиміръ Александровичъ (*продолжая*).

Нѣтъ не могу... Ну, не шуты ли это гороховые?..

Новосельскій (*стоя, противъ его*).

Я положительно не понимаю, что вы тутъ нашли смѣшнаго?

Владиміръ Александровичъ.

Не смѣшно? изволите видѣть: человѣкъ взялъ себѣ содержанку,—что кажется можетъ быть проще?—а говоритъ-то онъ про это какъ? Женатъ, говоритъ, гражданскимъ бракомъ! Ну не правъ-ли я былъ!.. (*хохочетъ*)-

Новосельскій (*обиженно*).

Какъ вы ни близки мнѣ, но я все-таки попрошу васъ не употреблять этого названія!

Владиміръ Александровичъ (*хохоча*).

Ну, ну хорошо, хорошо! Я буду называть ее.. гражданскою женою... (*хохочетъ еще сильнѣе*).

Новосельскій.

Содержанка—продажная женщина, а она ничего отъ меня не требуетъ, кромѣ любви!

Владиміръ Александровичъ.

Конечно! Ты ее не кормишъ и не одѣваешъ... «лю-

бовью прикрыта, любовью сыта», какъ поется, въ какомъ-то старинномъ романсѣ. Ну, а скажи пожалуйста, гдѣ же ты ее помѣстилъ?

Новосельскій.

Конечно, вмѣстѣ съ собою.

Владиміръ Александровичъ.

Ну, вотъ ужъ это глупо! Такъ между порядочными людьми не водится! Это только одни канцелярскіе чиновники вмѣстѣ съ своими любовницами живутъ... Что глупо, то глупо!...

Новосельскій.

Я вамъ повторяю, что она не любовница моя, а жена.

Владиміръ Александровичъ.

Да ты можешъ повторять это сколько тебѣ угодно разъ, да вѣдь этому никто не повѣритъ, начиная съ твоего дворника; Ну, а дворникъ не повѣритъ, такъ и все общество не повѣритъ...

Новосельскій (*горячась*).

Въ такомъ случаѣ я плевать хочу на всѣхъ!

Владиміръ Александровичъ (*иронически*).

Смотри, слюней не хватитъ! Хорошо. Ты говоришъ, что она твоя жена... Поѣдешъ ты съ этою женою вмѣстѣ, ну... хоть въ театръ?

Новосельскій.

Поѣду.

Владиміръ Александровичъ

И сядешь вмѣстѣ въ ложу?

Новосельскій.

Сяду.

Владиміръ Александровичъ.

И если, въ антрактахъ, въ фойе, ты встрѣтишь знакомую даму, ты отрекомендуешь ей свою жену?

Новосельскій (*замявшись*).

Если она изъявитъ желаніе познакомиться... отрекомендую.

Владиміръ Алексндровичъ.

А если послѣ, отъ мужа, или брата этой дамы, ты получишь плюху?

Новосельскій.

За что?

Владиміръ Александровичъ.

А такъ, — здорово живешь!

Новосельскій.

Вотъ мило! можетъ быть, иная свѣтская женщина, имѣетъ дюжину любовниковъ — это ничего! Можетъ быть еще ребенкомъ, изъ низкаго разсчета, она продала себя разслабленному старику, — это тоже ничего!

А когда честная дѣвушка, беззавѣтно отдается любимому человѣку, тогда бей ее камнями!...

Владиміръ Александровичъ (*хладнокровно, играя цѣпочкой часовъ*).

Тогда бей ее камнями...

Новосельскій.

Да вы понимаете-ли, что вы говорите?

Владиміръ Александровичъ.

Я то понимаю, да ты-то вотъ, у меня, ничего не понимаешъ. Ты этими примѣрами восхищай воображеніе юныхъ гимназистовъ и чувствительныхъ пансіонерокъ; можешъ даже очень трогательную пьесу написать и поставить на сцену, а меня ими не одурачишъ... И твоя свѣтская дама, имѣющая дюжину любовниковъ и продавшаяся разслабленному старику, и твоя честная дѣвушка,—обѣ преступны,—но, преступленія ихъ различны: одна унизила достоинство брака, а другая совсѣмъ нарушила его; одна предалась разврату тайному, а другая явному; ну, а общество имѣетъ свои глубокія причины предпочитать изъ этихъ двухъ золъ—развратъ тайный. Только вы, двухъвершковые моралисты, не можете понять этого, а кажется просто! Вотъ видишъ: развратъ тайный существуетъ и, безъ сомнѣнія, разъѣдаетъ общественный организмъ, но общество все-таки держится и смотритъ на него, по неволѣ сквозь пальцы, не имѣя еще силъ, чтобы управиться съ нимъ; а признай-ка оно, какъ фактъ, эти ваши беззавѣтныя

увлеченія, такъ я посмотрѣлъ бы, чтобы у васъ было лѣтъ этакъ чрезъ тридцать!

Нвоосельскій.

А что же бы было?

Владиміръ Александровичъ.

Ничего особеннаго. Половину домовъ пришлось бы обратить въ больницы, а остатокъ серебра, который вы еще не пропили и не проѣли на вашихъ торжественныхъ обѣдахъ,—перегнать въ азотно-кислое серебро. Больше ничего бы не было.... Да, впрочемъ, что мнѣ съ тобой спорить... Я предоставлю твоему лакею доказывать тебѣ всю нелѣпость твоихъ идей (*кричитъ*). Демьянъ! Позвони человѣка!

Новосельскій.

Нѣтъ, ужъ я васъ попрошу избавить меня отъ этой комедіи.

Владиміръ Александровичъ.

Что жъ?—ничего!—вѣдь ты либералъ? При томъ я такъ поведу дѣло, что онъ и понимать не будетъ, что читаетъ тебѣ, своему барину, лекцію практической мудрости.

Новосельскій.

Да онъ совершенный оселъ!...

Владиміръ Александровичъ.

Тѣмъ хуже, если оселъ понимаетъ то, чего не пони-

маютъ нѣкоторые передовые, желающіе руководить народомъ. Демьянъ!

ЯВЛЕНІЕ VII-е.

Тѣже и Демьянъ.

Демьянъ (*вылѣзаетъ изъ дверей*).

Я здѣсь, Владиміръ Александровичъ!...

Владиміръ Александровичъ.

Поди сюда!

Демьянъ.

Ничего-съ, извольте приказывать, я слышу.

Владиміръ Александровичъ.

Поди сюда, и встань передо мною!

Демьянъ (*боязливо переходитъ сцѣну и неловко устанавливается, растопыривъ руки, наискось Владиміра Александровича. Валеріанъ Петровичъ въ изумленіи опускается въ кресло, презрительно пожимая плечами и складывая нога на ногу*),

Я всталъ-съ....

Владиміръ Александровичъ.

Скажи пожалуйста, Демьянъ, у тебя есть дѣти?

Демьянъ (*ухмыляясь*).

Какъ-же, безъ дѣтей! Старшій сынъ-съ вотъ ужъ третій годъ хозяйствуетъ, ну и ничего-съ... хозяйст-

вуетъ.... водкой не занимается.... Я, говоритъ, тятенька завсегда для васъ кусокъ хлѣба предоставить могу....

Владиміръ Александровичъ.

Хорошо. А съ кѣмъ ты прижилъ своихъ дѣтей?

Демьянъ (*растопыривъ руки*).

То есть, какъ же съ, это съ кѣмъ? Чудно вы это, Владиміръ Александровичъ сказали! Я вотъ, по своему глупому холопскому разуму, и въ толкъ не возьму. Вишь как : съ кѣмъ, говорите прижилъ? (*фыркаетъ*). Чудно!...

Владиміръ Александровичъ.

Ну, да. Что же тутъ смѣшнаго? Я тебя спрашиваю, съ кѣмъ ты ихъ прижилъ: съ женою или съ любовницею?

Демьянъ

Съ женою-съ.... какъ есть съ настоящею женою.... въ законѣ значитъ, потому я этимъ балоствомъ никогда не занимался и во вниманіе его не бралъ. Это вотъ у насъ Алешка, такъ тотъ-съ у Валеріана Петровича накрадетъ бумаги, да портнихамъ все и пишетъ записки. Радъ дуракъ, что грамотѣ выучили.... И такое это онъ у насъ, съ этими портнихами паскудство завелъ, что плюнуть только остается, да ногою растереть. Одно слово презрительный человѣкъ!

Владимiръ Александровичъ.

Хорошо. А за чѣмъ ты женился? Вѣдь ты бы могъ прижить дѣтей и внѣ брака?

Демьянъ.

Какъ-съ это вы изволили выразить?

Владимiръ Александровичъ

Говорю: могъ бы прижить дѣтей и безъ брака. Вѣдь приживаютъ же другiе? У рѣдкой горничной, въ Петербургѣ, нѣтъ любовника; да впрочемъ, многiе барыни (*насмѣшливо)* въ этомъ случаѣ, стараются не отстать отъ своей прислуги.

Демьянъ (*вздыхая* .

Здѣсь, въ Петербургѣ, доложу вамъ Владимiръ Александровичъ, народъ оченно опустился.... такъ опустился, что и сказать нельзя!... Потому, первое—водка, а второе — что нашему брату тутъ, въ Петербургѣ, и житья настоящаго нѣту. Всѣ такъ и живутъ сбившись кое какъ по угламъ, да по каморкамъ. Нѣтъ того, чтобъ, какъ въ деревнѣ, своимъ, значитъ, домомъ жить; ну, потому и опустился.... Любовницу-то, съ ищетъ подъ бокомъ, а жена то далече. А только что въ этомъ житьѣ ничего настоящаго нѣту....

Владимiръ Александровичъ.

Ну, вотъ ты намъ это-то и раскажи, отчего въ этомъ житьѣ ничего настоящаго нѣту?

Демьянъ.

Потому первое, что ужъ если я, такъ скручусь теперь, опущу себя,—хоша бы у меня и дѣти были,—мнѣ ужъ эти дѣти подъ старость не кормильцы.

Владиміръ Александровичъ.

А, вотъ это важно! Замѣтимъ! Но отъ чего же не кормильцы, если ты ихъ будешъ держать и воспитывать какъ слѣдуетъ?

Демьянъ.

Нѣсъ-съ, ужъ не кормильцы.... Потому, если теперича у меня сынъ, какъ есть настоящій, такъ я съ него и спрашивать могу благодарность, а коли онъ мнѣ помогать не станетъ, такъ его міръ, обчество, значитъ, пристыдитъ. Что-жъ ты, скажетъ, своихъ родителевъ покидаешъ! И должонъ онъ обчества послушаться... Ну, а того не пристыдишъ, тотъ, пожалуй и самъ пристыдитъ....

Владиміръ Александровичъ. (*насмѣшливо*).

Ты бы, Валерій, по ближе кресло придвинулъ, тамъ, можетъ, слышно плохо?

Новосельскій.

Слышу, слышу, не безпокойтесь!

Владиміръ Александровичъ.

И такъ, первыя—дѣти не кормильцы. А народъ требуетъ, чтобъ дѣти были кормильцы и такое требо-

*

ваніе вполнѣ законно и справедливо: что получилъ, то отдай.... Это не то, что у насъ въ образованномъ обществѣ, гдѣ иной отецъ, не только не ждетъ помощи отъ взрослаго сына, я радъ радехонекъ, если его милая отрасль, не распорядится спустить на заграничныхъ камелій добро, нажитое трудами нѣсколькихъ поколѣній.... Пойдемъ дальше. Ну, а скажи пожайлуста, не знаешь-ли ты, отчего въ городскомъ сословіи, эти побочныя связи развиты гораздо больше, чѣмъ въ сельскомъ?

Новосельскій.

Очень онъ пойметъ ваши сословія!

Владиміръ Александровичъ.

Ничего, пойметъ — не безпокойся. Ты понялъ Демьянъ?

Демьянъ.

Какъ не понять! Мы, завсегда, господскую рѣчь понимать можемъ. Потому, теперича, что по крестьянству этаго баловства завести нельзя... не сподручно...

Владиміръ Александровичъ.

Отчего-же не сподручно?

Демьянъ.

Да какъ же-съ? Совсѣмъ не сподручно, потому, я ужъ вамъ докладывалъ, что въ деревнѣ-то каждый своимъ домомъ живетъ, ну такъ какъ же тутъ?—безъ жены совсѣмъ невозможно.

Владимiръ Александровичъ.

Да отчего же невозможно? Растолкуй ты намъ это яснѣе?

Демьянъ.

Да вотъ-съ видите, Владимiръ Александровичъ, вы теперь простите моему холопскому разсужденiю, а только что нашу жисть, съ господской совсѣмъ и приров-нять нельзя. У господъ теперь, конечно, жена за мужемъ живетъ, т. е. все ей отъ мужа предоставлено, и можетъ она во всякое время ходить, по комнатамъ ручки склав-ши, тоску свою значитъ разводить, ну а у насъ нѣтъ! По деревенски-то, скорѣй мужикъ за бабой живетъ, чѣмъ баба за мужикомъ, потому безъ бабы ничего въ домѣ и подѣлать не возможно. Вотъ-съ, теперь ежели, примѣрно, мужикъ овдовѣетъ, ему одинъ конецъ—опять надо жену брать, потому онъ безъ жены и мало-лѣтковъ не подыметъ, и по дому не управится. Ежели же онъ, примѣрно, работницу найметъ,—та у него, во всякое время, значитъ, можетъ между глазъ весь домъ протащить, а баба овдовѣетъ—ничего. Она работника найметъ сработать что потяжелѣе, а ужъ у нее домъ не разтащишъ. Безъ бабы никакъ невозможно!..

Владимiръ Александровичъ.

Хорошо. Но изъ этаго я только понялъ, что жен-щина, въ народѣ имѣетъ больше значенiе, чѣмъ у насъ, людей образованныхъ; а вѣдь мы толковали не объ этомъ. Ты говоришъ, безъ бабы невозможно,—согла-

сенъ,—но вѣдь и любовница такая-же баба, какъ и жена?

Демьянъ.

Нѣтъ-съ, Владиміръ Александровичъ, не такая!

Владиміръ Александровичъ.

Ну, какъ не такая?

Демьянъ.

Совсѣмъ, какъ есть, не такая-съ. Теперь ежели, примѣрно, у меня любовница и надо мнѣ въ городъ на заработки идти, на кого же я теперь домъ свой покину?

Владиміръ Александровичъ.

На любовницу.

Демьянъ.

Никакъ-съ этаго невозможно.

Владиміръ Александровичъ.

Эхъ, братъ Демьянъ, измучилъ ты меня! Я вѣдь вотъ этаго и добиваюсь, отчего невозможно?

Демьнъ.

Потому что она весь домъ растащить можетъ.

Владиміръ Александровичъ.

Ну?

Демьянъ.

Дѣйствительно-съ. Ей что?—она къ дому не привязана, не ее домъ. Любовница—что работница. Сегодня

любимся, а завтра за косу, да за порогъ. Она ужъ это такъ и въ мысляхъ своихъ держитъ. Это вы, хоть какого угодно мужика спросите—всякій скажетъ!

Владиміръ Александровичъ.

Всякій скажетъ! Значитъ это народное убѣжденіе. Народъ говоритъ, что по крестьянству, безъ единственно прочнаго, духовнаго брака—нельзя, если даже, по мимо религіи,—эта струна, я думаю, Валеріанъ, у тебя давно не играетъ—смотрѣть на вопросъ чисто экономически. По крестьянству нельзя! Эхъ, досадно, Валеріанъ Петровичъ! а то, въ твоемъ Владимірскомъ имѣніи, славную фаланстерію бы можно устроить: и дѣвки такія ражія, и мѣсто живописное,—а тутъ вдругъ: стой!

Новосельскій (*презрительно*).

Я не понимаю цѣли этой комедіи. Народъ говоритъ, что міръ на трехъ китахъ стоитъ,—то же, по вашему, народное убѣжденіе?

Владиміръ Александровичъ.

Нѣтъ, то повѣрье, а не убѣжденіе—огромная разница. Повѣрья народа могутъ быть дики, потому что они касаются предметовъ, выходящихъ изъ круга его вѣдѣнія; а убѣжденія его, объ устройствѣ жизни, всегда исполнены глубокаго смысла. Не отрицать, а прислушиваться къ нимъ надо; а то, вотъ вы и знаете на чемъ міръ стоитъ, да не знаете, чѣмъ онъ держится, а держится-то онъ семействомъ, т. е. бракомъ. Спасибо Демьянъ! Очень радъ, что мой племянникъ имѣетъ

около себя практически, умнаго человѣка, съ которымъ можно всегда посовѣтоваться, въ затруднительныхъ случаяхъ жизни. Я жилъ въ такой странѣ, гдѣ за всякую услугу привыкли платить деньгами, а не словами. (*Вынимаетъ бумажникъ*). Получи за урокъ пять рублей отъ меня, да десять за племянника,—за него я нахожу нужнымъ заплатить вдвое. (*Даетъ деньги Демьяну*).

Демьянъ (*растопыривъ руки и не беря ихъ*).

Да это за что же-съ? Я и въ толкъ не возьму.... Это, значитъ, съ пріѣздомъ, Владиміръ Александровичъ?

Владиміръ Александровичъ.

Бери, бери и ступай себѣ съ Богомъ!

Демьянъ (*беретъ деньги, цѣлуетъ руку и тихо уходитъ*).

Покорнѣйше благодаримъ! Значитъ еще настоящіе-то господа оцѣнить завсегда мою услугу могутъ.... А то вотъ Алешка говоритъ: необразованность, говоритъ, въ васъ дѣйствуетъ.... Огня, говоритъ, подать не умѣете... вмѣсто того, чтобъ свѣчку зажечь вы, говоритъ, спичку объ штаны чиркаете, точно въ портерной. Эка важность, что объ штаны чиркнулъ! (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VIII-е.

(Тѣже, кромѣ Демьяна).

Новосельскій.

Я хотѣлъ съ вами познакомить жену, какъ съ братомъ моего отца, но теперь, послѣ вашего третированія ея, на ряду съ содержанками, позвольте мнѣ взять свое желаніе назадъ!

Владиміръ Александровичъ.

Вотъ видишъ ли, какъ ты еще простъ и юнъ! Кто же тебѣ сказалъ, что я ее буду третировать какъ содержанку? Представь меня ей—увидишъ, хватитъ ли у твоего дяди такта, обращаться съ бѣдной дѣвушкой, на половину уже загубленной его племянникомъ; не давая ей понять, ни однимъ намекомъ, ея грустнаго положенія. А вотъ я тебѣ скажу новость, такъ это лучше будетъ (*Смотря на часы*). Скоро два часа, слѣдовательно сейчасъ къ тебѣ должна пріѣхать.... ну кто бы, ты думалъ?

Новосельскій.

Право не знаю.

Владиміръ Александровичъ.

Моя пріятельница, а твоя бывшая поклонница Клеопатра Петровна Дахъ-Реденъ. Я ее встрѣтилъ на дорогѣ.

Новосельскій.

Ну, съ какой стати ко мнѣ, къ человѣку холостому, по ея мнѣнію, она поѣдетъ одна, въ часъ визитовъ, среди бѣлаго дня?

Владиміръ Александровичъ.

А съ такой стати, что она эмансипированная барыня; ее тѣшитъ нарушеніе мелкихъ, общественныхъ приличій.... Ну, и общество ей, конечно, какъ дурѣ, спускаетъ до время эти грошовые долги. Ты непремѣнно влюбишься въ нее, она должна быть твоимъ идеаломъ! Васъ пара, — обоихъ бы на одну осину. Только что пріѣхала изъ за границы.... Въ Гамбургѣ чуть не попала въ тюрьму....

Новосельскій

Такъ я пойду переодѣнусь.

Владиміръ Александровичъ.

Это еще къ чему? Принимай здѣсь же, въ кабинетѣ, и въ халатѣ; Демьяна пошли взять копѣечныхъ сигаръ и, бесѣдуя съ нею, не забудь положить ноги.... ну хоть на письменный столъ. На твоемъ мѣстѣ, я такъ бы и поступилъ, даю тебѣ честное слово!...

Новосельскій (*смѣясь*).

А переодѣться все-таки нужно. На минуту я васъ оставляю. (*Уходитъ на лѣво*).

—

ЯВЛЕНІЕ IX-е.

Владиміръ Александровичъ и **Демьянъ.**

Демьянъ (*просовывается въ двери и умильно глядитъ на Владиміра Александровича*).

Я то васъ первый и увидѣлъ, Владиміръ Александровичъ!

Владиміръ Александровичъ.

Ты, кажется, на меня все еще наглядѣться не можешъ?

Демьянъ.

Не могу-съ.... Я говорю Алешкѣ, вотъ, говорю, Алешка настоящій баринъ пріѣхалъ. Погоди, говорю, коли Владиміръ Александровичъ у насъ остановятся, такъ ты, неумытая твоя рожа, перестанешъ по барскимъ кресламъ валяться! Ужъ это вотъ какъ Богъ, перестанешъ! Это ты и думать забудь!

Владиміръ Александровичъ.

Ну, а что Демьянъ, новая то барыня добрая, а?

Демьянъ (*поворачивая голову въ полъ-бока*).

Мнѣ что-жъ.... я до нее, Владиміръ Александровичъ, не касаюсь....

Владиміръ Александровичъ.

Любишъ ты ее?

Демьянъ (*сопитъ, смотритъ въ потолокъ по сторонамъ, но не отвѣчаетъ*).

Владимiръ Александровичъ.

Что-жъ не отвѣчаешъ?

Демьянъ.

Мнѣ что-же-съ любить! Я туды не касаюсь совсѣмъ... тамъ Алешка все больше....

Владимiръ Александровичъ.

Гости-то у васъ бываютъ?

Демьянъ.

Да по вечерамъ, надо быть, никто не бываетъ.... ну, а утромъ вотъ господа къ Валерiану Петровичу заѣзжаютъ.... и то совсѣмъ малость нынче. (*Заглядываетъ на лѣво*).... Валерiанъ Петровичъ идутъ-съ, не любятъ они, чтобы я тутъ торчалъ-съ (*уходитъ*)....

ЯВЛЕНIЕ X-е.

Владимiръ Александровичъ и **Валерiанъ Петровичъ.**

Новосельскiй.

Ну, что скоро я? (*одѣтъ въ щегольскую пиджачную пару*).

Владимiръ Александровичъ.

Эта скорость дѣлаетъ честь твоему лакею, а не тебѣ. (*Зѣвая*). А однакожъ скука у васъ страшная!...

Надо будетъ убраться поскорѣе, а то меня какая-то тоска, одурь беретъ; сосать начинаетъ подъ ложечкой... Маскарадъ хорошъ, когда онъ продолжается нѣсколько часовъ, но по нѣсколько лѣтъ—это несносно.

ЯВЛЕНІЕ XI-е.

Тѣже и баронесса **Дахъ-Реденъ**.

Дахъ-Реденъ (*быстро входя скороговоркой*).

Bonjour! Что не ожидали, не правда-ли? Я нарочно велѣла человѣку вашему не докладывать, а прямо провести меня въ кабинетъ. Мнѣ надоѣли эти глупыя церемоніи, все эта такая рутина!... (*Увидѣвъ дядю Новосельскаго*). Здравствуйте, старый ворчунъ! Опять ссориться пріѣхали?

Владиміръ Александровичъ (*подавая ей руку и потомъ усаживаясь у камина, въ глубинѣ сцены*).

Здравствуйте! Я вотъ сейчасъ уговаривалъ племянника принять васъ въ халатѣ,—я его предупредилъ что вы будете...

Дахъ-Реденъ.

И прекрасно, за просто! Ахъ какъ мнѣ надоѣла эта рутина! А зачѣмъ вы предупредили? Я васъ просила неговорить.

Новосельскій.

Я очень благодаренъ дядѣ, что онъ предупредилъ. Честь, которою вы удостоили меня, такъ неожиданна...

Дахъ-Реденъ.

Какая же честь?... О чемъ вы говорили?... Надѣюсь я не помѣшала? *(Обращаясь къ Валеріину Петровичу).* Дайте мнѣ огня! *(Тотъ подаетъ со стола свѣчку, она закуриваетъ папиросу и усаживается на диванъ, съ особеннымъ шикомъ. Новосельскій тоже садится не подалеку отъ нея, въ кресло),*

Владиміръ Александровичъ.

Мы говорили о гражданскомъ бракѣ. Племянникъ мой возстаетъ противъ нынѣшняго брака.

Дахъ-Реденъ.

Ахъ да, это такая рутина! Къ чему это все? Пустая формалистика!... Я всегда была противъ... Я всегда хлопочу о свободѣ чувства. А говорю мущинамъ: дайте намъ, женшинамъ свободу чувствъ и вы увидите, что тогда будетъ! А то, это такая рутина!

Владиміръ Александровичъ.

Ну, кажется, на счетъ свободы чувства, нашимъ свѣтскимъ барынямъ хлопотать то бы особенно нечего... И такъ ужъ подвигами ихъ преисполнена вся Европа. Я помню, какъ въ Біарицѣ, на морскихъ купаньяхъ,

одна моя соотечественница изобрѣла такой костюмъ, что добродѣтельныя нѣмецкія муттерхенъ при встрѣчѣ съ нею, говорили своимъ дочерямъ: Tochterchen! lasse eure Augen nieder — ein russisches Ungeheuert kommt!

Дахъ-Реденъ.

Ахъ, эти нѣмки такія противныя! Я хоть сама, по мужѣ, ношу нѣмецкую фамилію, но я всегда безпристрастна... я ненавижу эту чопорность pruderie! Все это рутина! Теперь всѣ передовые люди понимаютъ, что женщинамъ нужна эмансипація.

Владимiръ Александровичъ.

Вотъ и племянникъ мой, передовой изъ передовыхъ, тоже самое говоритъ.

Дахъ-Реденъ.

И вы говорите? Я вамъ сочувствую! Будемте дѣйствовать вмѣстѣ. Наше общество такъ неподвижно!

Новосельскiй.

Охотно! Я очень радъ имѣть такую прелестную союзницу. Надѣюсь, мы будемъ непобѣдимы.

Дахъ-Реденъ. (*грозя ему пальцемъ*).

А къ чему вы говорите комплименты? Это тоже рутина!

Новосельскiй.

Нѣтъ, это просто обыкновенная дань вашей красотѣ.

Владиміръ Александровичъ.

А знаете Клеопатра Петровна, чѣмъ я занимаюсь въ настоящее время?

Дахъ-Реденъ.

Чѣмъ?

Владиміръ Александровичъ.

Пустился въ литературу. Пишу современную комедію: «Гражданскій бракъ». Хотите разскажу вамъ содержаніе?

Дахъ-Реденъ.

Ахъ разскажите, — это интересно!

Владиміръ Александровичъ.

Очень интересно. Въ первомъ дѣйствіи, я вывожу одно добродѣтельное семейство, ведущее невозмутимо тихую жизнь. Отецъ ходитъ въ должность, дочь хлопочетъ по хозяйству, штопаетъ отцу носки и нимало не ропщетъ на свою долю; но вотъ, является молодой человѣкъ и забираетъ дочь въ руки, доказывая ей всю нелѣпость отцовскаго деспотизма. Обѣдъ перестаетъ готовиться, носки перестаютъ штопаться, отецъ начинаетъ сердиться, дочь колотитъ его незаштопанными чулками по щекамъ, при чемъ молодой человѣкъ помогаетъ ей, забѣгая съ тылу, и занавѣсъ падаетъ. Актеровъ вызываютъ всѣхъ, потому что роли ихъ, на этотъ разъ были очень трудныя; автора еще не вызываютъ, но въ партерѣ замѣтно движеніе. Консерваторы самодовольно потираютъ руки, глядя на либера-

ловъ, а либералы, изъ подтишка, показываютъ кукишъ консерваторамъ. Очевидно, что идея автора еще подъ сурдиной... Второе дѣйствіе въ Петербургѣ. — Сцена представляетъ нѣкую коммуну, въ россійскомъ вкусѣ, со всѣми ея аксессуарами, т. е. бутылками, полуштофами и т. д. Женщины что-то работаютъ и поютъ: «Ни о чемъ я въ свѣтѣ, Дунька, не тужила»... это по проэкту Фурье, а мужчины пьютъ... Конечно, здѣсь, великій Фурье явился въ русскомъ переводѣ. Потомъ женщины пьютъ, а мужчины поютъ и т. д. Занавѣсъ опускается и актеровъ не вызываютъ никого, потому что роли ихъ, на этотъ разъ, были очень легкія. Движеніе въ партерѣ продолжатся и даже сообщается райку. Раекъ интересуется узнать, каково было содержаніе, роспитыхъ актерами полуштофовъ и бутылокъ, и если тамъ, дѣйствительно, была настоящая водка, такъ будутъ-ли они играть въ третьемъ дѣйствіи? Но, увы! хотя бы они вмѣсто водки пили кислыя щи, играть имъ въ третьемъ дѣйствіи не придется, такъ какъ оно, по своей скандалезности непремѣнно будетъ зачеркнуто цензурою. Идея автора остается недосказанною. Консерваторы и либералы выходятъ изъ театра неудовлетворенными и, смущаемые вторымъ дѣйствіемъ, направляются въ ближайшіе трактиры, каждый по своимъ средствамъ.

Дахъ-Реденъ.

Я что-то не совсѣмъ поняла. Зачѣмъ это всѣ пьютъ? И что это за пѣсня: ни о чѣмъ... я... Дунька.... Какъ это?

Владимiръ Александровичъ (*подсказывая*).

Ни о чемъ я въ свѣтѣ, Дунька, не тужила.

Дахъ-Реденъ (*хохочетъ*).

Ахъ, какое имя Дунька! Зачѣмъ... лучше Marie, Helene или какъ нибудь...

Владимiръ Александровичъ.

Ну, ужъ изъ пѣсни слова не выкинешъ!

Дахъ-Реденъ.

Но гдѣ же здѣсь гражданскiй бракъ?

Владимiръ Александровичъ.

Гражданскiй бракъ во второмъ дѣйствiи, а апоѳеозъ его въ третьемъ; да вотъ третье то врядъ ли пропустятъ въ цензурѣ...

Новосельскiй.

Скажите, къ чему это балаганное глумленiе, надъ великими идеями нашего времени?

Владимiръ Александровичъ.

Надъ великими идеями нашего времени я не смѣюсь.

Дахъ-Реденъ.

Да какъ-же? Вы стараетесь опошлить женскiй вопросъ, а между тѣмъ, это одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашего времени.

Владиміръ Александровичъ *(зѣвая)*.

Важнѣйшихъ, да не у васъ.

Новосельскій.

Отчего же не у насъ? Вы сознаете, — что женщина способна къ труду?

Владиміръ Александровичъ.

Сознаю-съ.

Новосельскій.

Такъ въ чемъ же дѣло?

Владиміръ Александровичъ.

А вотъ въ чемъ: женщина, говоря вообще, способна къ труду, а вотъ Клеопатра Петровна неспособна, и Дарья Алексѣевна неспособна, и Марья Петровна неспособна — понялъ?

Новосельскій.

Нѣтъ, ничего не понялъ!

Дахъ-Реденъ.

Женщина создана не для труда, а для свободы чувствъ; я всегда это говорю!

Новосельскій.

Но вѣдь свобода чувствъ не мыслима безъ труда, безъ экономически самостоятельныхъ положеній женщины, въ обществѣ...

Дахъ-Реденъ

Ахъ нѣтъ, нѣтъ, вы не спорьте, все это рутина!

Новосельскій.

Какая рутина?

Владиміръ Александровичъ.

Вотъ своя-то—своихъ не познаша! (*Хохочетъ*). Нѣтъ, мнѣ что нравится въ этой женской эмансипаціи, такъ это то, что въ Россіи, да еще пожалуй во Франціи, каждый кроитъ изъ нее, что ему угодно. Хочетъ-ли свѣтская женщина оправдать свои шалости — я выбираю мягкое слово — она беретъ теорію свободы чувствъ; хочетъ-ли мущина выхлопотать себѣ право бросать женщину, когда ему угодно, какъ выжатый лимонъ, какъ старую тряпку, — на сцену является гражданскій бракъ... И хороша эта теорія свободы чувствъ — нечего сказать! Я помню, мой покойный отецъ, смѣясь, говаривалъ: Владиміръ! никогда не ухаживай за замужними женщинами, живущими выше втораго этажа! Придется летѣть изъ окна — все еще есть кой-какіе шансы, ну а ужъ изъ третьяго, — никакихъ! Нынче не то, нынче всѣ эти amis de la maison, и amis de cœur, — хотя я положительно не понимаю, къ чему тутъ cœur-то припутано ибо въ большинствѣ случаевъ, — вовсе не въ немъ дѣло, — могутъ разгуливать, въ силу этой теоріи, по всѣмъ пяти этажамъ. Современный мужъ, заставъ у жены подобнаго господина, вмѣсто того чтобы взять его по пріятельски, за

шиворотъ, свести на кухню и окунуть головою въ помойный ушатъ, долженъ вѣжливо освѣдомиться: не помѣшалъ-ли онъ? Покорно васъ благодарю!

Дахъ-Реденъ.

А вы то что дѣлаете? Вы мужчины—варвары.... Я всегда говорю: мужчины—варвары!..

Владиміръ Александровичъ.

Я вовсе не оправдываю мущинъ, но изъ того, что Иванъ занимается тасканьемъ платковъ изъ кармана, не слѣдуетъ еще, что ихъ, непремѣнно, долженъ таскать и Семенъ!

Дахъ-Реденъ.

Нѣтъ, я всегда говорю, мужчины—варвары!...

Новосельскій.

Отъ чего-же вы считаете женскій вопросъ смѣшнымъ въ Россіи?

Владиміръ Александровичъ.

Отъ того что у васъ и нѣтъ никакого вопроса; это ваши журналисты, должно быть, его во снѣ увидѣли! Гдѣ женскій вопросъ созрѣлъ, какъ напримѣръ, въ Америкѣ, тамъ объ немъ и хлопочутъ сами женщины; ну, а ваши женщины хлопочутъ? Я помню, какъ-то, въ Нью-Іоркѣ, мнѣ разъ пришлось быть на одномъ женскомъ митингѣ. Около меня сидѣлъ янки съ добродушнѣйшей физіономіей и все время подсмѣивался, надъ различ-

ными миссъ и мистриссъ, говорившими спичи. При концѣ собранія, онъ вдругъ неожиданнно воскликнулъ: «теперь я понялъ!» Восклицаніе было до того оригинально, что, при выходѣ изъ залы, я поинтересовался узнать, что онъ понялъ такое. Вотъ видите, сказалъ мнѣ янки, женскій трудъ, въ нашемъ поколѣніи, конечно, вздоръ... Онѣ, наши женщины, могутъ заработывать только копѣйки; но я все таки объявляю себя защитникомъ женскаго труда, потому что только начавъ пріобрѣтать, наши женщины сведутъ настоящій счетъ своимъ юбкамъ. Пріобрѣтаться-то будутъ копѣйки, а сберегаться — рубли. Дареное платье всегда скоро носится, потому что плохо бережется, прибавилъ янки улыбаясь и прощаясь со мною.

Новосельскій.

Вашъ разсказъ о янки, ровно ничего не поясняетъ.

Владиміръ Александровичъ.

Экъ присталъ человѣкъ, даже зло беретъ! Ну какъ же ты не поймешъ всего комизма вашего женскаго вопроса, въ высшихъ слояхъ общества, въ аристократіи? Создали вы, при помощи нелѣпаго воспитанія, поколѣніе женщинъ, неспособныхъ къ труду, съ узкими, юбочными интересами, весь вѣкъ ѣздящихъ на плечахъ своихъ отцовъ, мужей и братьевъ, и гоняющихъ ихъ по различнымъ магазинамъ модъ, и вдругъ, передъ этими зажирѣвшими и опошлившимися женщинами, очень справедливо, съ практической точки зрѣнія, считающими мущину своимъ рабомъ, или, лучше сказать, хо-

луемъ, собрались нѣсколько тощихъ журналистовъ, которые начали ныть передъ ними: вы де самыя несчастныя, вы рабы, васъ давятъ!... давятъ! Да кто же, спрашивается, терпитъ это давленіе: тотъ-ли который работаетъ, или та, которая только ѣстъ то, что другими сработано?

ЯВЛЕНІЕ XII-е.

Тѣже и Алексѣй.

Алексѣй.

Курьеръ изъ департамента пріѣхалъ,—на кухнѣ дожидается, вотъ-съ, пакетъ. *(Подаетъ на подносѣ пакетъ).*

Новосельскій (*читая*).

Mille pardon! обязанности службы прежде всего. Какъ ни грустно, но я долженъ васъ оставить. Если вы будете такъ любезны, что рѣшитесь подождать меня, то я буду васъ просить отдѣлать хорошенько дядю, за его разглагольствованія.

Дахъ-Реденъ.

Мы уже привыкли къ его грубостямъ,—неговорите! Васъ Владиміръ Александровичъ заѣла рутина!

Владиміръ Александровичъ.

Ахъ, Клеопатра Петровна не говорите!

Дахъ-Реденъ.

Мнѣ тоже пора ѣхать. Хотите, я довезу васъ?

Новосельскій.

Merci.

Владиміръ Александровичъ.

Клеопатра Петровна! я попросилъ бы васъ посвятить мнѣ пять минутъ—не больше. За это, вы будете имѣть удовольствіе довезти, вмѣсто племянника,—дядю.

Дахъ-Реденъ.

Что нибудь серьезное, или вы опять будете говорить глупости? Впрочемъ, мы можемъ разговаривать въ каретѣ.

Владиміръ Александровичъ.

На петербургскихъ то мостовыхъ—помилосердуйте!!.

Дахъ-Реденъ.

А вы не будете злить меня?

Владиміръ Александровичъ.

Не буду.

Дахъ-Реденъ.

Ну, такъ я останусь.

Новосельскій.

А я отправлюсь—до свиданія! (*подаетъ Дахъ-Реденъ руку*). До свиданія, дядя, съ вами мы еще увидимся!

Владиміръ Александровичъ.

Я отправлюсь вмѣстѣ съ баронессой, но если ты разсчитываешъ меня накормить обѣдомъ, такъ часамъ къ шести я вернусь....

Новосельскій.

Хорошо, я буду ждать. Еще разъ до свиданья! (*Кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII-е.

Клеопатра Петровна и Владиміръ Александровичъ.

Дахъ-Реденъ.

Что же вамъ отъ меня нужно?

Владиміръ Александровичъ (*садясь въ кресла, у дивана*).

И очень много, и очень мало.... Влюбите въ себя моего племянника.

Дахъ-Реденъ (*хохочетъ*).

Да какъ же я это сдѣлаю? Если-бъ я имѣла жезлъ какой-нибудь волшебницы....

Владиміръ Александровичъ.

Опытныя, свѣтскія женщины всегда имѣютъ этотъ жезлъ. Да онъ вѣдь у меня и рыба-то не хитрая, на червяка легко идетъ. А для васъ лишній поклонникъ право не мѣшаетъ.

Дахъ-Реденъ.

А скажите мнѣ, зачѣмъ вамъ это? Только скажите откровенно!

Владимiръ Александровичъ.

Извольте. Вотъ видите, онъ вывезъ какую-то деревенскую барышню, помѣстилъ ее въ своемъ домѣ, дѣлаетъ въ обществѣ глупости, можетъ легко повредить себѣ и въ свѣтѣ, и по службѣ, и главное, увѣряетъ всѣхъ, что это его гражданская жена, т. е. чортъ знаетъ что такое! А я, имѣлъ на него виды,—у меня есть приличная партiя, а тутъ вдругъ: на! Какъ бы то ни было, вѣдь онъ послѣднiй изъ Новосельскихъ.... Вы меня понимаете?

Дахъ Реденъ.

Да. А зачѣмъ вы не все сказали?

Владимiръ Александровичъ.

Что же еще?

Дахъ-Реденъ.

А то, что вы сами влюбились въ эту деревенскую барышню, а меня хотите сдѣлать пружиной вашей интриги. О, хитрый!...

Владимiръ Александровичъ.

Да клянусь, я не видалъ ее!

Дахъ-Реденъ.

Не вѣрю. Вы всегда любили отыскивать романы въ

глуши. «Хорошіе грибы не ищутъ на опушкѣ» это кажется, ваша пословица. Нѣтъ, я зла на васъ, дѣйствуйте сами!

Владиміръ Александровичъ.

Жаль. А я разсчитывалъ, ну, да дѣлать нечего.... (*помолчавъ*). А знаете какая странность? (*смѣясь*). Я имѣю счастіе и несчастіе,—ужъ это какъ хотите—быть вашимъ кредиторомъ....

Дахъ-Реденъ.

Это какимъ образомъ?

Владиміръ Александровичъ.

Очень простымъ. Мнѣ пришлось скупить вашъ вексель. Впрочемъ, ему срокъ еще не скоро.... кажется черезъ недѣлю.... (*смотритъ ей въ глаза*).

Дахъ-Реденъ.

А что вы намѣрены съ нимъ сдѣлать?

Владиміръ Александровичъ.

Да что обыкновенно дѣлаютъ съ векселями: или протестуютъ ихъ, или раскуриваютъ ими сигары. Я, напримѣръ, векселями своихъ друзей, да вотъ еще акціями нѣкоторыхъ обществъ, раскуриваю сигары, и—представьте—какъ странно: такой дорогой, по видимому, способъ раскуриванія, въ сущности то выходитъ самый дешевый!

Дахъ-Реденъ.

А меня вы считаете въ числѣ своихъ друзей?

Владимiръ Александровичъ.

Иначе я бы не довѣрялъ вамъ моего фамильнаго горя.

Дахъ-Реденъ.

Хорошо, я пошутила! Я хотѣла только посердить васъ! Будемте дѣйствовать вмѣстѣ, я люблю интриги, это весело!

Владимiръ Александровичъ (*встаетъ, беретъ шляпу, и натягиваетъ перчатки*).

Итакъ, союзъ наступательный и оборонительный?

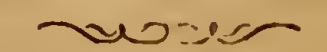
Дахъ-Реденъ.

Да, (*подавая ему руку*) союзъ.

Владимiръ Александровичъ.

Ну да впрочемъ, намъ обороняться то и не придется. Сраженiе начинается. Посмотримъ, поддастся ли старый игрокъ генiальному реформатору!... (*Уходятъ*).

(*Занавѣсъ падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Тотъ же кабинетъ въ домѣ Новосельскаго, что и во 2-мъ дѣйствіи. На письменномъ столѣ горитъ нѣсколько свѣчей подъ абажуромъ. На небольшомъ диванѣ, оперевъ голову на руки сидитъ **Любовь Павловна**; около нее, въ креслахъ, **Владиміръ Александровичъ Новосельскій.**

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Любовь Павловна и **Владиміръ Александровичъ.**

Владиміръ Александровичъ.

И такъ, неправда ли, мы друзья?

Любовь Павловна.

Да. А я сперва очень боялась васъ, теперь не боюсь.

Владиміръ Александровичъ (*смѣясь*).

Что же во мнѣ страшнаго?

Любовь Павловна.

Такъ... не знаю... впрочемъ постойте, подумаю скажу... Вѣдь я сразу ничего сказать не умѣю. Вотъ видите: я сперва васъ очень не любила, мнѣ больно было

за Валерія... Я и теперь еще немного сержусь на васъ. Зачѣмъ вы все смѣетесь надъ нимъ, точно кошка съ мышкой играете... зачѣмъ?

Владиміръ Александровичъ.

Я рѣдко съ кѣмъ говорю серьезно, — не стоитъ... Но вы, Любовь Павловна, кажется, не можете пожаловаться на меня? Съ одной съ вами я не шучу потому, что однѣ вы, въ домѣ моего племянника, не смѣшите меня.

Любовь Павловна (*задумчиво*).

Если бы я находила нѣкоторыя убѣжденія Валерія ошибочными, — развѣ я смѣяться бы стала? Знаете, мнѣ больно, когда я нахожу у Валерія убѣжденіе несогласное съ моимъ... Мнѣ все кажется, что въ это время, мы, какъ будто, чужіе дѣлаемся. Разъ онъ страшно перепугалъ меня... Онъ сказалъ, что онъ въ Бога не вѣруетъ... Мнѣ почудилось, что я вдругъ потеряла его. что онъ, какъ будто, куда-то уходитъ отъ меня... пропадаетъ... Потомъ онъ сказалъ, что пошутилъ но я все таки долго не могла успокоиться... Зачѣмъ шутить подобными вещами? Послѣ, я помолилась за него, тогда успокоилась...

Владиміръ Александровичъ (*смотря ей въ глаза*).

Вы говорите, что вамъ показалось, что онъ куда-то уходитъ отъ васъ? Это немного невѣрно; скоро придетъ время, когда вы убѣдитесь, что вамъ самимъ

нужно уйдти отъ него. Я бы еще на вашемъ мѣстѣ, уши ему надралъ — не обманывай!

Любовь Павловна.

Ну, зачѣмъ вы такъ говорите? Хотите разсмѣшить меня? А мнѣ право не смѣшно, хотя я и знаю, что вы только шутите...

Владимiръ Александровичъ.

Вовсѣ не шучу. Теперь вы еще ребенокъ, не знающій себѣ цѣны. Впрочемъ, всѣ истинно-талантливыя натуры мѣряютъ себя уменьшеннымъ масштабомъ. Женщина въ васъ еще только начинаетъ зрѣть, а когда созрѣетъ, такъ это будетъ такая женщина, какихъ очень не много, не только въ нашемъ обществѣ, а и въ какомъ вамъ угодно. Вы и сами не предчувствуете, какъ вы развернетесь!

Любовь Павловна (*стыдливо*).

Полноте! Вотъ я съ вами по душѣ поговорить хотѣла, а теперь я опять спрячусь... уйду въ себя, какъ вы выражаетесь...

Владимiръ Александровичъ.

На васъ не угодишъ! Вѣдь вы сами просите, чтобъ вамъ открывали глаза, а когда начинаешъ открывать ихъ, такъ вы жмуритесь. Лучшихъ русскихъ женщинъ намъ давала, до сихъ поръ, религія. Общественная жизнь не могла ихъ дать, потому что общественная

жизнь у насъ, и начинается-то чуть ли не со вчерашняго дня, да и то женщина принимаетъ въ ней едва замѣтное участіе. Огромная сила игнорируется. Вѣдь, говоря вообще, вы, женщины, что тамъ ни толкуй физіологи о вѣсѣ мозга, умнѣе насъ. Это доказывается тѣмъ, что при совершенномъ экономическомъ рабствѣ, вы съумѣли, съ замѣчательною ловкостью, завоевать себѣ и въ семействѣ, и въ обществѣ, извѣстную долю независимости т. е. нравственной свободы. Товаръ-то въ долгъ взяли, да кажется и расплачиваться не собираетесь. Правда, что въ этой войнѣ вы дѣйствовали, большею частію, довольно постыднымъ оружіемъ: наведеніемъ бровей подъ соболь, округленіями и стягиваніями бюста, даже прикладываніемъ на ночь къ лицу парной телятины, (эта телятина, на языкѣ эстетиковъ, если не ошибаюсь, называется могущественнымъ вліяніемъ красоты), но вѣдь правда и то, что выборомъ оружія руководилъ все таки умъ, — слабая струнка наша была ловко замѣчена!

Любовь Павловна.

Зачѣмъ вы говорите: «вы дѣйствовали?» Фуй, какая гадость! Я бы, кажется, умерла отъ стыда....

Владиміръ Александровичъ (*улыбаясь*).

А вы развѣ не употребляете никакихъ косметикъ?

Любовь Павловна.

Нѣтъ. А зачѣмъ это?

Владиміръ Александровичъ.

Чтобы казаться красивѣе.

Любовь Павловна.

А зачѣмъ казаться красивѣе?

Владиміръ Александровичъ.

Ну, вотъ тебѣ разъ! Ну хоть для того, чтобы больше нравиться Валеріану!

Любовь Павловна.

Какъ же больше нравиться, если онъ любитъ? — любитъ—больше невозможно... Я бы ему опротивѣла, еслибъ онъ замѣтилъ...

Владиміръ Александровичъ (*смѣясь*).

Славно же вы знаете моего племянника!

Любовь Павловна.

Да вы лжете на нашихъ женщинъ! Кто изъ нихъ занимается этими притираніями?

Владиміръ Александровичъ.

Шш... Насъ могутъ услышать!

Любовь Павловна.

Кто же?—никого нѣтъ.

Владиміръ Александровичъ (*лукаво*).

Ну, почемъ знать!

Любовь Павловна.

А вѣдь вы все-таки сбились съ разговора.

Владиміръ Александровичъ.

Нѣтъ, я только временно отступилъ. Вы должны разойтись съ Валеріаномъ, потому что вы люди двухъ, совершенно противуположныхъ полюсовъ: вы ищите труда, а онъ разговоровъ о трудѣ; вы рветесь всѣми силами души къ образованію серьезному, а онъ у меня нѣжный плодъ блестящаго образованія. Слушайте же: во всемъ европейскомъ обществѣ, люди, главнѣйшимъ образомъ, дѣлятся на два противуположные лагеря, въ зависимости отъ полученнаго ими воспитанія. Одно изъ этихъ воспитаній серьезное, рабочее, дѣловое развиваетъ не столько потребности, сколько способы удовлетворенія ихъ т. е. способность труда; а другое, которое называютъ то свѣтскимъ, то блестящимъ, то эстетическимъ, поступаетъ совершенно на оборотъ т. е. развиваетъ потребности до чудовищныхъ размѣровъ, создаетъ потребности ложныя, а способность къ труду не развиваетъ, а напротивъ, совершенно парализуетъ. Уже изъ этаго короткаго очерка вы можете понять, какъ мило это блестящее воспитаніе! Люди, получившіе его, не несутъ въ себѣ никакой жизненной, силы и всею тяжестью своего раскормленнаго тѣла ложатся на общество. Это жалкое отребье человѣчества умѣетъ только съѣдать то, что заработано другими; жить, пользуясь трудами прошлыхъ поколѣній или счетами на поколѣнія будущія. Это блестящее воспитаніе — прямое наслѣдство

крѣпостнаго права, изгоняется и правительствами и обществами, потому-что оно язва, гнилой струпъ на общественномъ организмѣ, потому что оно даетъ обществу нездоровыхъ работниковъ по всѣмъ ступенямъ лѣстницы человѣческаго труда, а несостоятельныхъ должниковъ, дармоѣдовъ, всякаго рода мотовъ, шулеровъ, казнокрадовъ, обжоръ, людей едва начинающихъ жить и уже подкошенныхъ развратомъ, разслабленныхъ гаменовъ и самыхъ пошлыхъ дураковъ. Мой Валеріанъ получилъ какъ разъ это самое воспитаніе!

Любовь Павловна.

Не правда, Валерій любитъ трудъ....

Владиміръ Александровичъ.

Въ книжкахъ ежемѣсячныхъ журналовъ, — не дальше. — Правда, онъ нѣсколько прикрылъ свою пустоту газетными листами, но между швами этихъ листовъ торчатъ ослиныя уши. Эти уши вы скоро увидите; я, покрайней мѣрѣ, очень добросовѣстно стараюсь вытягивать ихъ передъ вами, гдѣ только можно.

Любовь Павловна.

Не говорите такъ, вы оскорбляете меня! Но еслибъ я замѣтила сама, что въ вашихъ словахъ есть хоть часть правды, вы думаете я, разлюбила бы его? никогда! Еще больше я старалась бы любить его, потому что онъ больше бы нуждался въ моей любви! Боже мой! у него такія благородныя убѣжденія!

Владиміръ Александровичъ.

Да вѣдь онъ ихъ не выработалъ, а вызубрилъ, а примѣнить къ дѣлу можно только то, что выработано и сидитъ въ мозгу плотно. И до чего человѣкъ глупъ! самъ на себя руки подымаетъ. Толкуетъ о необходимости личнаго труда, какъ единственнаго обезпеченія! Какую бы горькую насмѣшку сдѣлало надъ нимъ общество, еслибъ, отобрало отъ него другія-то обезпеченія и сказало бы ему: я исполнило твое желаніе—трудись! Смѣю увѣрить, что, съ этимъ труженникомъ, вы на другой же день сидѣли бы безъ обѣда. А отъ какихъ причинъ, у подобныхъ господъ, зависятъ убѣжденія? Шелъ по Невскому, да подписался на «Современникъ» къ концу года получился крайній либералъ, а попался въ руки «Русскій вѣстникъ»,—ну и шабашъ, пропалъ человѣкъ! быть ему либеральнымъ консерваторомъ.. . Вы ругаете вашу литературу, а того не знаете, что ни гдѣ, въ цѣломъ мірѣ, она не имѣетъ такого громаднаго вліянія на общество, какъ въ Россіи. Вездѣ въ Европѣ, она только отражаетъ общество, а здѣсь она его создаетъ по своему вкусу; въ Европѣ поблицистъ подчиняетъ свои воззрѣнія, интересамъ дня и минуты, а нашъ публицистъ, подчиняетъ интересы дня и минуты своимъ воззрѣніямъ. Гдѣ это видано, чтобы головою двухъ-трехъ хотя и талантливыхъ писателей, думало чуть не цѣлое поколѣніе! Вотъ вамъ гнилая школа, съ экзаменами по готовымъ билетамъ, любуйтесь ею! Европейскіе авторитеты разбили, а у своихъ пряничныхъ кумировъ пятки лижутъ!

Любовь Павловна (*задумчиво*).

За чѣмъ вы такъ злы, Владимiръ Александровичъ? Я вамъ многимъ обязана, многое вы мнѣ объяснили, но знаете: послѣ каждаго разговора съ вами мнѣ тяжело дѣлается.... плакать хочется.... отчего вы не говорите такъ, чтобъ легче дѣлалось?...

Владимiръ Александровичъ.

Я говорю правду. Кто же виноватъ, что правда эта не весела!...

Любовь Павловна.

Нѣтъ, не все правду. Вотъ вы говорите, что я разлюблю Валерiя, а развѣ это можетъ быть!

Владимiръ Александровичъ (*смотря на нее вставая съ кресла*).

Я вамъ скажу больше. Характеръ вашей привязанности къ Валерiану, уже и теперь начинаетъ измѣнятся. Развѣ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вы стали бы слушать про него то, что слушаете отъ меня теперь Вамъ больно, но вы все таки слушаете, потому что сознаетесь, что я правъ. Вѣдь вся ваша любовь есть ничто иное какъ ошибка. Вы влюбились въ тотъ чемоданъ съ книгами, который онъ привезъ къ вамъ въ деревню, а вамъ показалось, что вы влюбились въ него.

Любовь Павловна (*задумчиво*).

Вы точно въ душу глядите.... даже страшно съ вами.... Да, любовь не прошла, но люблю я его какъ-то

иначе.... что-то тамъ внутри меня перемѣнилось—не знаю.... Прежде, я любила, когда онъ ласкаетъ меня.... положу ему голову на грудь, или на плечо, и такъ хорошо мнѣ, точно подъ крылышкомъ лежишъ, а теперь мнѣ все хочется самой ласкать его...

Владиміръ Александровичъ.

Я вамъ сейчасъ переведу это на русскій языкъ. Прежде вы видѣли въ немъ идеалъ, въ немъ искали опоры, старались дорости до него, а теперь, когда онъ начинаетъ сходить передъ вами со своихъ ходуль, вы смутно догадываетесь, что нужно не доростать, а нагибаться нужно къ нему. Теперешняя ваша любовь уже имѣетъ не восторженный характеръ, поклоненія, а скорѣе грустный. Это.... любовь самоотверженной сестры милосердія къ своему больному....

Любовь Павловна.

Замолчите, или я уйду! Голубчикъ мой Валерій, милый мой, что только говорятъ про тебя! О, еслибъ онъ больной былъ, какъ бы я ходила за нимъ!

Владиміръ Александровичъ (*смотря ей въ глаза*).

Я и позабылъ, что у многихъ женщинъ есть какая-то, точно враждебная страсть, къ самоотверженію. Въ такомъ случаѣ, я поставлю вопросъ иначе. Вы знаете, что въ самомъ скоромъ времени, Валеріанъ не только разлюбитъ васъ, но возненавидитъ?

Любовь Павловна.

Меня возненавидитъ! Да за что жъ?

Владиміръ Александровичъ.

За то, что вы умнѣе и честнѣе его,—очень просто.

Любовь Павловна.

Какъ очень просто?

Владиміръ Александровичъ.

Какъ нельзя быть проще. Скажите: легко бы вамъ было, если бы къ вамъ на плечи взгромоздился человѣкъ и заставилъ бы возить себя, ну.... хоть по этой комнатѣ?

Любовь Павловна.

Нѣтъ.

Владиміръ Александровичъ.

Хорошо. Такое же точно давленіе производитъ на насъ человѣкъ, выше насъ стоящій, съ которымъ мы вздумали бы связать свои интересы. Передъ такимъ человѣкомъ вѣчно стѣсненъ, вѣчно связанъ, онъ бѣситъ своими требованіями, онъ какъ зеркало стоитъ постоянно передъ вашею совѣстію. Передъ такимъ человѣкомъ постоянно чувствуешъ себя должникомъ, а кому неизвѣстно, какъ бѣсятъ кридиторы, особенно когда нѣтъ денегъ расплатиться съ ними. Какихъ же еще больше искать данныхъ для ненависти? Вы постоянно кричите ему про женскій трудъ, зовете работать, когда ему,

бѣдному, спать хочется.... А откуда, спрашивается, онъ возьметъ для васъ женскія трудъ? Къ Балле, или къ Фойе за нимъ въ кондитерскую поѣдетъ? Еслибъ ему какая нибудь свѣтская барышня сказала: «Monsieur Валеріанъ! привезите мнѣ пожалуйста женскій трудъ, нынче объ немъ такъ много пишутъ въ журналахъ!»— ну, такъ онъ могъ бы безпрепятственно отправиться, въ одно изъ названныхъ мною мѣстъ, и захватить тамъ цѣлую груду женскаго труда: утруждайте, молъ, ваши прелестные, перламутовые зубки,—тутъ всякій есть: и съ шеколадомъ, и съ ванилью и съ фисташками! (*слышенъ звонокъ*).

Любовь Павловна.

Кто-то къ Валеріану. Я уйду. А вы знаете, почему я, больше всего, люблю эту комнату?

Владиміръ Александровичъ

Ну, какъ не знать! Потому что это его комната. Впрочемъ, вамъ не зачѣмъ уходить: Валеріанъ спитъ, такъ что человѣкъ, вѣроятно, откажетъ.

Любовь Павловна.

Нѣтъ. Его пріятели ходятъ безъ доклада. Я пойду! (*Встаетъ и уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Владиміръ Александровичъ одинъ.

Владиміръ Александровичъ (*по уходѣ Любовь Павловны, смотря ей вслѣдъ*),

Только бы взять королеву, а королю-то не сдобровать! (*Закуриваетъ сигару и отправляется въ противоположный уголъ сцены, гдѣ и разваливается на кушеткѣ*).

ЯВЛЕНІЕ III-е

Владиміръ Александровичъ и **Импольскій.**

Импольскій (*быстро вбѣгая. Во все время сцены, онъ держитъ себя очень подвижно*).

Здравствуй, Валеріанъ! (*Оглядывается*).

ладиміръ Александровичъ.

Передъ вами его дядя. Вашъ Валеріанъ спитъ— съ проигрышу-то, должно быть, крѣпко спится. (*Здороваются за руки*).

Импольскій. (*хохочетъ*).

Такъ я его пойду разбужу! Гусара бы ему въ носъ запустить! Я, въ корпусѣ, ихъ отлично приготовлялъ! Любимое удовольствіе было! А взбучки какія за это попадали—прелесть!

Владиміръ Александровичъ (*съ ироніей*).

И кончилось тѣмъ, что сами изъ себя приготовили гусара. Вы, вѣдь кажется, въ гусарахъ служили?

Импольскій.

Да.... На экзаменахъ провалился, въ армію на корнета еле вытянулъ....

Владиміръ Александровичъ.

Что же вы не продолжали службу?

Импольскій.

Отецъ присталъ.... прочитъ меня въ мировые.... какъ ихъ.... посредники что ли? Да я не пойду! Черта ли я буду тамъ дѣлать?

Владиміръ Александровичъ.

Я тоже думаю, что дѣлать вамъ тамъ дѣйствительно, нечего.... А впрочемъ что-жъ?—если никого не помирите, такъ никого и не поссорите.

Импольскій.

Я заѣхалъ къ Валеріану на минуту.... Какую, я, вамъ скажу, кобылу купилъ! (*дѣлаетъ ручку*). красавица! Не знаю только какъ назвать? Какъ ноги выбрасываетъ!

Владиміръ Александровичъ.

Дайте ей имя тоже въ честь какой нибудь красавицы...., свѣтской....,

Импольскій.

Да... надо будетъ... въ честь кузины назову. Хотѣлъ просить Валеріана.... Берта дѣлаетъ пикникъ для новопріѣзжей. Вотъ штучка-то! Испанка кровная, глазищи во какія! (*показываетъ рукою*). Пускай бы Валеріанъ и свою привезъ.... Наши всѣ просятъ.... Что-жъ онъ ее, въ самомъ дѣлѣ, въ карманѣ-то держитъ? Труситъ, что отобьютъ?

Владиміръ Александровичъ.

Я и самъ не понимаю. Вы бы пристали къ нему хорошенько.... А кто лучше изъ этихъ кровныхъ красавицъ: кровная испанка (*зѣвая*), или кровная кобыла?

Импольскій. (*въ затрудненіи*).

Право не знаю.... обѣ хороши.... Для меня-то, конечно, моя лучше.

Владиміръ Александровичъ.

Не читали-ли чего нибудь новенькаго въ газетахъ?

Импольскій.

«Голосъ» читалъ.... совершенно случайно... Въ кандитерской на столѣ лежалъ около меня, я и пробѣжалъ. Я вѣдь, нарочно, никогда не читаю, а такъ.... когда придется...

Владиміръ Александровичъ.

Ну, и что же вы вычитали?

Импольскій.

У Юнкера новая партія револьверовъ привезена,— надо будетъ съѣздить....

Владиміръ Александровичъ.

Только-то и есть?

Импольскій.

Нѣтъ.... есть и еще.... только остальное не замѣчательно.... А знаете Валеріану готовится какая непріятность?

Владиміръ Александровичъ.

Сообщите.

Импольскій.

Съ нимъ драться Клугинъ хочетъ.... (*хохочетъ*). Валеріанъ, видите-ли, сошкольничалъ.... Свою-то барышню, его сестрѣ, гдѣ то тамъ, на выставкѣ что-ли?— за жену отрекомендовалъ. Вотъ штуку-то удралъ! Пускай меня секундантомъ беретъ. (*Прицѣливаясь, какъ будто изъ пистолета*). Знаете куда надо цѣлить?

Владиміръ Александровичъ.

Куда?

Импольскій.

Въ полъ-туловища— самое вѣрное!

Владиміръ Александровичъ.

Отчего же самое вѣрное? Не всегда! Еслибы я съ вами, напримѣръ, дрался, я бы цѣлилъ вамъ въ голову.

Импольскій.

И промахнулись бы! Ха, ха, ха!

Владиміръ Александровичъ.

Нѣтъ, не промахнулся бы! Постарался бы не промахнуться. Однакожъ, я передъ вами еще въ долгу. Въ благодарность за сообщенныя мнѣ вами nouvelles de jour, хотите я разскажу наши questions de jour?

Импольскій.

Ха, ха, ха! Да вѣдь это все равно!

Владиміръ Александровичъ.

Нѣтъ, не равно. Nouvelles de jour это, обыкновенно, что нибудь легонькое, пустенькое: вотъ ваша испанка съ этакими глазами, (*показываетъ рукою*), это nouvelle de jour; кобыла, если она, дѣйствительно, какъ нибудь особенно ноги выкидываетъ—тоже. Serge Пустоголовъ проспалъ всю ночь, вмѣсто дежурнаго лакея въ клубѣ и заплатилъ за это нѣсколько сотъ рублей штрафу. Это ужъ положительно nouvelle de jour. Сей же Serge подержалъ пари, что одна, за одною, выпьетъ шесть бутылокъ шампанскаго, но не выдержалъ, и на пятой бутылкѣ отдалъ дань природѣ—и это, при необыкновенномъ застоѣ свѣтской жизни, можетъ быть новостью дня. Но questions de jour—это вещи серьезныя, дѣловыя; большею частію, онѣ нынче у васъ вертятся около литературы. Читалъ я, напримѣръ, на дняхъ, одну финансовую статью, изыскивающую мѣры, для выхода Россіи изъ денежнаго и экономическаго кризиса. Сейчасъ видно,

что авторъ умный человѣкъ и умѣетъ просто подойдти къ вопросу. Нѣтъ, говорятъ, денегъ, такъ надо ихъ надѣлать. Выпустить, говоритъ, нѣсколько милліардовъ бумажныхъ знаковъ и шабашъ!—и деньги будутъ... Какъ въ этомъ совѣтѣ не узнать того же Сержа Пустоголоваго, проспавшаго всю ночь въ клубѣ и отдавшаго дань природѣ. Онъ, точно такъ и поступаетъ въ своемъ частномъ хозяйствѣ. Нѣту денегъ—являются коммисіонеры, пишутся векселя, на рубль за гравенникъ и, затѣмъ, Serge, торжественно, отправляется въ домъ Тарасова, размышлять о суетѣ сего міра и слушать даровую музыку, въ нѣмецкомъ танцовальномъ обществѣ. Читалъ я и другую статью—экономическую. Въ статьѣ доказывалось, что для того, чтобы поднять нашу торговлю и промышленность, необходимо уничтожить таможенную пошлину, на заграничные товары. Эта статья мнѣ еще больше понравилась, ибо видно, что авторъ юноша либеральный, и либеральный совершенно въ русскомъ духѣ, т. е. если такому юношѣ ловкій діалектикъ докажетъ, посредствомъ софизмовъ, что ходить всего удобнѣе вверхъ ногами, то онъ сейчасъ же перевернется и пойдетъ подобнымъ образомъ, да еще будетъ доказывать, что это, дѣйствительно, необыкновенно какъ удобно. Конечно, если бы правительство послушалось совѣтовъ сего либерала, то сотни тысячъ русскихъ рабочихъ пошли бы по міру, но за то, въ какой нибудь парижской газетѣ, какая нибудь паршивая тварь, которую можно купить и продать за сто франковъ, написала бы, что Россія идетъ быстрыми ша-

гами по пути прогресса и цивилизаціи, а кому неизвѣстно, что подобныя фразы, на многихъ изъ насъ, производятъ дѣйствіе, подобное щекотанію подъ мышками.

Импольскій.

Да гдѣ же question de jour-то обѣщанный?

Владиміръ Александровичъ.

Ахъ, да! я и позабылъ. Да вѣдь вы разболтаете? Объ этомъ, покамѣсть, говорятъ только въ дипломатическихъ кружкахъ.

Импольскій.

Честное слово не разболтаю! Да я не скажу отъ кого я слышалъ! Нѣтъ, батенька, я разъ изъ корпуса чуть въ армію, на палочкѣ рядовымъ не проѣхался, а ужъ товарищей не выдалъ!.... Шалишь!... хоть запори!...

Владиміръ Александровичъ.

Ну то-то же. Дѣло въ томъ, что мы наканунѣ войны...

Импольскій (*садясь верхомъ на стулъ*).

Великолѣпно! А съ кѣмъ?...

Владиміръ Александровичъ.

Мы, въ союзѣ съ Турціей, деремся противъ Испаніи.

Импольскій.

Ну, за какимъ чертомъ мы въ союзѣ съ Турціею? Давно ли ихъ колотили?

Владиміръ Александровичъ (*совершенно серьезно*).

Въ политикѣ нѣтъ ничего постояннаго: вчерашніе враги дѣлаются сегодня друзьями, и на оборотъ. Тутъ, видите ли, очень сложная политическая комбинація.... Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что, съ нѣкоторыхъ поръ, Турція открыто покровительствуетъ Римскому папѣ...

Импольскій.

Ну, чортъ возьми, хоть я въ политикѣ, какъ и въ артиллеріи, швахъ, но, все-таки, что то ерундистое.... Вѣдь у нихъ и вѣра различная?...

Владиміръ Александровичъ.

А вы забыли, что религія въ политикѣ, за частую, не берется въ расчетъ! Вѣдь вотъ, въ прошлую войну, воевали же противъ насъ Христіане, въ союзѣ съ турками?

Импольскій.

И то правда! Кто ихъ разберетъ!

Владиміръ Александровичъ.

Никто не разберетъ. Ну-съ а папу-то, давно собирается выгнать изъ Рима—Испанія. Турція и объявила ей войну, но, не надѣясь на свои силы, пригласила Россію.

Импольскій.

Очень нужно! Ихъ бы самихъ вздуть слѣдовало!

Владиміръ Александровичъ.

Да вы думаете, что мы даромъ идемъ? Какъ же! Нѣтъ, она обязалась уступить намъ за это: Сербію, Валахію, Молдавію, Кроацію, Далмацію, Венгрію,— все, до самаго Кракова!

Импольскій.

Ей Богу, опять въ полкъ поступлю! Пускай отецъ говоритъ, что хочетъ! Денегъ не дастъ,—изъ ротнаго котла ѣсть стану, а ужъ поступлю!

Владиміръ Александровичъ.

Конечно. Лучше примирять Европу, чѣмъ крестьянъ.

Импольскій.

Знаете, я сейчасъ къ нему и катну!

Владиміръ Александровичъ.

Ну нѣтъ, этого не надо дѣлать.

Импольсккій.

Почему?

Владиміръ Александровичъ (*подходя, беретъ его дружески за пальто*).

Ну, хоть бы потому, что я и самъ, какъ старый кадетъ, сошкольничалъ, съ моимъ молодымъ товарищемъ.

Импольскій. (*хохочетъ*).

Опять надули! А ужъ я бы ихъ тамъ растресъ!

Владиміръ Александровичъ (*смотря на него съ неподдѣльнымъ чувствомъ*).

Славный вы малый, Импольскій! Сердце у васъ золотое! Вы одинъ, изъ тѣхъ немногихъ, которыхъ я люблю!

Импольскій (*смѣется*).

Да меня всѣ любятъ! Только сестры злятся—подъ руку ходить не умѣю. Какъ ни пойду—хвостъ и оборву. А вы знаете, я изъ географіи только и помню города Голландіи: Амстердамъ, Гарлемъ, Сардамъ, Гага, Лейденъ, Роттердамъ. Валеріанъ около спитъ?

Владиміръ Александровичъ.

Кажется, около.

Импольскій. (*подходя къ дверямъ*).

Ну, смотрите же, какую я штуку съ нимъ сдѣлаю! (*подбѣгая къ дверямъ, кричитъ*); справо по эскадронно... жай! Новосельскій вставай! (*хохочетъ и отбѣгаетъ отъ дверей*). Я чрезъ часъ заѣду.... тороплюсь... Прощайте, Владиміръ Александровичъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

Новосельскій (*выходя заспанный изъ дверей*.

Вѣдь вотъ ужъ Богъ всѣмъ обидѣлъ человѣка, такъ глотку далъ! Это, дядя, Импольскій былъ?

Владиміръ Александровичъ. (*ходитъ и куритъ сигару*).

Вовсе не Богъ обидѣлъ, а папаша съ мамашей. Что ты на Бога то клеплешъ! Да онъ вовсе и не дуракъ, а круглый невѣжда. Въ корпусъ поступилъ, съ заготовленнымъ отвращеніемъ къ наукѣ; въ корпусѣ, благодаря системѣ товарищескихъ подсказываній, да профессорскихъ взятокъ, проспалъ благополучно всѣ шесть лѣтъ на заднихъ скамейкахъ, и, катаясь на блаженныхъ шестеркахъ, благополучно докатился до выпускнаго класса. Но все-таки старый корпусъ сдѣлалъ для него многое. Онъ его, во-первыхъ, не изнѣжилъ, какъ тебя, напримѣръ, изнѣжили. Онъ можетъ одѣть холодное бѣлье и не простудиться, а ты и этого не можешъ. Это въ жизни очень важно; тебя скорѣе измѣлить жизнь, чѣмъ его.

Новосельскій (*садясь въ кресло и зѣвая*).

Ну, ужъ отъ сравненій съ Импольскимъ-то избавьте! Вы и такъ изобильно меня снабжаете комплиментами.

Владиміръ Александровичъ.

Потому, что ты близокъ мнѣ, и я не могу равнодушно переносить твои глупости. Но я не досказалъ! Старый корпусъ навсегда оградилъ его отъ фатства, этого отвратительнѣйшаго изъ отвратительнѣйшихъ пороковъ. Посмотри, какъ онъ простъ и искрененъ! Онъ, до сихъ поръ, не умѣетъ повязать статскаго галстуха. На дняхъ, у Имтиныхъ, старшая дочь, краса-

вица, подозвала его къ себѣ, поставила на колѣни и повязала, какъ слѣдуетъ, старый корпусъ сдѣлалъ его добрымъ и честнымъ товарищемъ. Проиграй кто-нибудь, изъ его однокашниковъ, солдатскія артельныя деньги, онъ отдастъ послѣднія,—но выручитъ; раззорись ты когда нибудь, вся эта сволочь, съ англійскими проборами на затылкѣ, сейчасъ же отвернется отъ тебя, какъ отъ зачумленнаго, а Импольскій, встрѣтясь съ тобою, оборваннымъ, на Невскомъ, обнимется и пойдетъ подъ руку, и если какой нибудь денди замѣтитъ ему неприличіе его поступка, такъ онъ его отваляетъ палкою; старый корпусъ развилъ въ немъ личную храбрость и стойкость. Онъ, конечно, не въ состояніи пойти въ академію, и надѣть аксельбанты, но дай ему роту и пошли взять батарею,—онъ пойдетъ и возметъ ее, или мертвый ляжетъ передъ своими солдатами. И пойдетъ не такъ, какъ пошелъ бы какой нибудь прославленный капитанъ зуавовъ; онъ не станетъ рисоваться своею храбростью, а пойдетъ просто и спокойно, не прибавляя и не убавляя шагу, какъ ходятъ обыкновенно бывалые русскіе солдатики, которые, идя на непріятеля, подъ градомъ пуль, не забываютъ, однакоже, вытереть вспотѣвшій лобъ рукавомъ шинели, высморкать носъ и сплюнуть на руку, передъ тѣмъ какъ броситься въ штыки. А кстати.... тебя, по милости твоего гражданскаго брака, Клугинъ хочетъ вызвать на дуель,—мнѣ Импольскій разсказалъ. Вотъ какъ дастъ Богъ, влѣпятъ тебѣ пулю, въ какую нибудь благородную часть тѣла, такъ авось пропадетъ охота затѣвать съ обществомъ шутовскіе бои!

Новосельскій.

Импольскаго навѣрно дурачатъ. Что жъ, по вашему, всѣ люди, боровшіеся съ обществомъ, были шуты?

Владиміръ Александровичъ.

Тотъ шутъ, который предлагаетъ подобные вопросы. Кто можетъ обойтись безъ общества и удовольствуется скромнымъ кружкомъ людей его же понятій, тотъ можетъ и бороться! Да впрочемъ тотъ, справедливо-то говоря, и не борется, а просто запираетъ двери своей квартиры и спускаетъ сторы. Но мы все вздоръ толкуемъ.... А вотъ ты лучше скажи: куда бы и какъ спровадить намъ Любовь Павловну?

Новосельскій.

То есть какъ спровадить?

Владиміръ Александровичъ.

Да я не знаю какъ — я тебя спрашиваю. (*Ходитъ*). Вѣдь вотъ, сдѣлать-то глупость легко, а поправить трудно! — Я ужъ и самъ ломаю голову, какъ бы это уладить, чтобъ выручить бѣдную дѣвушку!... Думалъ я отвести ее къ отцу и пустить въ ходъ все свое краснорѣчіе: Дочь, молъ, ваша ни въ чемъ не виновата, а единственнымъ негодяемъ, въ этомъ дѣлѣ, оказывается мой племянникъ, котораго я и лишаю наслѣдства.

Новосельскій (*вспыхивая*).

Я никому не позволю говорить мнѣ дерзости! Вы,

очевидно, злоупотребляете правами родства и гостепріимства!...

Влаяимірь Александровичъ.

Чего ты горячишься?—наслѣдства-то я тебя не лишу! Что нибудь говорить отцу надо же?... Или прикажешъ сказать, что она негодная дѣвченка, а ты благородный человѣкъ? Въ такомъ случаѣ, какой же смыслъ имѣла бы моя поѣздка?

Новосельскій.

Да съ какой стати вы начали толковать о поѣздкѣ къ отцу?

Владиміръ Александровичъ (*остановясь противъ Новосельскаго*).

Да скажи же, хоть разъ въ жизни, Валеріанъ, правду! Вѣдь ты больше не любишъ ее?

Новосельскій.

Да.... я вижу, что ошибся... Мы не сошлись характерами....

Владиміръ Алексанровичъ.

Да потому и не сошлись, что тебѣ въ женщинѣ и не слѣдуетъ искать характера. «Познай самаго себя»,—это, кажется, говорили Греки....

Новосельокій.

Я не знаю, что говорили Греки, но знаю, что не смотря на всю вашу напускную насмѣшливость, вы все

таки должны сознаться, что въ сущности я оказываюсь правъ: гражданскій бракъ дастъ намъ возможность разойтись....

Владиміръ Александровичъ.

Я и самъ это думаю... Ты-то правъ, потому что, конечно, деньги брать всегда выгоднѣе безъ росписки, чѣмъ на вексель, — въ судъ не потащутъ.... А она не права, потому что не поняла твою неспособность къ семейной жизни; но, дѣло въ томъ, что будь она за тобою замужемъ, ты бы не раздражалъ себя возможностью разойтись, а ужъ если бы и насолилъ ей до того, что не въ терпежъ бы ей сдѣлалось, такъ она бы съ тобою разошлась и при духовномъ бракѣ, но съ тою разницей, что у нее остались бы отецъ и общество....

Новосельскій.

И безъ возможности вновь устроить свою жизнь?

Владиміръ Александровичъ (*останавливаясь*).

Да ты изъ законовѣденія держалъ экзаменъ?

Новосельскій.

Держалъ.

Владиміръ Александровичъ.

И выдержалъ?

Новосельскій.

Конечно, выдержалъ.

Владимiръ Александровичъ.

Ну, такъ я бы твоего учителя повѣсилъ! Какъ-же ты незнаешъ, что у насъ, въ крайнихъ случаяхъ, существуетъ разводъ?...

Новосельскiй.

Но разводъ этотъ очень труденъ.

Владимiръ Александровичъ.

А вамъ хотѣлось бы, чтобы онъ былъ очень легокъ? Тогда бы, знаешъ, что вышло, при теперешнихъ нравахъ?

Новосельскiй.

Да ужъ я когда то слышалъ это отъ однаго семинариста...

Владимiръ Александровичъ.

Ну, семинаристъ тебѣ растолковалъ, быть можетъ, не совсѣмъ ясно, у нихъ слогъ тяжелый, а я объясню со свойственною мнѣ выразительностью и простотою. Тогда бы вотъ что началось: котлеты пережарены, — жена плохая хозяйка, — въ сторону ее!—это былъ бы разводъ гастрономическій; толстѣть она начала, — въ сторону ее!—это былъ бы разводъ эстетическій; говядину дорого покупаетъ на рынкѣ, — въ сторону ее! это былъ бы разводъ экономическій и такъ далѣе, до безконечности.... Причинъ, можно бы измыслить многое множество. Вѣдь вотъ какая, повидимому, странная причина вашего будущаго развода: она хочетъ,

чтобы ты баклуши не билъ, а ты между тѣмъ говоришъ: не сошлись характерами, и въ сторону ее... *(Смотря на часы)*. Однако я заболтася. Пора ѣхать.

Новосельскій.

Куда вы?

Владиміръ Александровичъ *(Смотря ему въ глаза)*.

Ѣду доигрывать шахматную партію съ однимъ молодымъ и очень горячимъ игрокомъ. Ты его незнаешъ. Ставка большая, и баронесса Дахъ-Реденъ, за которою ты, кажется, ухаживаешъ не безъ успѣха, со мною въ долѣ. Какъ думаешъ, выиграю?

Новосельскій.

Вѣроятно, выиграете.

Владиміръ Александровичъ.

Ну да, и я тоже думаю!... *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V-е.

Новосельскій и Демьянъ.

Демьянъ *(выходя изъ дверей, останавливается, ростопыривъ руки и говоритъ, глядя не на Валерьяна Петровича, а прямо)*.

Какъ вамъ угодно, Валеріанъ Петровичъ, а только что старшій дворникъ мнѣ на горло сѣдъ...

Новосельскій.

Что тебѣ нужно? Пришелъ свою физіономію показать? Звали тебя?

Демьянъ (*вздыхаетъ*).

Мнѣ нечего показывать... пускай Алешка показываетъ...

Новосельскій.

Да что же тебѣ нужно, наконецъ?

Демьянъ.

Мнѣ ничего не нужно-съ, а только старшій дворникъ говоритъ: зачѣмъ, говоритъ, вашу мадамъ не прописываете?

Новосельскій (*подбѣгая къ нему*).

Какъ?... Что ты сказалъ?... Повтори!.,.

Демьянъ (*испуганно смотря на него во всѣ глаза*).

Зачѣмъ... говоритъ... вашу мамзель не прописываете...

Новосельскій (*бѣшено*).

Пошелъ вонъ, старый оселъ!...

Демьянъ (*вздыхая*).

Что-жъ, я и пойду-съ, а только старшій дворникъ говоритъ...

Новосельскій.

Пошелъ вонъ!...

Демьянъ.

Уйду-съ... Если, говоритъ, она помретъ, кто отвѣчать будетъ? Меня въ ту пору полиція за волосы сгребетъ!... Скажетъ: что смотрѣлъ? Никакъ, говоритъ, этаго невозможно...

Новоссельскій (*подбѣгаетъ къ нему и даетъ плюху*).

А! ты словъ не понимаешъ!!!..

Демьянъ (*начиная рыдать*).

Покорнѣйше благодаримъ Валеріанъ Петровичъ!... Очинно васъ, чувствительно, покорнѣйше благодаримъ!... Больше, значитъ, не заслужили за то.... что по гробъ своей жизни, надъ барскимъ добромъ, какъ песъ какой, проклятый, трясся..... На — какъ! — въ щеку!... Пускай, молъ, теперь Алешка тѣшится, и такъ ужъ онъ говоритъ: господа у васъ всѣ зубы повышибали.... Меня покойный папенька вашъ, генералъ, и тотъ разъ всего ударилъ, такъ за дѣло... трубку непрочистивши подалъ.... Покорнѣйше васъ благодаримъ... больше, значитъ, не стоимъ, за то, что, можно сказать, на рукахъ своихъ вынянчили... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI-е.

Новосельскій (одинъ).

Новосельскій (*все время ходившій по сценѣ*).

Чортъ знаетъ, что такое! Нѣтъ, у этихъ людей способность бѣсить!... Заставятъ гадость сдѣлать!...

ЯВЛЕНІЕ VII-е.

Новосельскій и Алексѣй.

Алексѣй (*таинственно*).

Къ вамъ-съ одна госпожа пріѣхали, въ столовой дожидаются, а меня изволили послать-съ узнать: одни ли вы-съ. Ступайте, говорятъ, будьте пожалуйста такъ воспитаны....

Новосельскій. (*хохочетъ*).

Будьте воспитаны! Да кто же, ты не знаешъ?...

Алексѣй (*скромно*).

Быть можетъ-съ я и знаю, но только я знать этаго не долженъ, потому-съ они желаютъ сохранить таинственность.... Подъ вуалью-съ.... Прикажете проводить?...

Новосельскій.

А!.. Постой: гдѣ Любовь Павловна?

Алексѣй.

У себя-съ.

Новосельскій.

Не знаешъ, что дѣлаетъ?

Алексѣй.

Горничная дѣвушка сказывала; щенятъ моютъ.... (*фыркая*). И щенята-то, полагать надо, не въ своемъ видѣ.... паршивые-съ...

Новосельскій.

Хорошо, ступай! Я самъ пойду въ столовую.

Алексѣй.

Слушаю-съ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII-е.

(*Новосельскій стоитъ нѣкоторое время въ раздумьи и потомъ, когда поднимаетъ голову, видитъ на порогѣ боронессу Дахъ-Реденъ, съ опущенною вуалью*).

ЯВЛЕНІЕ IX-е.

Новосельскій и Дахъ-Реденъ.

Дахъ-Реденъ (*входя быстро откидываетъ воаль и хохочетъ*).

Боже мой, какая я школьница! Какъ я дурачусь!... Вы одни?...

Новосельскій (*идя быстро къ ней на встрѣчу и потомъ, цѣлуя ея руки*).

Одинъ.... одинъ.... совершенно одинъ...

(*Дахъ-Реденъ помѣщается на маленькомъ диванчикѣ, Новосельскій садится около ея ногъ на скамейкѣ*).

Дахъ-Реденъ (*весело*).

Вы знаете, почему я сегодня окружила себя такою таинственностью? Я не хотѣла, чтобъ она знала, а то я бы не побоялась.... Все это такая рутина!...

Новосельскій (*смотря ей въ глаза и цѣлуя ея руки*).

Боже мой, какъ вы обворожительны! Какъ я люблю васъ!...

Дахъ-Реденъ (*граціозно кокетничая*).

Любите?... Противный!... (*Вырывая руку*). Не смѣйте нѣжничать! Я пріѣхала съ вами ссориться.... да! ссориться!... (*Наморщивая брови*). Послушайте! скоро ли вы разстанетесь съ вашей невинной пастушкой? Слышите ли? Я не хочу, не хочу, и не хочу, чтобъ она была здѣсь!...

Новосельскій.

Я разстанусь съ нею, но дайте же мнѣ время....

Дахъ-Реденъ (*капризничая*).

А я хочу сейчасъ.... сію минуту!... Вамъ уши надо нарвать! Ахъ, сколько въ васъ еще рутины! Я за тѣмъ и пріѣхала.... Сейчасъ, или никогда!...

Новосельскій (*озадаченный*).

Но, какъ же сейчасъ? Ни она, ни я не приготовлены....

Дахъ-Реденъ.

И прекрасно! Вы, мущины—варвары!... Я всегда говорю: мужчины варвары! Вамъ ничего не стоитъ сказать женщинѣ: «я разлюбилъ васъ!» И въ самомъ дѣлѣ, что тутъ мудренаго? Всего три слова... Ахъ, все это такіе пустяки, такая рутина!... (*какъ бы спохва-*

тясь). Знаете какъ мы сдѣлаемъ? Вы пошлите за нею, а я пойду въ смежную комнату.... Не правда-ли, какъ я великолѣпно придумала?.. Такимъ образомъ, я ее увижу и оцѣню вашъ вкусъ.... Ахъ, какъ это интересно! Посмотримъ на вашу угнетенную невинность!

Новосельскій.

Молю васъ, дайте мнѣ три дня сроку!...

Дахъ-Реденъ (*топая ногою*).

Ни одной минуты, или я васъ прогоню!... Ахъ, его совсемъ заѣла рутина!...

Новосельскій.

Извольте, я принесу вамъ эту жертву,... все равно... ни сегодня, такъ завтра пришлось бы кончить... Меня бѣсятъ эти вѣчныя слезы, вѣчныя требованія! Сама виновата.... на себя и пеняй!...

Дахъ-Реденъ (*вставая*).

Я пойду въ ту комнату... Смотрите-же: не будьте ребенкомъ и, главное, не давайте надъ собою волѣ рутинѣ!... (*Быстро уходитъ въ дверь на право*).

ЯВЛЕНІЕ X-е.

(*Новосельскій въ волненіи ходитъ по сценѣ и звонитъ человѣка. Изъ другой комнаты слышенъ голосъ Дахъ-Реденъ: «Не забудьте ее посадить такъ, чтобы я могла ее видѣть»..*).

ЯВЛЕНІЕ XI-е.

Новосельскій и Алексѣй.

Алексѣй (*входя*).

Вы меня изволили требовать...

Новосельскій.

Да.... Попроси ко мнѣ Любовь Павловну!...

Алексѣй.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII-е.

(*Новосельскій продолжаетъ въ волненіи ходить по сценѣ, за дверями слышенъ голосъ баронессы: «Если она будетъ плакать, не обращайте вниманія.... Мы женщины всегда плачемъ, это наша обыкновенная хитрость.... помните, что женскія слезы тоже рутина!...»*).

ЯВЛЕНІЕ XIII-е.

Новосельскій и Любовь Павловна.

Любовь Павловна (*выходитъ изъ дверей на лѣво, повязанная бѣлымъ передникомъ и съ засученными рукавчиками. Шутливо*).

Ты оторвалъ меня отъ дѣла, Валерій!... Что тебѣ нужно, голубчикъ?

Новосельскій (*сквозь зубы*).

Удивительное дѣло!... щенятъ мыть....

Любовь Павловна (*робко и тихо*).

Другаго еще нѣтъ пока....

Новосельскій (*продолжая ходить*).

Сядьте.... и выслушайте меня совершенно спокойно....

Любовь Павловна (*въ испугѣ*).

Вы?... выслушайте?... Что же это значитъ, Валерій?... Не говори такъ!... Если я въ чемъ виновата, такъ прости меня, Валерій!... (*Наивно*). Только что же? Я, кажется, ничего не сдѣлала....

Новосельскій (*искуственно зля себя*).

Не въ мѣстоименіяхъ дѣло! (*Продолжая ходить, говоритъ, немного помолчавъ, очевидно рисуясь*). Вы, кажется, достаточно знаете мои убѣжденія, такъ что мнѣ распространяться о нихъ нечего. (*Заслушивается самъ себя*). Убѣжденія эти таковы, что я никогда не позволилъ бы себѣ принадлежать сразу двумъ женщинамъ; одной изъ нихъ, я бы сказалъ честно и прямо: я разлюбилъ васъ! (*Любинька блѣднѣя поднимаетъ на него глаза, опущенные книзу, хочетъ что-то сказать, но давится словами, а въ лицѣ замѣтно конвульсивное движеніе мускуловъ*). Для этаго то, какъ мнѣ ни тяжело, я и просилъ васъ сюда... (*Стараясь на нее не глядѣть*). Я не хотѣлъ, чтобъ въ наши отношненія

входила ложь; я не стану даже разбирать причинъ, почему угасла любовь моя. Всю вину я самъ добровольно беру на себя. (*Дѣлая надъ собою усиліе, начинаетъ говорить скорѣе*). Я люблю другую женщину:—намъ нужно разстаться... Разстанемся-же дорбыми друзьями, безъ взаимныхъ упрековъ и слезъ...конечно, въ память прежняго, вы позволите мнѣ взять на себя заботы на первое время.... (*при этихъ словахъ онъ поднимаетъ голову и видитъ, что Любинька опять хочетъ что то сказать, но не можетъ, и судорожно хватаясь за лѣвый бокъ рукою, какъ подкошенная, падаетъ на полъ. Валеріанъ Петровичъ суетливо бросается къ ней, несетъ ее на диванъ и становится надъ нею испуганный*).

ЯВЛЕНІЕ XIV-е.

Тѣже и баронесса Дахъ-Реденъ.

Дахъ-Реденъ (*выходя изъ дверей въ полголоса*).

Laissez la en rêpos! Sa femme de chembre, pour le moment, lui est plus necessaire, que vous.

Новосельскій.

Но она можетъ умереть!..

Дахъ-Реденъ.

Quel enfant! Croyez qu'iln'ya, que nous autres femmes, qui puissions apprecier nos évanouissementsà leur juste valeur.

Новосельскій.

Но я все таки боюсь...

Дахъ-Реденъ *(топая ногой)*.

Je vous ordonne de me suivre! Prenez votre chapeau!

(Новосельскій медленно отходитъ, беретъ съ маленькаго столика шляпу, идетъ къ выходу, на половинѣ дорогѣ останавливается и потомъ продолжаетъ идти, махнувъ рукою).

Дахъ-Реденъ *(выходя)*.

Противный! А вы все таки не посадили ее на стулъ, такъ что я почти ничего не видѣла!

ЯВЛЕНІЕ XV-е.

Любовь Павловна и Демьянъ

Демьянъ *(выходя)*.

Вишъ какъ расходился сегодня—рветъ и мечетъ! метреску по боку, стараго слугу въ щеку:—закуси, молъ, Демьянъ Иванычъ, если не ужиналъ! знай нашихъ! Весь въ покойную мамашу свою вышелъ! такой злющій: та тоже, бывало, дворовыхъ дѣвокъ колотитъ, колотитъ, да до того доколотитъ, что руки то отобьетъ, да потомъ со злости-то сама на полу, какъ кобыла какая, прости меня Господи, и растняется... *(наливаетъ стаканъ подходитъ къ Любовь Павловнѣ)* спрыснуть бы надо, да пожалуй въ обиду вломится... А спрыснуть бы

ничего!—освѣженіе-бы было!.. Мадамъ, а мадамъ! выпейте-ка водицы—легче будетъ! Намъ сегодня обоимъ попало!.. дай вамъ Богъ много лѣтъ здравствовать, Валеріанъ Петровичъ, если вы Демьяновой услуги не помните, какъ мы отъ покойнаго генерала—папеньки вашего, пьянаго васъ не разъ хоронили... Пускай теперь Алешка служитъ!.. Алешка образованный... Третьяго дня запонки-то сперъ — вишъ портнихъ своихъ надо было куда то къ черту вести... И мою Наташку, подлый человѣкъ этакой, шлятся по безпутнымъ мѣстамъ, подбиваетъ... Что вы, говоритъ, тятеньку слушаитесь! Вы, говоритъ, къ образованности себя пріучайте! хорошо! намедня къ теткѣ отпросилась, а сама куда-то къ черту на куличьки, плясать поѣхала. Я тебѣ попляшу! Я не посмотрю, что ты у меня дѣвка на возрастѣ; я тебѣ карнолинъ-то твой проклятый сниму! (*смотритъ на Любиньку*). Что-жъ она воды не пьетъ и вставать не встаетъ! Наша генеральша, такъ та, какъ бывало съ генераломъ повздоритъ, тоже объ полъ такъ и брякнется!.. И ловка же была—никогда не зашибется! На все тоже наука нужна!.. Сама лежитъ а однимъ глазкомъ смотритъ: когда, значитъ генералъ уйдетъ?.. Тоже дѣло свое туго знала... (*Любинька просыпается; тупо смотритъ на Демьяна и кладетъ голову на руки*). Выпійте-ка съ Богомъ водицы! мнѣ сегодня тоже попало: праздника-то въ четвергъ дождался... (*подаетъ ей воду,—та пьетъ и опять погружается въ безчувственное состояніе. Демьянъ садится около нея на стулъ*). Вы очень то не убивайтесь! Я вамъ правду

скажу: въ насъ тоже пути мало! я ужъ этихъ предметовъ-то Валеріанъ Петровича на своемъ вѣку насмотрѣлся! Онъ у насъ и до горнишныхъ дѣвокъ падокъ былъ, да только папенька воли не давали, а генеральшино это первое удовольствіе было.... Родители то, у васъ есть? (*Любинька смотритъ на него, но какъ будто не понимаетъ въ чемъ дѣло*). Родители-то, спрашиваю, есть?

Любовь Павловна.

Отецъ... одинъ...

Демьянъ (*качая головой*).

Матери-то нѣту—дѣло сиротское! А отецъ-то, полагать надо, изъ судейскихъ.... изъ чиновниковъ? (*Любинька смотритъ на него, но молчитъ*). Изъ чиновниковъ, говорю я, отецъ то?

Любовь Павловна

Нѣтъ.... помѣщикъ....

Демьянъ (*вставая въ изумленіи*).

Помѣщикъ?.. Изъ дворянъ, значитъ!... Вы меня ужъ барышня извините, что я, старый дуракъ, разсѣлся передъ вами!... А я думаль изъ чиновниковъ.... Вѣдь вишъ ты Алешка, каторжная душа, и не сказалъ ничего!... Не ваше, говоритъ дѣло откуда привезли.... на дорогѣ, говоритъ, нашли.... рыло собачье!... И нашъ Валеріанъ Петровичъ хорошъ—нечего сказать! На смирныхъ людей попалъ—моли Бога! а другіе бы по

начальству пошли, такъ они-бы тебѣ очки то втерли— вѣкъ-бы не забыть! И гдѣ это, у этакихъ господъ совѣсть? Ну, какъ же теперь если по человѣчеству разсудить: какъ имъ значитъ быть теперь? Куда они дѣнутся въ этакомъ городѣ? А вѣдь у насъ на этотъ счетъ какой городъ?—Подлецъ городъ, одно слово—подлецъ.... Ужъ на что мое дѣло лакейское, а и то я свою Наташку за вороты пустить боюсь, потому разтрѣплютъ, налетятъ какъ вороны на падалину... Да еше и безъ пачпорта! Куды тутъ пойдешъ? Ни куды ровно не пойдешъ. Ни на мѣсто тебѣ поступить нельзя, ни въ больницу лечъ, коли захвораешъ—ничего! А какъ ежели посадятъ да въ губернію къ отцу препроводятъ, вѣдь въ душу то челввѣку не влезешъ: какой онъ есть человѣкъ? можетъ онъ и шляющій есть человѣкъ? такъ тогда отецъ-то живой въ гробъ ложись! (*Помолчавъ*) Вы вотъ что барышня послушайте моего совѣта лакейскаго, дурацкаго: напишите вы папенькѣ письмо:—родительское то сердце не камень! что, молъ, такъ и такъ, по младости лѣтъ своихъ, бывъ смущена, а теперь къ стопамъ вашимъ припадаю и слезно прошу прощенія.... Ну, а я вамъ тутъ комнатку въ домѣ пріищу... ужъ пускай старшій дворникъ какъ хочетъ... не пропадать, въ самомъ дѣлѣ, человѣку? У него тоже душа то поди, чай, есть... Ай да, Валеріанъ Петровичъ! Учили тебя, учили, чуть всю вотчину не проучили, а черту баранъ и вышелъ! Такой же путный и вышелъ, какъ Алешка твой!...

(*Занавѣсъ опускается*).

—

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Сцена представляетъ комнату **Любовь Павловны** въ домѣ **Шарлоты Карловны Шварцъ**. Комната убрана хорошо и со вкусомъ. При поднятіи занавѣса, **Любовь Павловна** сидитъ на маленькомъ диванчикѣ, закрывъ глаза руками и плачетъ. Около нее сидитъ на стулѣ, **Наташа** то же прослезившись).

ЯВЛЕНІЕ I.

Наташа.

Ну вотъ, барышня, опять расплакались! я этакъ и разсказывать не стану! Правду Кузьма Ивановичъ говорилъ: не смѣй, говоритъ, ничего разсказывать Любовь Павловнѣ!... А я думала: какъ же не разсказать? Ужъ, извѣстно, наше дѣло такое — женское, и не хочешь, иной разъ, да разскажишъ! Точно, прости Господи,—за языкъ тебя кто тянетъ!

Любовь Павловна (*вспыхивая*).

Нѣтъ, Наташа, нѣтъ голубушка, разсказывай!.. Я и сама уже давно догадывалась....

Наташа.

Какъ уѣхали-то вы,—ужъ и я въ правду тогда перетрусила!—сперва они оченно испужались! Ну, тутъ Кузьма Иванычъ лечили ихъ, ну и ничего,—стало проходить, только правая рука недѣйствовала, да языкъ все какъ словно запутывался (*Любинька рыдаетъ*).... чтожъ барышня? воля ваша, а только я замолчу!

Любовь Павловна (*рыдая*).

Нѣтъ... нѣтъ говори....

Наташа.

Уже не воротишъ, барышня! Вѣдь и то сказать, и годы то ихъ ужъ были не маленькіе! И какой у нихъ характеръ сталъ — словно какъ у ребенка малаго!... Прежде добры были, а ужъ тутъ такъ стали добры, такъ добры,—сказать нельзя! Я да Кузьма Иванычъ за ними и ходили. Обѣдать сядутъ, я имъ салфетку подвяжу... Васѣ подвяжу салфеточку и имъ, чтобъ ни облились, а то они, иной разъ, супъ кушаютъ, да на ваше мѣсто взглянутъ, а ваше мѣсто накрывать они всегда велѣли,—и заплачутъ, и заплачутъ... ложку-то и опустятъ... (*Любинька тихо плачетъ*). А тутъ ужъ, какъ почувствовали они, что христіанской, значитъ, душенькѣ конецъ приходитъ, сдѣлали все распоряженіе, какъ слѣдуетъ быть, Кузьму Иваныча прикащикомъ што-ли по себѣ оставили. За батюшкой послали и насъ собрали. Вася то очень плакалъ—унять не могли, да и дворовые-то то же... А ужъ передъ самымъ-то кон-

цомъ (*всхлипываетъ; Любовь Павловна рыдаетъ*) меня рукой и машутъ... и машутъ... Подошла я... взяли они меня за платье... держутъ... смотрятъ на меня, а слезыньки то такъ и катятся, и катятся.... Вижу я, что имъ хочется что-то въ толкъ взять... не могу, а они, то на меня, то на платье смотрятъ... Кузьма Иванычъ побѣжалъ, да и несетъ ваше бѣленькое платьице, что мы къ причастью то шили.... я тогда съ вами и шила... да и положилъ къ нему, и такъ онъ это на него жалостно посмотрѣлъ, такъ жалостно, да и началъ цѣловать его... глядитъ.... Такъ и кончился! И тихо онъ кончился! дай Богъ каждому (*помолчавъ и переставая плакать*). Похоронили, какъ быть должно— Кузьма Иванычъ и распоряжался. Потомъ надо ему было въ Петербургъ ѣхать, онъ и Васю взялъ съ собой. Вася-то все сердился на васъ, барышня... Вѣдь маленькій, а понимаетъ... Я, говоритъ, ей покажу (*смѣясь сквозь слезы*)! Зачѣмъ, говоритъ, папку обидили!

Любовь Павловна (*плача*).

Голубчикъ мой.... родной мой!

Наташа.

И я отпросилась съ нимъ... Васъ-то ужъ очень повидать хотѣлось! Потомъ про васъ ужъ разузналъ Кузьма Иванычъ, да и послалъ меня къ вамъ съ письмомъ... Добро! бѣжать мнѣ! Отвѣта-то отъ васъ онъ поди ждетъ шибко... (*улыбаясь*) онъ вѣдь на квартирѣ

то и ждать не остался, проводилъ меня до подъѣзда; да и теперь, я думаю, тутъ подъ окнами ходитъ...

Любовь Павловна.

Отдай же ему, голубушка, мою записку и скажи, что я жду его.

Наташа.

Прощайте барышня! побѣгу! (*встаетъ и уходитъ на лѣво*)!

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Любовь Павловна и Марья Петровна.

Марья Петровна (*выходитъ*).

Вотъ, Любовь Павловна, и простимся мы съ вами скоро,—дай Богъ счастья! А ужъ я опять одна останусь...

Любовь Павловна.

Что вы какъ будто скучаете? Мы вѣдь, будемъ видѣться съ вами?

Марья Петровна (*смотря въ сторону*).

Нѣтъ, не нужно вамъ видѣться со мною, Любовь Павловна...

Любовь Павловна (*изумленно*).

Какъ не нужно?

Марья Петровна (*смотря внизъ*).

Такъ... не нужно (*въ голосѣ ея слышны слезы*)...

Любовь Павловна.

Да что вы такія странныя сегодня? Вамъ можетъ быть не хорошо жить у Шарлоты Карловны, такъ вы бы переѣхали? Впрочемъ, она хоть глупинькая, но кажется, добрая...

Марья Петровна.

Да... когда спитъ,—не кусается... добрая, но только не глупинькая.... я вотъ, дѣйствительно, была глупинькая... Ну что-жъ? дураковъ и въ церкви бьютъ...

Любовь Павловна.

У васъ есть горе какое-то? (*кладя ей руки на плечи*) Милая Марья Петровна! разскажите мнѣ его! Ей Богу, я сдѣлаю все, что могу! Я попрошу Кузьму Ивановича помочь мнѣ... А вы еще не знаете, какой это человѣкъ...

Марья Петровна (*удерживая слезы*).

Нѣтъ! моему горю никто не поможетъ! Развѣ Богъ приберетъ, такъ поможетъ... (*разсѣянно гладя платье*) Было да прошло... я вамъ лучше разскажу новость прежде бы не разсказала, а теперь можно... черезъ нѣсколько часовъ вы уѣдите...

Любовь Павловна.

Да разскажите прежде про горе ваше?

Марья Петровна.

Послѣ... когда нибудь... Сегодня у Шарлоты Кар-

ловны былъ тотъ баринъ, который васъ привезъ сюда; Г-нъ Новосельскій, кажется...Сперва я его ненавидѣла, но сегодня, подслушавши его разговоръ съ Шарлотою Карловною, я чуть не кинулась подать ему пальто когда онъ выходилъ отъ насъ... (*закрывая глаза руками*). Ахъ, зачѣмъ не всѣ такіе! Зачѣмъ когда ихъ молишъ, въ ногахъ у нихъ валяешься ничего не помогаетъ, ничего!

Любовь Павловна.

Боже мой, да что съ вами?

Марья Петровна.

Такъ... вспомнила... какъ онъ говорилъ съ нею! Я думала, что онъ ногами роздавитъ ее... Тихо говорилъ, послушать страшно... шляпа такъ и дрожитъ въ рукѣ. Когда онъ сказалъ ей: я съ вами распоряжусь;— такъ она такъ и присѣла... Да, его тоже обманули.... какой то пріятель въ клубѣ. На свой аршинъ должно быть смѣрялъ... Видно эти господа честнаго покровительства обиженной женщинѣ и непонимаютъ....

Любовь Павловна.

Да и я тоже ничего не понимаю. За что онъ распорядится съ нею?...

Марья Петровна (*заглядывая въ дверь направо*).

Постойте... она сама сюда идетъ... я уйду... ноги вамъ лизать будетъ... уйду (*встаетъ и быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III-е.

Любовь Павловна и **Шарлота Карловна.**

Шарлота Карловна (*полная нѣмка, богато одѣтая, руки унизаны браслетами и кольцами*).

Gut Morgen meine liebste Люпофъ Пафлофна! я не буту пришинять вамъ безпокоиствъ Wie befinden sie sich?

Любовь Павловна.

Благодарю васъ.... голова болитъ што-то...

Шарлота Карловна.

Ахъ это не карашо, не карашо! За чѣмъ! такой молодой прекрасный дѣвицъ—и хварайтъ! О, я сейшасъ буду помогайтъ, я буду приноситъ капли.... У миня всегда для молодой дѣвицъ есть капли, это сейшасъ будетъ проходйть!

Любовь Павловна.

Не безпокойтесь, теперь мнѣ легче....

Шарлота Карловна.

Фуй! какой безпокойствъ: ни какая! Я всегда ради для фасъ, услюживайтъ: я гофорю г. Новосельскому, фашему родственникъ: я никогда не фидалъ такой скромный, благонраврый дѣвицъ. Я сама ошень не люблю такой бойкой дѣвицъ, какъ улишная мальшишка... Фуй, какъ не карошо, не карашо! Мине всегда жалко когда

я фижу, што малодой дѣвицъ, самъ себе теряетъ... я всегда стараюсь поддерживайть такой дѣвицъ! О я ошень многихъ поддерживайтъ! (*Утирая глаза*) Богъ велѣль намъ всѣмъ помогайть своимъ блишнимъ (*въ передней слышенъ звонокъ*). Ахъ, кто то прiѣхайтъ! Я буду минуту уходить (*уходитъ*).

ЯВЛЕНIЕ IV-е.

Любовь Павловна и Марья Петровна.

Марья Петровна (*вбѣгая*).

Любовь Павловна, г. Новосельскiй опять прiѣхалъ, что то будетъ? — онъ къ вамъ идетъ.

Любовь Павловна (*спокойно*).

Чему же быть, Марья Петровна? Ничего не будетъ!

Марья Петровна.

А мнѣ весело сдѣлалось, какъ я его увидѣла... точно надежда блеснула.... Дай то Господи! (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНIЕ V-е.

Любовь Павловна и Владимiръ Александровичъ.

Владимiръ Александровичъ (*подходя, подаетъ ей руку, кладетъ шляпу около стула и садится; онъ блѣденъ и серьезенъ; съ мягкимъ отпечаткомъ; грустно*).

Добрый день! Я не обезпокою васъ...

Любовь Павловна.

Когда же вы безпокоите меня?

Владимiръ Александровичъ.

Прежде всего, я долженъ попросить у васъ прощенiя, что позволилъ себѣ не спросясь, распорядиться вашей свободой *(улыбаясь)*. Прощаете! Я понадѣялся, зная, что вы ничего больше и не умѣете дѣлать, какъ прощать....

Любовь Павловна.

Разскажите, что такое?

Владимiръ Александровичъ.

Дѣло въ томъ, что сюда, какъ я вамъ, кажется, и говорилъ, я перевезъ васъ на время. Теперь мнѣ удалось устроить для васъ отдѣльное гнѣздышко и вамъ остается (*шутливо*) только перепорхнуть въ него.

Любовь Павловна.

Благодарю васъ, но обстоятельства перемѣнились; сегодня я получила извѣстiе (*голосъ ея дрожитъ*) о смерти отца.... онъ умерь давно уже, но отъ меня скрывали...

Владимiръ Александровичъ.

Глубоко уважаю ваше горе.... (*оба молчатъ*) это извѣстiе измѣнило и мои планы... я думалъ, разузнавъ, предварительно, ѣхать вмѣстѣ съ вами къ отцу и примирить его съ вами, но теперь вы остались одни.... Вы свободны располагать собою.... (*помолчавъ*) Я попрошу

васъ выслушать меня съ вашею обыкновенною снисходительностью. Можетъ быть вамъ покажется не совсѣмъ деликатнымъ, въ первый день вашего траура, то, что я сейчасъ намѣренъ сказать; но я все таки рѣшаюсь;—обстоятельства, въ которыхъ мы находимся оба, слишкомъ исключительны: вашу впечатлительную натуру не можетъ не мучить то фальшивое положеніе, въ которомъ вы находитесь къ обществу. Меня тоже мучитъ неизвѣстность. Лучше сразу выслушать приприговоръ, чѣмъ ждать его, ждать безъ конца. (*Въ смущеніи*). Не смотря на то, что я давно бы уже долженъ былъ пережить возрастъ сердечныхъ волненій—я еще не переживалъ его. Въ первой молодости любовь прошла мимо меня, какъ будто меня нѣтъ и на свѣтѣ. Брошенный въ общество, гдѣ вмѣсто женщинъ мнѣ пришлось встрѣчаться съ одной стороны, съ танцующими и поющими куклами, а съ другой съ продажными существами, развѣшивающими свои привязанности по фунтамъ, какъ развѣшиваютъ сахаръ въ мелочной лавкѣ... Я, сразу отнесся къ нимъ съ презрѣніемъ и съ этой позиціи не сходилъ двадцать лѣтъ,—не сходилъ до встрѣчи съ вами. На васъ, на первыхъ еще, оборвалась и моя злость, и моя насмѣшливость. Я понялъ ясно, что въ васъ нѣтъ ни одной черты, на которую бы можно злиться, нѣтъ ни одной черты, надъ которою бы я сталъ смѣяться. Немудрено, что не смотря на то, что насъ раздѣляютъ слишкомъ двадцать лѣтъ, я.... (*глухо*) полюбилъ васъ моею первою и послѣднею любовью. Въ мои годы любить тяжело! Весь вѣкъ почти прошелъ въ напрасныхъ поискахъ... съ посѣдѣвшими волосами роб-

ко подходишъ къ той, которую любишъ... На каждомъ шагу отъ страху подкашиваются ноги.... Что, думаешъ, если твой поздній восторгъ только испугаетъ ее или... самое большое, она почувствуетъ простую жалость вмѣсто любви.... Когда я мучился надъ этимъ вопросомъ во мнѣ мелькнулъ лучь надежды.... Вы, думалось мнѣ, не похожи на другихъ женщинъ. Вы, прежде всего, въ человѣкѣ ищите человѣка, способнаго помочь вамъ устроить для себя разумную жизнь, безъ который вы задохнетесь, какъ птица безъ воздуха. Способенъ ли ты дать ей эту жизнь? Спрашивалъ я самъ себя и рѣшилъ вопросъ въ свою пользу. Я не принесъ, къ вашимъ ногамъ молодости, но принесъ страстную и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительную привязанность и опытъ жизни. Теперь я спрашиваю васъ честная и умная дѣвушка, довольно ли для васъ этаго, чтобы дать мнѣ довѣрчиво, руку но дать не такъ, какъ у васъ ее вырвалъ низкимъ обманомъ, когда то другой, но дать торжественно, предъ лицомъ всего общества, подъ покровомъ всемогущаго Бога!... Казните и милуйте, все въ вашихъ рукахъ....

Любовь Павловна (*въ испугѣ*).

Боже мой, что мнѣ дѣлать! что же мнѣ дѣлать! за что я заставлю страдать васъ. Я другому уже отдала свою руку... сегодня жду его....

Владиміръ Александровичъ (*падаетъ передъ нею на колѣни съ помутившимися глазами, говоритъ прерывающимъ голосомъ*).

Нѣтъ! этаго не можетъ быть! вы не знаете какъ я

люблю васъ! Вѣдь у меня больше нѣтъ надеждъ.... ждать ужъ мнѣ нечего и некого. Васъ потерять все потерять.... (*судорожно обнимая колѣни*). Пожалѣйте же... пожалѣйте меня... посмотрите! меня бьетъ всего.... я не могу заплакать отъ горя какъ вы плачете, но мнѣ хуже.... меня душитъ.... задыхаюсь я.... (*цѣлуетъ ея колѣни*).

Любовь Павловна. (*встаетъ испуганная, онъ волочится за нею*).

Оставьте меня.... мнѣ жалко васъ, но что же я могу сдѣлать?..

Владиміръ Александровичъ. (*привстаетъ съ колѣнъ, смотритъ, какъ бы не помнитъ себя и потомъ бросается на нею, обнимая и цѣлуя ее*).

Нѣтъ... не могу... силы не выдерживаютъ... хоть нѣсколько минутъ счастья!...

Любовь Павловна (*вырывается и съ обыкновенной энергіею и бѣжитъ къ окну*).

Помогите! помогите! (*отбѣгаетъ въ уголъ дрожа, за дверями слышенъ стукъ*).

Владиміръ Александровичъ (*стоитъ, держась за голову и вздрагивая*).

Опять татаринъ проснулся... Кровь услышалъ, видно и годы не убили (*дѣлая надъ собою усиліе оборачивается къ ней*). Простите! не презирайте меня! Это

была мгновенная вспышка... дань прошлому... теперь все потухло.

Любовь Павловна (*дрожа*).

Богъ съ вами... я только испугалась, я не презираю васъ... мнѣ васъ жалко... простите и меня!

Владимiръ Александровичъ (*хватаясь за голову и заглушая рыданья*).

Проситъ прощенья за то, что я оскорбилъ въ ней женщину, кинулся на нее, какъ звѣрь дикiй! Я завтра же ѣду, но я сохраню не объ васъ одной благоговѣйное воспоминанiе, а объ русской женщинѣ, которую меня выучили презирать еще мальчишкой. Я знаю, что и тамъ я найду дивныхъ женщинъ, но этой простоты евангельской, этой любви воспрещающей—я тамъ не найду (*стукъ въ дверяхъ усиливается*).

ЯВЛЕНIЕ VI-е.

Тѣже и Марья Петровна.

Марья Петровна, (*вбѣгаетъ въ попыхахъ и видя, что Владимiръ Александровичъ направляется къ выходу, говоритъ*).

Владимiръ Александровичъ погодите! я перенесла... ваше пальто... пожалуйте сюда!.. туда не ходите... пожалуйте за мною!.. (*Владимiръ Александровичъ растерянно смотритъ на нее и машинально повинуется, она ведетъ его въ дверь на право*).

*

Владимiръ Александровичъ (*подходитъ къ дверямъ и оборачивается, смотря на Любиньку, продолжающую испуганно стоять въ углу*).

Мнѣ хочется запомнить васъ... какъ вы теперь стоите (*смотритъ на нее и потомъ быстро проходитъ въ дверь вмѣстѣ съ Марьей Петровной*).

ЯВЛЕНIЕ VII-е.

Любовь Павловна и Новоникольскiй.

Новоникольскiй. (*вбѣгая, и видя Любиньку бросается къ ней*).

Родная моя, что онп съ вами дѣлаютъ!..

Любовь Павловна (*дѣлаетъ на встрѣчу, шатаясь, нѣсколько шаговъ и истерически рыдая падаетъ на руки*).

Я... убила... отца... Богъ наказываетъ...

Новоникольскiй.

Господи! что же это такое!...

ЯВЛЕНIЕ VIII-е.

Тѣже и Марья Петровна.

Марья Петровна (*подбѣгая и поддерживая ее*).

Поведемте въ ту комнату... Пускай отдохнетъ... ее

все утро мучили, но вы не бойтесь... все обошлось! (*ведутъ ее на лѣво*).

ЯВЛЕНІЕ IX-е.

Лакей г-жи Шварцъ.

Лакей (***выходя изъ тѣхъ же дверей, въ которыя вошелъ Новоникольскій***).

Чортъ ихъ побирай и съ доходами! Всю жизнь свою по хорошимъ господамъ живши въ эдакую подлость попалъ! Вчера пьяный князь палашемъ огрѣлъ, да сегодня этотъ ошалѣлый чуть не задавилъ—что же я то? собака что-ли? Да и собаку-то нынче не съ разу ударь! Ну постой же мадамъ, я тебя приберу къ рукамъ! Я тебя какъ въ полицію стащу, такъ скажешъ, гдѣ была, гдѣ кофій пила, гдѣ ночевала! Тамъ тебѣ пукли то нѣмецкія растрясутъ! Вишъ ты перецъ какой! Заграницей дымъ на фунты развѣшивала, а сюда пріѣхала людскую кровь сосать. Я тебѣ пропишу ижицу съ фертомъ! Мнѣ не на него зло беретъ! По человѣчеству разсудить надо. Конечно, человѣкъ тоже съ перепугу... можетъ сестра или кто нибудь, хоть-бы и на меня пришлось: бей куды ни попало! Ну, а ужъ тебя то я теперь захочу солью насолю, а захочу такъ съ масломъ съѣмъ. Все хотѣла графскаго человѣка имѣть, такъ я тебѣ покажу каковы мы графскіе то лакеи. Я вѣдь не какой нибудь! не Алешка Уксусовъ! я тебя проберу... къ смольному затылкомъ не ѣздила, такъ я тебя прокачу!..

ЯВЛЕНІЕ X-е.

Лакей г-жи Шварцъ.

Шварцъ (*вбѣгая изъ двери на право*).

Зачѣмъ ты его пускалъ?

Лакей (*солидно вынимая платокъ изъ кармана*).

А ты бы свое мурло-то нѣмецкое подставила, такъ онъ бы его тебѣ починилъ.

Шварцъ.

Што? мурло? какъ ты смѣешъ дюракъ такъ отвѣчать?

Лакей.

Сама дура. Не великъ чинъ—дворянка-то липовая! Расчетъ давай, да накинь салопчикъ къ частному приставу сходимъ или, можетъ быть, не далеко? — такъ добѣжишъ?

Шварцъ.

О, онъ совсѣмъ сходилъ съ ума.

Лакей.

Прежде ты сайди—мы посмотримъ.

Шварцъ (*всплескивая руками*).

Ахъ, я сейчасъ буйду умирайть!

Лакей.

Не сдохнешъ—денегъ много накопила--жалко станетъ.

Шварцъ.

Мине дурно... дурно... поддерживайте кто нибудь.

Лакей.

Не свались—жильцовъ въ низу перепугаешъ. Жалко рогатины нѣтъ, а то я бы подперъ!

Шварцъ (*бѣжитъ къ дивану, падаетъ на него и стонетъ*).

Лакей.

Вотъ такъ..: Это умно разсудила—на диванѣ-то помягче.

Шварцъ.

Води... води!!...

Лакей (*нюхая табакъ*).

Подожди! еще водовозъ не привезъ...

(*Занавѣсъ падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

(Сцена представляетъ кабинетъ въ квартирѣ **Новоникольскаго.** Вездѣ видны слѣды работъ хозяина. Письменный столъ заваленъ книгами и бумагами. Книги лежатъ и на другихъ столахъ, а также и въ шкафу. Около письменнаго стола большое покойное кресло, съ выдвижной подушкой для ногъ, какъ будто приготовлено для больнаго. Двери на лѣво и прямо. Въ глубинѣ сцены, недалеко отъ входныхъ дверей, стоитъ **Новоникольскій**, въ домашнемъ сюртукѣ, и больной **мужикъ**, съ только что перевязанною кистью руки, плохо одѣтый. На стулѣ, около ихъ, лежитъ хирургическій наборъ, нѣсколько бинтовъ, компрессовъ и корпія).

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Новоникольскій и мужикъ.

Новоникольскій.

Какъ это съ тобою случилось?

Мужикъ.

Машиной оторвало, родимый, какъ есть машиной. Вотъ видишъ, я еще къ этому дѣлу не привыченъ... по первой зимѣ приставши... шутъ ее знаетъ, какая она!.. Все около ее, значитъ, настоящаго обращенія не

имѣешъ, ну, а ужъ она, машина-то любитъ, чтобъ около нея настоящее обращеніе имѣть: три пальца, какъ есть и отсадила.... (*Осматривая руку*). Рука-то правая, родимый человѣкъ, зарѣзъ чистый! Куда теперича пойдешъ?... Надоть ее протягивать, милостинку просить, или на братнины хлѣбы ѣхать, а ужъ, я тебѣ скажу, братнинскаго хлѣба немного наѣшъ—это вѣрно! У самаго-то у брата шестеро, малъ-мала меньше, совѣсть зазритъ! (*помолчавъ*). Вотъ теперича наши ребята говорили, что нынче, значитъ, какое-то правило есть, чтобъ съ хозяевъ взыскивать, а гдѣ оно, правило-то, Богъ его знаетъ! Люди-то мы темные, родной ты человѣкъ, вотъ горе-то наше! Пошелъ я къ хозяину-то,—нѣмецъ хозяинъ-то у насъ,—такъ и такъ, говорю, Дувартъ Карловичъ, пришелъ къ вашей милости поспросить, что, молъ, за руку-то положите?.. Научили меня наши рабочіе, потому видишъ, тутъ и его хозяйская вина есть, машина-то у нихъ, словно какъ не путная... Сказалъ я ему это, такъ онъ только закричалъ на меня: «Ты бы, говоритъ, башку, дуракъ, между валовъ всунулъ, а я стану отвѣчать!» Къ чему, говорю, башку всувать, нешто я въ безчувствіи!... «Пьянъ, говоритъ, былъ, потому и оторвало.» А чего пьянъ? Не што пьяный выйдетъ на работу? Никогда этаго не бываетъ, потому, ужъ если ты, теперича, выпилъ съ утра осьмушку, то ужъ знай, что на фабрику не пойдешъ, слабость наша такая, родной ты человѣкъ, вотъ что Такъ ужъ фатерная хозяйка и знаетъ... Что, говоритъ на работу-то не выходишъ, оглохъ што-ли?... Не слы

шишъ, что третій звонокъ прозвонилъ!... Ну и скажешъ: «что, молъ, мастеръ мой сегодня не выйдетъ», потому, извѣстно, отводъ надо сдѣлать—баба дура, что чертъ, цѣлый день шипѣть будетъ....

Новоникольскій.

Я, вотъ видишъ, самъ хорошенько не знаю вашихъ правилъ, но ты бы къ мировому судьѣ обратился....

Мужикъ.

Это къ какому же?

Новоникольскій.

Да вотъ новые суды открылись.

Мужикъ.

Такъ, это ты вѣрно сказалъ. Вотъ мнѣ и въ кабакѣ нашемъ, чиновничишка, прокуратъ такой.... на всякое начальство, говоритъ, могу правило подыскать, тоже самое говорилъ. Что-жъ?— я ему въ ту пору осьмушку купилъ, это точно.... Ступай, говоритъ, къ судьѣ праведному. Мнѣ, послѣ того, конторщикъ нашъ сказывалъ: хозяинъ, говоритъ, тебѣ, сверхъ разсчета, три рубля положилъ, по рублю, значитъ, за палецъ. Ну, только нѣтъ... по рублю-то ужъ очень обидно будетъ.

Новоникольскій.

А отъ чего тебя тотчасъ же не отправили въ больницу?

Мужикъ.

Хотѣли, да я самъ отпросился.... Боимся мы тоже ее, больницу-то.

Новоникольскій.

Напрасно, тамъ лучше, чѣмъ дома валяться....

Мужикъ.

Это точно, что лучше, ну только што и нѣтъ, оченно тамъ насъ, въ больницахъ-то, чистотой донимаютъ, ну и насчетъ пищи, скажу я тебѣ милый человѣкъ; что совсѣмъ оно, будто бы выходитъ, рабочему человѣку несподручно. Хлебово это тамъ, нѣмецкое што ли оно, песъ его знаетъ, совсѣмъ несподручно, только что значитъ, тебѣ животъ подводитъ, ну а что пользительности въ немъ нѣтъ; вотъ теперича, гдѣ солдаты лежатъ, земляки говорили нашему брату посвободнѣе, ну и на счетъ пищи складнѣе, хлебова-то этаго и не бываетъ и дохтура-то все больше русскіе, все какъ будто лобовнѣе, какъ свои-то.

Новоникольскій.

Тебѣ на этой пищѣ лежать бы не пришлось, у тебя наружная болѣзнь....

Мужикъ.

Ну нѣтъ; этого ты не говори, у насъ тоже съ фабрики-то лежалъ, палецъ болѣлъ, и получалъ онъ все какъ быть слѣдуетъ, да пошелъ трубочку покурить, скука чтобъ, значитъ, отъ сердца отвалила, а барыня

и застань,... въ слабость его и опять произвели,—такъ онъ братъ какъ вышелъ, такъ, почитай свои-то на фабрикѣ, не узнали.... вѣрно!...

Новоникольскій.

Ну, такъ поступай къ намъ въ госпиталь, я тебя въ своей палатѣ положу, а на квартирѣ лежать нельзя, я вѣдь знаю, какъ вы живете, для твоей руки, первое дѣло, чистота нужна, а у васъ грязь вездѣ, она гнить начнетъ.

Мужикъ.

Это точно, ужъ какая чистота, не говори, нѣту ее, чистоты-то.

Новоникольскій.

Ну вотъ, въ томъ-то и дѣло. Опять на счетъ перевязокъ, на квартирѣ-то пожалуй и перевязаться недадутъ?

Мужикъ

Не дадутъ! Гдѣ дать! Это ты все вѣрно говоришъ, потому народъ брезгуетъ, опасается, я вотъ и теперича утромъ-то обмывать ее на плотъ хожу.

Новоникольскій.

Ну вотъ видишъ. И тряпки то чистой не достать?

Мужикъ.

Гдѣ достать?... Потому если у хозяйки спросишъ, она дать-то дастъ, ну а только что и обругаетъ.

Новоникольскій.

Такъ завтра и ложись.

Мужикъ *(мнется)*.

Это лечь то бы ничего, только вотъ милый человѣкъ, я тебѣ опять скажу на счетъ паспорта....

Новоникольскій.

Что же?

Мужикъ.

Больничныя-то вишъ у меня не внесены, ложиться то боязно, потому съ меня по пяти рублевъ, да еще по пятнадцати копѣекъ въ мѣсяцъ спросятъ, а шутъ ее знаетъ, сколько она меня проморитъ здѣсь опять.

Новоникольскій.

А ты зачѣмъ больничныя не внесъ, вѣдь всего нѣсколько копѣекъ?

Мужикъ (*вздыхая*).

Сказано мужикъ, дуракъ онъ и есть.

Новоникольскій.

Ну это дѣло поправить можно, ты принеси мнѣ сегодня паспортъ, обдѣлаемъ.

Мужикъ.

Ну вотъ, это ты хорошо сказалъ, спасибо, хорошій ты, я вижу, человѣкъ, нашего брата, мужика жалѣешь, это братъ ничего, это тебѣ Богъ подастъ.

Новоникольскій (*понуривъ голову*).

Самъ въ курной избѣ жилъ, на мякинномъ хлѣбѣ росъ, знаю.... Ты какъ вылѣчишся, такъ мы тебѣ свидѣтельство дадимъ, а ты съ этимъ свидѣтельствомъ и пойдешъ къ мировому, понялъ?...

Мужикъ.

Это я понялъ.

Новоникольскій.

Да и спросишъ его, что тебѣ дѣлать, и можешъ ли ты получить что? Онъ скажетъ.

Мужикъ.

А сколько же ему подарить нужно? Я, милый ты человѣкъ, много не могу, потому обезденежничалъ.

Новоникольскій.

Ничего не нужно.

Мужикъ.

Ну!...

Новоникольскій.

Да, да, ничего, это ужъ ты мнѣ такъ и вѣрь. Потомъ, какъ если что съ хозяина придется получить, такъ ты можетъ придумаешъ, какой ни на есть, торговлишкой заняться, ну, а если не присудятъ, такъ мы поищемъ такой работы, гдѣ-бъ можно было и безъ этихъ пальцевъ обойтись. Понялъ?

Мужикъ.

И это понялъ.

Новоникольскій.

Такъ сегодня паспортъ и принеси, если меня дома не будетъ, женѣ отдашъ.

Мужикъ.

Что это жена то у тебя, какъ будто, хворая?

Новоникольскій (*во скрываемою грустью*).

Хворая братъ, хворая....

Мужикъ.

А что же ты ее не лѣчишъ?

Новоникольскій.

Не умѣю.

Мужикъ.

А вотъ у насъ бабы, такъ умѣютъ, на пашню грудью кладутъ, какъ навозъ возятъ, изъ земли то въ ту пору теплынь идетъ; дегтемъ тоже поятъ, ничего помогаетъ! Жалко мнѣ жену-то твою, потому ты хорошій человѣкъ, ну а супротивъ ее—нѣтъ,... это ужъ ты не обсудь, я братъ прямо.,.. Она жалостливѣе.... Ты вотъ какъ руку-то жжешь—такъ ничего, а она, словно какъ самою себя жметъ, мнѣ на нее въ ту пору болѣзно смотрѣть, рука-то шутъ съ ней! Она знаешъ ли, отъ того и хворая, что не въ себя живетъ!

Новоникольскій.

Какъ не въ себя живетъ?

Мужикъ.

Такъ, не въ себя а въ другихъ, это и у насъ по деревнѣ таки бабы бываютъ, только что рѣдко, говорятъ два сердца у нихъ, да врутъ, я думаю.... Такъ я паспортъ принесу. Прощай!...

Новониксльскій.

Прощай!...

Мужикъ (*уходитъ но возвращается*).

А ужъ денегъ теперича, я не дамъ, самъ отъ хозяина, разсчета не получалъ.

Новоникольскій.

Да мнѣ денегъ и не нужно.

Мужикъ.

Ну, это какъ не нужно, деньги, братъ всякому нужны. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Новоникольскій и Прибытковъ.

Новоникольскій (*какъ-бы боясь отвѣта*).

Ну что?... Слушалъ?...

Прибытковъ (*гладя бакенбарды*).

Слушалъ.

Новоникольскій (*робко*).

Ну что-же?

Прибытковъ.

Да что! Надо вѣдь правду говорить...

Новоникольскій (*испуганно перебивая его*).

Постой.... у меня вотъ тутъ была для тебя приготовлена сигара (*растерянно ищетъ по столу, голосъ его замѣтно дрожитъ*) старая, лежалая сигара... Не знаю гдѣ она только? куда я ее задѣвалъ? Вотъ она! Ты закури сначала, покуришъ, потомъ и разскажешъ, посовѣтуемся.

Прибытковъ (*грустно улыбаясь*).

Эхъ, Кузьма, прозванный товарищами желѣзнымъ человѣкомъ, какимъ ты ребенкомъ сталъ! А все отчего? обабился...

Новоникольскій (*оправляясь*).

Нѣтъ, какой-же ребенокъ? Чтожъ? разсказывай! (*садится на стулъ потирая руки, чтобъ скрыть волненіе, но руки замѣтно дрожатъ*) я слушаю...

Прибытковъ.

Долго, братъ, слушать непридется, разсказывать то, особенно, нечего. Я у нее нашелъ каверны на обѣихъ легкихъ и, кромѣ того, окостенѣніе сердечнаго клапана.

Новоникольскій (*голосъ его сильно дрожитъ*).

Ну, и почемъ ты тамъ узналъ, что ужъ и окостѣненіе сердечнаго клапана и каверны! Развѣ мы не оши-

баемся. Діагностика-то тоже вретъ часто... Я самъ знаю, что у нее грудь разстроена... скрывала она все... (*голосъ его начинаетъ дрожать все больше и больше*). Можно попробовать новыя средства. Вотъ, теперь, про пульвиризацію много говорятъ.... предохраняетъ легкія отъ гніенія....

Прибытковъ.

Предохранять можно только то, что есть, а не то, чего ужъ нѣту... сгнило. Эхъ ты, медикъ самъ — а какой вздоръ городитъ?

Новоникольскій (*необращая на него вниманія, растерянный*).

Вотъ мы смѣемся надъ народной медициной, а вѣдь она, какъ и наша, возникла изъ опыта. Ко мнѣ сегодня мужикъ приходилъ...

Прибытковъ (*перебивая*).

Ну, только этого не доставало! Чтожъ? пробуй что угодно, а я свой долгъ, какъ я его понимаю исполнилъ. Я сказалъ тебѣ. Лучше, когда человѣкъ знаетъ напередъ, что ему тумака хотятъ дать, — онъ, вмѣсто головы, руку подставитъ.

Новоникольскій.

Но ей я просилъ тебя не говорить.

Прибытковъ.

Ей говорить нечего — она лучше насъ съ тобой понимаетъ. Впрочемъ она у меня ничего и не спрашивала, а то, конечно, просьбы твоей я бы не исполнилъ.

Какое я имѣю право обманывать? Да и къ чему вы это — я не понимаю — въ прятки играете. Она проситъ тебѣ не говорить, если, есть, что опасное, а ты просишь ей неговорить! Клянусь тебѣ — узнай я, что мнѣ жить осталось два часа — я бы очень спокойно выкурилъ эту сигару. А сигара, дѣйствительно, славная.

Новоникольскій (*кладя голову на руку, опертую на столъ*).

Вѣрю, братъ, вѣрю, но еслибъ ты терялъ ту, которую любишъ...

Прибытковъ.

Да ужъ больше себя человѣкъ никого нелюбитъ — это аксіома. Вѣдь и ты жалѣешь ее потому, что она тебѣ дорога.

Новоникольскій (*опуская голову на руки начинаетъ глухо рыдать. Прибытковъ встаетъ и въ волненіи ходитъ по комнатѣ*).

За что же?... за что же?... Что я кому сдѣлалъ?... Всю жизнь человѣкъ работалъ, бился какъ рыба объ ледъ... дѣтство бѣдное... били, какъ собаку... юность голодная... палки да трудъ изъ за куска хлѣба, только и помнишъ... Все вытерпѣлъ... Свѣтилась она мнѣ какъ огонекъ, шелъ я на этотъ огонекъ... а теперь, когда пришелъ, — потушили его... За чѣмъ потушили? (*сильно рыдаетъ со злостью*).

Прибытковъ (*ходитъ въ волненіи по комнатѣ*).

Эхъ чортъ возьми! ничего еще, когда плачетъ жен-

*

щина, или ребенокъ, которому носъ расшибли, а ужъ если начинаетъ рюмить человѣкъ, отъ котораго ни когда ни одной жалобы не слыхалъ — такъ какъ то скверно дѣлается! (*за сматривая въ дверь на лѣво*). Ну, вотъ, и еще къ сценѣ готовься! Да полно Кузьма! жена идетъ, то есть чортъ знаетъ что такое! Когда это люди-людьми сдѣлаются?

ЯВЛЕНІЕ III-е.

Тѣже **Любовь Павловна** и **Наташа.**

Любовь Павловна (*идетъ блѣдная, еле передвигая ноги, какъ ходятъ послѣ тяжкой болѣзни, но улыбается, за нею слѣдуетъ Наташа. Кузьма Ивановичъ старается чтобъ она не видала его лица и на противуположномъ концѣ сцены, какъ будто ищетъ чего-то. Прибытковъ шагаетъ вдоль сцены*).

Ну вотъ, и я къ вамъ пришла! Здравствуйте! (*садясь въ кресло*). Балуетъ меня Кузьма, кресла особыя заказалъ; — а я вовсе не такая слабая. Да гдѣ-жъ ты Кузьма. Что ты тамъ роешся? Подойди ко мнѣ — или не хочешь поцаловать свою Любу?..

Новоникольскій (*глухо, голосъ его дрожитъ, продолжая искать еще усиленнѣе*).

Сейчасъ Любушка… Я вотъ тутъ ищу… надо на минуту къ больному сходить (*его начинаютъ душить ры-*

данія) случай этакой... Экстренный... (*схватывая фуражку и приборъ*). Я сейчасъ приду... Василій Васильевичъ посидитъ... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже, кромѣ Новоникольскаго.

Прибытковъ.

Ну, ужъ нѣтъ. Это кажется оставить надо! (*берется тоже за фуражку*) Прощайте Любовь Павловна! Занимайтесь поменьше — школу то бы закрыть пора, а то эти ребятишки визжатъ около васъ...

Любовь Павловна.

Нѣтъ, ужъ вы неотнимайте отъ меня дѣтей моихъ— не могу, я безъ нихъ, что имъ дѣлать дома? Бьютъ ихъ дома, пускай побудутъ около меня... ужъ недолго...

Прибытковъ.

Ну, какъ знаете!

Любовь Павловна.

Да куда же вы? Посидите! Что вы всѣ точно бѣжите отъ меня?..

Прибытковъ.

А я пойду. Трезорка мой, съ утра, на заперти сидитъ голодный. Покормить надо. Вчера его какой-то подлецъ камнемъ угодилъ—лапу расшибъ. Поймалъ бы таску задалъ. Прощайте! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V-е.

Любовь Павловна и Наташа.

Наташа (*подходя къ кресламъ*).

Любовь Павловна, что я вамъ скажу?

Любовь Павловна.

Что, Наташа?

Наташа.

Знаете, кто у насъ на кухнѣ то сидитъ? съ чернаго хода и прошелъ... Я ужъ при Кузьмѣ то Ивановичѣ и сказать боялась...

Любовь Павловна.

Кто же Наташа?

Наташа.

Да тотъ самый баринъ... Я ужъ и не знаю, Любовь Павловна, какъ и сказать то? Вы не сердитесь на меня... Я ему было сперва сказала что и дома васъ нѣтъ — уйдетъ думаю — такъ онъ говоритъ: я знаю — говоритъ — Любовь Павловна больна, никуда не выходитъ. Сѣлъ къ столу, подперся руками да и сидитъ. Да и чудной такой, я его сперва и не узнала. Одѣтъ-то плохо, не то что прежде.

Любовь Павловна.

Да какой же баринъ, Наташа?

Наташа.

Да что въ деревню то къ намъ ѣздилъ... Валеріанъ Петровичъ!..

Любовь Павловна (*вздрагивая*).

Чтожъ? проси... пускай!

Наташа.

Чтобъ Кузьма-то Ивановичъ чего не подумалъ?

Любовь Павловна.

Нѣтъ! — ничего... все равно...

Наташа.

Такъ я пойду... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

(**Любовь Павловна** сидитъ закрывши глаза).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Любовь Павловна и **Новосельскій**.

Новосельскій (*входитъ изъ дверей на лѣво, очень плохо одѣтый и хмѣльной. Во все время сцены онъ хмѣлѣетъ постепенно. Прежняго Новосельскаго въ немъ нѣтъ и тѣни. Видно, что нищенская жизнь успѣла на немъ уже оставить свой тяжелый слѣдъ. Онъ слегка пошатываясь подходитъ къ Любовь Павловнѣ и вдругъ, рыдая, опускается на колѣни. Руки его опущены, голова тоже*).

Простите... простите меня! Я давно уже хотѣлъ видѣть васъ, сколько разъ подходилъ къ дверямъ — и ворочался... не могъ...

Любовь Павловна (*тяжело дыша*).

Зачѣмъ? въ чемъ прощать? Но еслибъ вы и были виноваты, мнѣ-ли теперь, когда минуты мои сочтены, думать о мщеніи? Встаньте Валеріанъ Петровичъ — мнѣ тяжело смотрѣть на васъ! Никого еще въ жизни я не заставляла унижаться предъ собою, и нагибать голову до земли. Встаньте и выслушайте меня спокойно... Упрековъ не ждите, ихъ не будетъ, и не зачто мнѣ упрекать васъ (*Новосельскій шатаясь встаетъ*).

Новосельскій.

За что? за то, что я погубилъ вашу жизнь?..

Любовь Павловна.

Нѣтъ! не вы погубили меня... Вы одни и не смоглибы погубить меня, силъ бы вашихъ не достало!... Погубило меня тоже, что и васъ погубило—непониманіе жизни, воспитаніе. (*Грустно улыбаясь и проводя рукою по волосамъ*). Теперь съ вами говоритъ уже не довѣрчивая дѣвочка, не институтка, незнающая, что на свѣтѣ существуютъ паспорты, а женщина, видѣвшая горе и оцѣнившая людей. Повторяю, не вы погубили меня, а та-же самая причина, которая погубила и васъ, потому что и вы тоже, одинъ изъ загубленныхъ... Говорили вы фразы, неумѣя разслышать въ нихъ фальшивую ноту, покрайнѣй мѣрѣ передъ смертью, я не хочу думать, что вы обманывали меня—я вѣрила этимъ фразамъ на слово, потому что иначе и поступить не могла —и вотъ жизнь наказала насъ, какъ строгій учитель, не прощающій ни одной ошибки ученикамъ

своимъ.—А ошибокъ было много и съ той, и съ другой стороны. Ваша главная ошибка была та, что вы не знали себя, не знали сами, что вы за человѣкъ. Вамъ казалось, что вы любите меня истинно, а между тѣмъ, вы не любили меня, а васъ просто тѣшила я, какъ удобный экземпляръ, для практическаго примѣненія новомодной идеи. Вы не знали даже и того, что давно, еще въ школѣ, въ васъ была убита способность истинной любви и честныхъ отношеній къ женщинѣ. Потомъ, вамъ казалось, что у васъ хватитъ силъ на борьбу съ обществомъ, а быть можетъ, вы даже не предвидѣли этой борьбы—тогда какъ силъ этихъ не было—ихъ постепенно, съ ранняго дѣтства, отнимало отъ васъ то самое общество, противъ котораго вы хотѣли бороться... Вы звали меня къ труду, позабывъ, что трудъ требуетъ знанія и силы, т. е. того, чего у васъ нѣтъ. Вы думали, что достаточно прочесть нѣсколько книгъ, чтобъ стряхнуть съ себя прошлое всей жизни, и сдѣлаться новымъ человѣкомъ, а между тѣмъ, Валеріанъ Петровичъ, не книги создаютъ людей, а люди создаютъ книги. Не сердитесь на меня за горькую правду, видитъ Богъ, что я ее говорю не для того, чтобъ васъ оскорбить. Я сама виновата, ошибки были и съ моей стороны—по дѣломъ вору и мука! Около меня, стоялъ въ то время человѣкъ, истинно любившій меня, но я его не оцѣнила, даже не замѣтила. Умъ его я промѣняла на ваши блестящія фразы, честность—на разговорный либерализмъ и поплатилась, но пенять не на кого... Мы женщины, отворачиваемся отъ этихъ неловкихъ и некрасивыхъ, но чудныхъ людей, и только тогда,

когда уже тонемъ, протягиваемъ руки, моля о помощи. Эти люди не злопамятны—они приходятъ и спасаютъ насъ. Впрочемъ, Валеріанъ Петровичъ—я буду справедлива до конца. Вы все-таки лучше другихъ. Новая жизнь и на васъ повѣяла крыломъ своимъ. Вы неспособны добывать привязанность женщины обманомъ, подкупомъ, ломая ей руки, душа ее за горло, а вѣдь между вашими товарищами, навѣрно, найдутся и такіе! И теперь, что васъ привело ко мнѣ, какъ неуцѣлѣвшія черты человѣка? (*Новосельскій плачетъ*). Зачѣмъ же плакать? Пріучайте себя понемного къ труду, вы еще молоды, недугъ излечимъ; но объ одномъ молю васъ:— если когда нибудь вы встрѣтите дѣвушку неопытную, бредущую въ темнотѣ, но съ чуткой, впечатлительной натурой, также жадно ищущую свѣта, какъ когда-то искала его я—не троньте ее, не беритесь за ее развитіе, не старайтесь подчинить ее своему вліянію... Пускай она лучше спотыкается, изнемогаетъ въ поискахъ—но сама ищетъ свое назначеніе — вѣрьте — она найдетъ его. И зачѣмъ вы всѣ, стараетесь отнять у русской женщины религію и семейство и толкая ее на путь паденія, говорите, что это широкій и славный путь, труда и свободы (*падаетъ въ кресло*)!..

Новосельскій (*все болѣе и болѣе хмѣлья*).

Нѣтъ, Любовь Павловна, вы не присмотрѣлись ко мнѣ... Развѣ передъ вами стоитъ прежній салонный герой? Пьяница передъ вами стоитъ и нищій (*Любовь Павловна смотритъ на него съ испугомъ*)... Чего вы

смотрите на меня? Не бойтесь... пьяница-то умнѣе и честнѣе сталъ, по кабакамъ ума набрался, кабакъ не гостинная, не бальное зало... (*горько*). Этотъ пьяница не предложилъ бы вамъ гражданскаго брака... Дядюшка правду говорилъ... О, у меня дядюшка умный человѣкъ!... Думалъ я, глупый фразеръ, что мнѣ цѣлое общество ни почемъ, а онъ одинъ пришелъ, да какъ тряхнулъ, такъ и кости посыпались! Дядюшка говорилъ: смотри Валеріанъ!—сила твоя не въ головѣ, а въ карманѣ — деньги отнимутъ и силу отнимутъ.... Что-жъ?—и правда... Отняли подпорки и полетѣлъ Валеріанъ Петровичъ головой на мостовую... Изъ салоннаго-то героя, попалъ въ трактирные герои, а потомъ по порядку—ступенькой ниже... въ кабатскіе засѣдатели.... Ничего!—тамъ и почище меня люди сидятъ... насъ много... Все львы свѣтскія... матушкины сынки... Матушки-то наши добрыя, да папаши чадолюбивые ѣсть-то своихъ сынковъ выучили, а стряпать-то и позабыли... ха, ха, ха! Не много и не доучили... Да вѣдь какъ, я вамъ скажу, ѣсть-то выучили?--такъ что бывало, тысячи поваровъ, потомъ и кровью обливаются, готовятъ—не наготовятся!... И только что мы, какъ говорится, во вкусъ вошли, а тутъ вдругъ на! — и огонь на кухнѣ потушили... Ступайте, говорятъ сами поработайте!.. А куды я—спрашивается—пойду работать? Какого чорта я сработаю? Я ужъ пробовалъ толкаться— да нѣтъ, не везетъ... Изъ службы, какъ раскусили, что я за гусь—выгнали. Ступай—говорятъ—намъ нынче такихъ не нужно... Ваша, молъ, братья мастера были у начальническихъ женъ хвосты таскать, ну а нынче

и безъ ихнихъ хвостовъ дѣла много! Пошелъ у общества частнаго труда просить—дали. Ну и развелъ я надъ ними руками... Опять выгнали... Ну, тогда ужъ я въ кабакъ пошелъ—тамъ не выгонятъ... Намъ вѣдь матушкинымъ сынкамъ всѣ завидуютъ, пока мы рысаками народъ давимъ, да у Доминика, за обѣ щеки, пирожки оплетаемъ. Всякій диву дается, въ ротъ лезетъ заглянуть—какъ это, молъ, ловко этотъ счастливый народъ пироги оплетаетъ, а никто не видитъ, какъ этотъ счастливый народъ вѣкъ доживаетъ, по долговымъ отдѣленіямъ, да по нищенскимъ комитетамъ, да по больницамъ, да по разнымъ трущобамъ—этого-то никто не видитъ.... никто не пожалѣетъ. Одна только, съ которой подлость сдѣлалъ, жизнь отнялъ... *(плачетъ)* одна пожалѣла!... Спасибо голубушка! дорога, охъ какъ дорога, забитому человѣку ласка!... Будитъ эта ласка, все что только осталось въ немъ человѣческаго... (*Любовь Павловна начинаетъ плакать*). Кто меня пожалѣетъ? Нѣту у меня жены, нѣтъ даже любовницы, которая бы меня, а не мои деньги любила, которая-бы вездѣ пришла ко мнѣ, гдѣ-бы я не былъ: въ тюрьмѣ-ли, въ больницѣ-ли... Содержанка-та не придетъ—та скорѣе пьянаго, колесомъ своей коляски переѣдетъ. Нѣту у меня друга, который бы не посовѣстился обнять меня, оборваннаго на улицѣ, а есть свѣтскіе пріятели—такъ тѣ, отъ моихъ заплатокъ, на край свѣта побѣгутъ, если я вздумалъ бы подойти къ нимъ. Нѣтъ у меня дѣтей, а если и есть, такъ гдѣ они?—въ воспитательныхъ домахъ, или въ чужихъ семействахъ... (*бросаясь къ Любовь Павловнѣ*). Учите, учите дѣтей вашихъ, чтобъ

они не погибли подъ колесами жизни, какъ я погибаю, чтобъ они не прокляли васъ, какъ я ихъ проклинаю.... (*шатаясь идетъ къ двери*).

Любовь Павловна (*привстаетъ, держась за кресло*).

Валерій! постой! Я никого-бы такъ не отпустила, а ты думаешъ тебя отпущу? Любовь мою отпущу? (*хватаясь за голову*). Зачѣмъ умираю я? Кто-же, кто спасетъ его? Кузьма—ґдѣ онъ?

ЯВЛЕНІЕ VIII-е.

Тѣже и Кузьма Ивановичъ.

Любовь Павловна (*при входѣ его*).

Кузьма! не пускай его!

Новоникольскій (*смотритъ на него съ бѣшенствомъ*).

Полюбоваться пришли? Ударить послѣдній разъ пришли полумертвую? Ну, что-жъ? я не искалъ нарочно, я не виноватъ (*задыхаясь*), но я обѣщалъ задушить тебя и задушу!!!.. (*бросается и схватываетъ его за горло*).

Любовь Павловна (*съ крикомъ и необыкновенною силою перебѣгаетъ до половины сцѣны*).

Извергъ! (*при этомъ словѣ Новоникольскій отпускаетъ его, какъ пораженный громомъ*) Задушить... человѣка!... Пойди же ко мнѣ бѣдный, убитый, милой

мой!... (*Шатается и падаетъ на руки Новоникольскаго и Новосельскаго. Они несутъ ее въ кресла. Новоникольскій становится около нее на колѣни и беретъ ее за руку. Новосельскій отходитъ*).

Новосельскій (*отходя*).

Что-жъ? бей меня, бей! Меня теперь всякій бить можетъ!.. (*отходитъ къ столу тяжело опускается на стулъ кладетъ голову на руки, какъ-бы засыпая. Съ минуту пауза*).

Новоникольскій (*глухо*).

Умерла... Нѣтъ, не смѣетъ Кузьма горевать надъ тобою... только теперь я понялъ, какъ я былъ низокъ! (*въ глубокой задумчивости*). Всю жизнь, я считалъ себя за честнаго человѣка, и теперь только вижу, какъ далеко мнѣ еще до него! Спишъ ты родная, преступница, непонимавшая даже, что такое преступленіе... Подвели тебя люди къ пропасти, толкнули въ нее и закидали каменьями, и, подъ ударами, ты, въ послѣдній разъ, прокричала имъ, что любишъ ихъ! (*горько улыбаясь*). Когда-то, ты хвасталъ ему (*показывая на спящаго Новосельскаго*), что любишъ честныхъ работниковъ общества.... Да развѣ они нуждаются въ твоей любви, и что мудренаго, любить ихъ? Нѣтъ, ты люби падшаго человѣка, какъ она любила. Кузьма! — говорила она — ты врачъ тѣла, ты знаешь, что чѣмъ глубже рана, тѣмъ больше надо лечить ее, чѣмъ глубже упалъ человѣкъ, тѣмъ надо больше любить его. Только съумѣй полюбить его такъ и подъ лучами этой любви, какъ подъ лучами

солнца, въ немъ опять воскреснетъ все человѣческое! Легко сказать—но гдѣ-же набратся этой великой силы? а у нее была эта сила. Подниму-ли я его, (*обращаясь къ Новосельскому*) или усталый, опять опущу на прежнее мѣсто—Богъ знаетъ!—а она подняла-бы... Не горюетъ надъ тобой Кузьма, а думаетъ онъ теперь глубокую думу... Вся жизнь твоя, какъ чаша, налитая до краевъ, переполненная всепрощающею любовью—что означаетъ она? Не первые-ли проблески разсвѣта, въ жизни русской женщины, означаетъ? Не лежишъ-ли ты передо мною, какъ темный намекъ на ея будущее призваніе? Всѣ мы задыхаемся отъ борьбы, обезсилѣли отъ злости, и ищемъвъ этой злости на наше прошлое, и настоящее, залоговъ для будущаго, гордимся ею... Борьбу сдѣлали условіемъ развитія, въ своей землѣ, точно въ землѣ непріятельской подѣлились на лагери, и, какъ собаки голодныя, ходимъ другъ около друга, выбирая по больнѣе мѣсто, куда-бы запустить свои зубы.... Кто знаетъ? быть можетъ тебѣ, русская женщина, по мимо твоихъ нынѣшнихъ вождей и руководителей, суждено внести, въ нашу жизнь, примиреніе. Быть можетъ, въ тебѣ, русская женщина, проснуться великія силы, и ты съумѣешъ чистыми, незапятнанными кровью руками обнять всѣ классы общества, сплотить ихъ въ одно цѣлое, согрѣвая насъ своею любовью по завѣту Того, который сказалъ когда-то людямъ: «все минетъ—одна любовь останется!» (*опускаетъ голову*).

(*Занавѣсъ тихо падаетъ*).

ЦѢНА 1 РУБ. 25 КОП.

